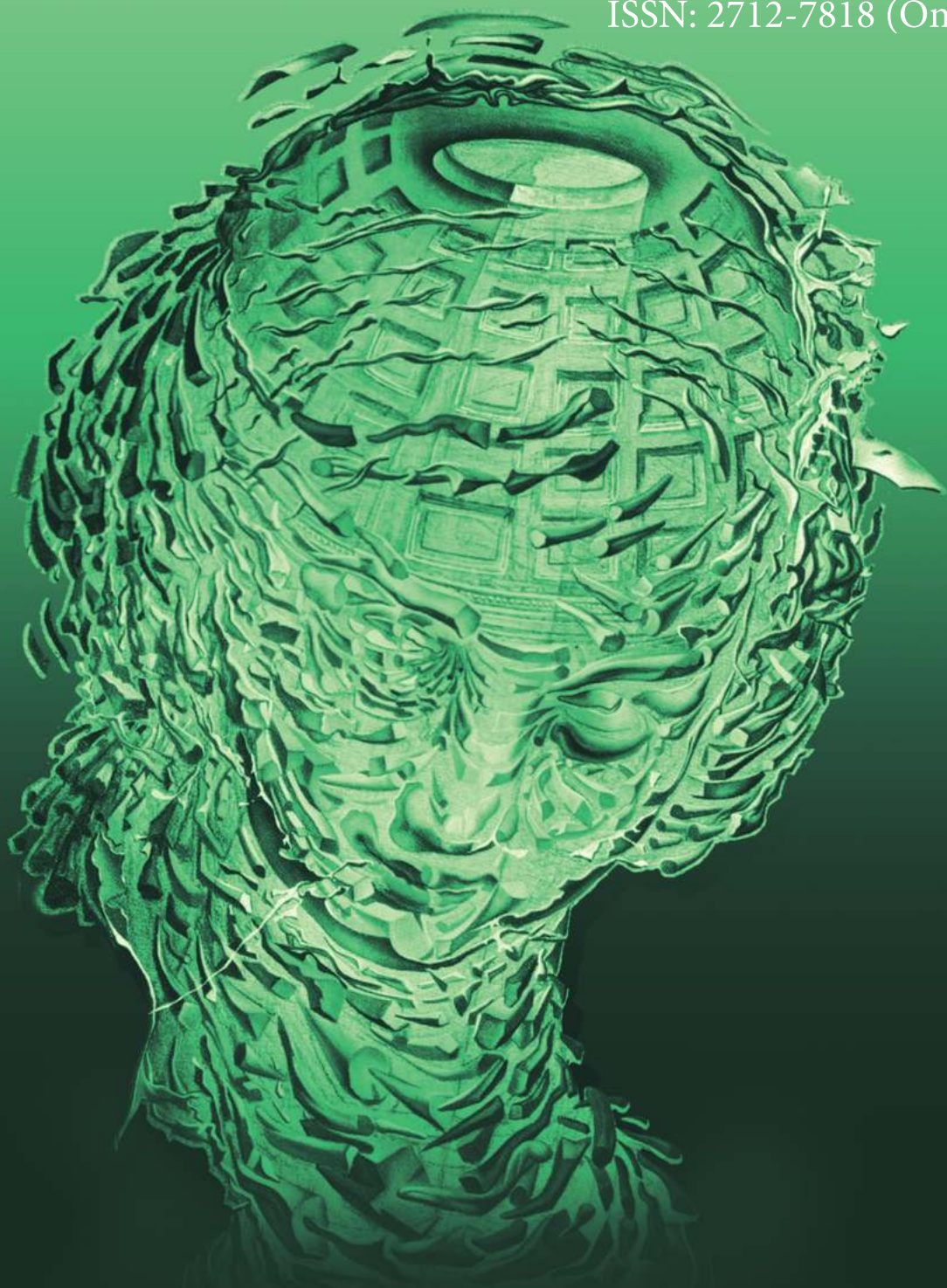

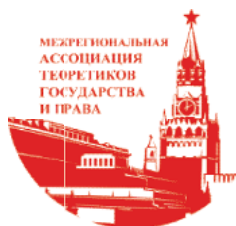
ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

№ 1, 2023

ISSN: 2071-4920 (Print)

ISSN: 2712-7818 (Online)

Юридическая МЫСЛЬ

2023 1 (129)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревна, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Серeda, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarzkiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартъянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёлкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2023»

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2023 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ruizdatcat@eg-online.ru

в Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2023 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-46-25

Адрес в Интернете: <http://lawinst-spb.ru>; <http://matgip.ru>

E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founder and Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European

Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:

199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3

Юридический институт (Санкт-Петербург)

Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12

МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.

Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.03.2023. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 8,5. Усл. п.л. 14,54. Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 1 (129), 2023

На обложке – фрагмент картины

С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2023

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

1 (129)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Путин В.В.</i> Об историческом единстве русских и украинцев	8
<i>Битерман О.Э., Воробьев С.М.</i> Роль приоритетных национальных проектов для российской государственности	35
<i>Высоцкая Г.А.</i> Становление правовой личности в цифровую эпоху	48
<i>Чмырева В.С.</i> Механизм реализации гарантий и защиты прав человека	67

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Ревнов Б.А.</i> Универсальный способ выявления правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации	81
---	----

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гареев М.Ф.</i> Мошенничество в сфере информационных технологий и отдельные вопросы их квалификации.....	101
<i>Гареев М.Ф.</i> Соотношение мер уголовно-правового воздействия и процессуальных пределов судебного разбирательства	115

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Putin V.V.</i> On the historical unity of Russians and Ukrainians	21
<i>Biterman O.E., Vorobyov S.M.</i> The role of priority national projects for Russian statehood	42
<i>Vysotskaya G.A.</i> The Formation of a Legal Personality in the Digital Age	58
<i>Chmyreva V.S.</i> Mechanism for the implementation of guarantees and protection human rights.....	74

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Revnov B.A.</i> A universal way to identify the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation	91
--	----

5.1.4. – CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Gareev M.F.</i> Fraud in the field of information technology and certain issues of their qualification	108
<i>Gareev M.F.</i> Correlation of measures of criminal law impact and procedural limits of judicial proceedings	124

Индексация журнала

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

Crossref

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0

Об историческом единстве русских и украинцев*

В.В. Путин**

Недавно, отвечая в ходе «Прямой линии» на вопрос о российско-украинских отношениях, сказал, что русские и украинцы – один народ, единое целое. Эти слова – не дань какой-то конъюнктуре, текущим политическим обстоятельствам. Говорил об этом не раз, это моё убеждение. Поэтому считаю необходимым подробно изложить свою позицию, поделиться оценками сегодняшней ситуации.

Сразу подчеркну, что стену, возникшую в последние годы между Россией и Украиной, между частями, по сути, одного исторического и духовного пространства, воспринимаю как большую общую беду, как трагедию. Это, прежде всего, последствия наших собственных ошибок, допущенных в разные периоды. Но и результат целенаправленной работы тех сил, которые всегда стремились к подрыву нашего единства. Формула, которая применяется, известна испокон веков: разделяй и властвуй. Ничего нового. Отсюда и попытки сыграть на национальном вопросе, посеять рознь между людьми. А как сверхзадача – разделить, а затем и сравить между собой части единого народа.

Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории. Конечно, в рамках статьи невозможно охватить все события, произошедшие более чем за тысячу лет. Но остановлюсь на тех ключевых, поворотных моментах, о которых нам – и в России, и на Украине – важно помнить.

И русские, и украинцы, и белорусы – наследники Древней Руси, являвшейся крупнейшим государством Европы. Славянские и другие племена на громадном пространстве – от Ладоги, Новгорода, Пскова до Киева и Чернигова – были объединены одним языком (сейчас мы называем его древнерусским), хозяйственными связями, властью князей династии Рю-

* Данная статья опубликована в разделах: Новости, Выступления и стенограммы // Дата публикации: 12 июля 2021 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>

** **Путин Владимир Владимирович** – Президент Российской Федерации, кандидат экономических наук. Сайт: putin.kremlin.ru

риковичей. А после крещения Руси – и одной православной верой. Духовный выбор святого Владимира, который был и Новгородским, и великим Киевским князем, и сегодня во многом определяет наше родство.

Дополнительно.

Киевский княжеский стол занимал главенствующее положение в Древнерусском государстве. Так повелось с конца IX века. Слова Вещего Олега о Киеве: «Да будет это мать городам русским» – сохранила для потомков «Повесть временных лет».

Позднее, как и другие европейские государства того времени, Древняя Русь столкнулась с ослаблением центральной власти, раздробленностью. При этом и знать, и простые люди воспринимали Русь как общее пространство, как свою Отчизну.

После разрушительного нашествия Батыея, когда многие города, включая Киев, были разорены, раздробленность усилилась. Северо-Восточная Русь попала в ордынскую зависимость, но сохранила ограниченный суверенитет. Южные и западные русские земли в основном вошли в состав Великого Княжества Литовского, которое, хочу обратить на это внимание, в исторических документах называлось Великим Княжеством Литовским и Русским.

Представители княжеских и боярских родов переходили на службу от одного князя к другому, враждовали между собой, но и дружили, заключали союзы. На Куликовом поле рядом с великим князем Московским Дмитрием Ивановичем сражались воевода Боброк с Вольни, сыновья великого князя Литовского Ольгерда – Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. При этом свои войска на соединение с Мамаем вёл великий князь Литовский Ягайло – сын тверской княжны. Всё это – страницы нашей общей истории, отражение её сложности и многомерности.

Важно отметить, что и в западных, и в восточных русских землях говорили на одном языке. Вера была православной. Вплоть до середины XV века сохранялось единое церковное управление.

На новом витке исторического развития точками притяжения, консолидации территорий Древней Руси могли стать и Литовская Русь, и укреплявшаяся Московская Русь. История распорядилась так, что центром воссоединения, продолжившим традицию древнерусской государственности, стала Москва. Московские князья – потомки князя Александра Невского – сбросили внешнее ярмо, начали собирать исторические русские земли.

В Великом Княжестве Литовском шли иные процессы. В XIV веке правящая элита Литвы приняла католичество. В XVI веке была заключена Люблинская уния с Польским Королевством – образовалась «Речь Посполитая Обоих Народов» (по сути – польского и литовского). Польская католическая знать получила значительные земельные владения и привилегии на территории Руси. Согласно Брестской унии 1596 года часть западнорусского православного духовенства подчинилась власти Папы Римского. Проводились ополячивание и латинизация, православие вытеснялось.

Как ответ, в XVI–XVII веках нарастало освободительное движение православного населения Поднепровья. Переломными стали события времён гетмана Богдана Хмельницкого. Его сторонники пытались добиться от Речи Посполитой автономии.

В прошении Войска запорожского королю Речи Посполитой в 1649 году говорилось о соблюдении прав русского православного населения, о том, чтобы «воевода Киевский был народа русского и закона греческого, чтобы не наступал на церкви божии...». Но запорожцев не услышали.

Последовали обращения Б. Хмельницкого в Москву, которые рассматривались Земскими соборами. 1 октября 1653 года этот высший представительный орган Русского государства решил поддержать единоверцев и принять их под покровительство. В январе 1654 года Переяславской Радой это решение было подтверждено. Затем послы Б. Хмельницкого и Москвы объехали десятки городов, включая Киев, жители которых принесли присягу русскому царю. Ничего подобного, кстати, не было при заключении Люблинской унии.

В письме в Москву в 1654 году Б. Хмельницкий благодарил царя Алексея Михайловича за то, что он «всё Войско запорожское и весь мир православный российский под крепкую и высокую руку свою царскую принять изволил». То есть в обращениях и к польскому королю, и к русскому царю запорожцы называли, определяли себя русскими православными людьми.

В ходе затяжной войны Русского государства с Речью Посполитой некоторые из гетманов, наследников Б. Хмельницкого, то «отлагались» от Москвы, то искали поддержки у Швеции, Польши, Турции. Но, повторю, для народа война носила, по сути, освободительный характер. Она завершилась Андрусовским перемирием 1667 года. Окончательные итоги закрепил «Вечный мир» 1686 года. В состав Русского государства вошли город Киев и земли левобережья Днепра, включая Полтавщину, Черниговщину, а также Запорожье. Их жители воссоединились с основной частью русского православного народа. За самой этой областью утвердилось название «Малая Русь» (Малороссия).

Название «Украина» тогда использовалось чаще в значении, в котором древнерусское слово «окраина» встречается в письменных источниках ещё с XII века, когда речь шла о различных порубежных территориях. А слово «украинец», если судить также по архивным документам, первоначально означало пограничных служивых людей, обеспечивавших защиту внешних рубежей.

На Правобережье, оставшемся в Речи Посполитой, реставрировались старые порядки, усилился социальный и религиозный гнёт. Левобережье, земли, взятые под защиту единого государства, напротив, стали активно развиваться. Сюда массово переселялись жители с другого берега Днепра. Они искали поддержки у людей одного языка и, конечно, одной веры.

Во время Северной войны со Швецией перед жителями Малороссии не стоял выбор – с кем быть. Мятёж Мазепы поддержала лишь небольшая часть казаков. Люди разных сословий считали себя русскими и православными.

Представители казачьей старшины, включённые в дворянское сословие, достигали в России высот политической, дипломатической, военной карьеры. Выпускники Киево-Могилянской академии играли ведущую роль в церковной жизни. Так было и во времена гетманства – по сути, автономного государственного образования со своим особым внутренним устрой-

ством, а затем – и в Российской империи. Малороссы во многом и созидали большую общую страну, её государственность, культуру, науку. Участвовали в освоении и развитии Урала, Сибири, Кавказа, Дальнего Востока. Кстати, и в советский период уроженцы Украины занимали самые значимые, в том числе высшие посты в руководстве единого государства. Достаточно сказать, что в общей сложности без малого 30 лет КПСС возглавляли Н. Хрущёв и Л. Брежнев, чья партийная биография была самым тесным образом связана с Украиной.

Во второй половине XVIII века, после войн с Османской империей, в состав России вошли Крым, а также земли Причерноморья, получившие название «Новороссия». Они заселялись выходцами из всех российских губерний. После разделов Речи Посполитой Российская империя возвратила западные древнерусские земли, за исключением Галиции и Закарпатья, которые оказались в Австрийской, а впоследствии – в Австро-Венгерской империи.

Интеграция западнорусских земель в общее государственное пространство являлась не только результатом политических и дипломатических решений. Она проходила на основе общей веры и культурных традиций. И вновь особо отмечу – языковой близости. Так, ещё в начале XVII века один из иерархов Униатской церкви Иосиф Рутский сообщал в Рим, что жители Московии называют русских из Речи Посполитой своими братьями, что письменный язык у них совершенно одинаков, а разговорный – хоть и отличается, но незначительно. По его выражению, как у жителей Рима и Бергамо. Это, как мы знаем, центр и север современной Италии.

Конечно, за многие века раздробленности, жизни в разных государствах возникли региональные языковые особенности, говоры. Язык литературный обогащался за счёт народного. Огромную роль здесь сыграли Иван Котляревский, Григорий Сковорода, Тарас Шевченко. Их произведения являются нашим общим литературным и культурным достоянием. Стихи Тараса Шевченко созданы на украинском языке, а проза – в основном на русском. Книги Николая Гоголя, патриота России, уроженца Полтавщины, написаны на русском языке, полны малороссийскими народными выражениями и фольклорными мотивами. Как можно поделить это наследие между Россией и Украиной? И зачем это делать?

Юго-западные земли Российской империи, Малороссия и Новороссия, Крым развивались как многообразные по своему этническому и религиозному составу. Здесь жили крымские татары, армяне, греки, евреи, караимы, крымчаки, болгары, поляки, сербы, немцы и другие народы. Все они сохраняли свою веру, традиции, обычаи.

Не собираюсь ничего идеализировать. Известны и Валуевский циркуляр 1863 года, и Эмский акт 1876 года, ограничивавшие издание и ввоз из-за границы религиозной и общественно-политической литературы на украинском языке. Но здесь важен исторический контекст. Эти решения принимались на фоне драматических событий в Польше, стремления лидеров польского национального движения использовать «украинский вопрос» в своих интересах. Добавлю, что художественные произведения, сборники украинских стихов, народных песен продолжали издаваться. Объективные факты говорят о том, что в Российской империи шёл активный процесс

развития малороссийской культурной идентичности в рамках большой русской нации, соединявшей великороссов, малороссов и белорусов.

Одновременно в среде польской элиты и некоторой части малороссийской интеллигенции возникали и укреплялись представления об отдельном от русского украинском народе. Исторической основы здесь не было и не могло быть, поэтому выводы строились на самых разных вымыслах. Вплоть до того, что украинцы якобы вообще не славяне, или, наоборот, что украинцы – это настоящие славяне, а русские, «московиты», – нет. Подобные «гипотезы» стали всё чаще использовать в политических целях как инструмент соперничества между европейскими государствами.

С конца XIX века австро-венгерские власти подхватили эту тему – в противовес, как польскому национальному движению, так и москвофильским настроениям в Галиции. В годы Первой мировой войны Вена способствовала формированию так называемого Легиона украинских сечевых стрельцов. Галичан, заподозренных в симпатиях к православию и к России, подвергали жестоким репрессиям, бросали в концентрационные лагеря Талергоф и Терезин.

Дальнейшее развитие событий связано с крахом европейских империй, с ожесточённой Гражданской войной, развернувшейся на огромном пространстве бывшей Российской империи, с иностранной интервенцией.

После Февральской революции, в марте 1917 года, в Киеве была создана Центральная Рада, претендовавшая на роль органа высшей власти. В ноябре 1917 года в своём третьем универсале она заявила о создании Украинской Народной Республики (УНР) в составе России.

В декабре 1917 года представители УНР прибыли в Брест-Литовск, где шли переговоры Советской России с Германией и её союзниками. На заседании 10 января 1918 года глава украинской делегации зачитал ноту о независимости Украины. Затем Центральная Рада в своём четвёртом универсале провозгласила Украину независимой.

Продекларированный суверенитет оказался недолгим. Буквально через несколько недель делегация Рады подписала сепаратный договор со странами германского блока. Находившимся в тяжёлом положении Германии и Австро-Венгрии нужны были украинские хлеб и сырьё. Чтобы обеспечить масштабные поставки, они добились согласия на отправку в УНР своих войск и технического персонала. Фактически использовали это как предлог для оккупации.

Тем, кто сегодня отдал Украину под полное внешнее управление, нелишне вспомнить, что тогда, в 1918 году, подобное решение оказалось роковым для правящего в Киеве режима. При прямом участии оккупационных войск Центральная Рада была свергнута, а к власти приведён гетман П. Скоропадский, провозгласивший вместо УНР Украинскую державу, которая находилась, по сути, под германским протекторатом.

В ноябре 1918 года – после революционных событий в Германии и Австро-Венгрии – П. Скоропадский, лишившийся поддержки немецких штыков, взял другой курс и заявил, что «Украине первой предстоит выступить в деле образования Всероссийской федерации». Однако вскоре режим вновь сменился. Наступило время так называемой Директории.

Осенью 1918 года украинские националисты провозгласили Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР), а в январе 1919 года объявили о её объединении с Украинской Народной Республикой. В июле 1919 года украинские части были разгромлены польскими войсками, территория бывшей ЗУНР оказалась под властью Польши.

В апреле 1920 года С. Петлюра (один из «героев», которых навязывают современной Украине) заключил от имени Директории УНР секретные конвенции, по которым – в обмен на военную поддержку – отдал Польше земли Галиции и Западной Волыни. В мае 1920 года петлюровцы вступили в Киев в обозе польских частей. Но ненадолго. Уже в ноябре 1920 года, после перемирия между Польшей и Советской Россией, остатки петлюровских войск сдались тем же полякам.

На примере УНР видно, насколько неустойчивыми были разного рода квазигосударственные образования, возникавшие на пространстве бывшей Российской империи в ходе Гражданской войны и смуты. Националисты стремились к созданию своих отдельных государств, лидеры Белого движения выступали за неделимую Россию. Не представляли себя вне России и многие республики, учреждённые сторонниками большевиков. Вместе с тем по разным мотивам вожди большевистской партии порой буквально выталкивали их за пределы Советской России.

Так, в начале 1918 года была провозглашена Донецко-Криворожская советская республика, которая обратилась в Москву с вопросом о вхождении в Советскую Россию. Последовал отказ. В. Ленин встречался с руководителями этой республики и убеждал их действовать в составе Советской Украины. 15 марта 1918 года ЦК РКП(б) прямо постановил направить на Украинский съезд Советов делегатов, в том числе из Донецкого бассейна, и создать на съезде «одно правительство для всей Украины». Территории Донецко-Криворожской советской республики в дальнейшем в основном и составили области Юго-Востока Украины.

По Рижскому договору 1921 года между РСФСР, УССР и Польшей западные земли бывшей Российской империи отошли Польше. В межвоенный период польское правительство развернуло активную переселенческую политику, стремясь изменить этнический состав в «восточных кресах» – так в Польше называли территории нынешней Западной Украины, Западной Белоруссии и части Литвы. Проводилась жёсткая полонизация, местная культура и традиции подавлялись. В дальнейшем, уже в годы Второй мировой войны, радикальные группировки украинских националистов использовали это как повод для террора не только против польского, но и еврейского, русского населения.

В 1922 году при создании СССР, одним из учредителей которого выступила УССР, после достаточно острой дискуссии среди лидеров большевиков был реализован ленинский план образования союзного государства как федерации равноправных республик. В текст Декларации об образовании Союза ССР, а затем в Конституцию СССР 1924 года внесли право свободного выхода республик из Союза. Таким образом, в основание нашей государственности была заложена самая опасная «мина замедленного действия». Она и взорвалась, как только исчез страховочный, предохранитель-

ный механизм в виде руководящей роли КПСС, которая в итоге сама развалилась изнутри. Начался «парад суверенитетов». 8 декабря 1991 года было подписано так называемое Беловежское соглашение о создании Содружества Независимых Государств, в котором объявлялось, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование». Кстати, Устав СНГ, принятый ещё в 1993 году, Украина не подписала и не ратифицировала.

В 20–30-е годы прошлого века большевики активно продвигали политику «коренизации», которая в Украинской ССР проводилась как украинизация. Символично, что в рамках этой политики с согласия советских властей в СССР вернулся и был избран членом Академии наук М. Грушевский – бывший председатель Центральной Рады, один из идеологов украинского национализма, в своё время пользовавшийся поддержкой Австро-Венгрии.

«Коренизация», безусловно, сыграла большую роль в развитии и укреплении украинской культуры, языка, идентичности. Вместе с тем под видом борьбы с так называемым русским великодержавным шовинизмом украинизация зачастую навязывалась тем, кто себя украинцем не считал. Именно советская национальная политика – вместо большой русской нации, триединого народа, состоявшего из великороссов, малороссов и белорусов, – закрепила на государственном уровне положение о трёх отдельных славянских народах: русском, украинском и белорусском.

В 1939 году земли, ранее захваченные Польшей, были возвращены в СССР. Их значительная часть присоединена к Советской Украине. В 1940 году в УССР вошла часть Бессарабии, оккупированная Румынией в 1918 году, и Северная Буковина. В 1948 году – черноморский остров Змеиный. В 1954 году в состав УССР была передана Крымская область РСФСР – с грубым нарушением действовавших на тот момент правовых норм.

Отдельно скажу о судьбе Подкарпатской Руси, которая после распада Австро-Венгрии оказалась в Чехословакии. Значительную часть местных жителей составляли русины. Об этом сейчас мало вспоминают, но после освобождения Закарпатья советскими войсками съезд православного населения края высказался за включение Подкарпатской Руси в РСФСР или непосредственно в СССР – на правах отдельной Карпаторусской республики. Но это мнение людей проигнорировали. И летом 1945 года было объявлено – как писала газета «Правда» – об историческом акте воссоединения Закарпатской Украины «со своей издавней родиной – Украиной».

Таким образом, современная Украина – целиком и полностью детище советской эпохи. Мы знаем и помним, что в значительной степени она создавалась за счёт исторической России. Достаточно сравнить, какие земли воссоединились с Российским государством в XVII веке, и с какими территориями УССР вышла из состава Советского Союза.

Большевики относились к русскому народу как неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов. Они грезили мировой революцией, которая, по их мнению, вообще отменит национальные государства. Поэтому произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные «подарки». В конечном счёте, чем именно руководствовались лидеры большевиков, кромсая страну, уже не имеет значения. Можно спорить о дета-

лях, о подоплёке и логике тех или иных решений. Очевидно одно: Россия фактически была ограблена.

Работая над этой статьёй, основывался не на каких-то секретных архивах, а на открытых документах, которые содержат хорошо известные факты. Руководители современной Украины и их внешние покровители предпочитают об этих фактах не вспоминать. Зато по самым разным поводам, к месту и не к месту, в том числе за рубежом, сегодня принято осуждать «преступления советского режима», причисляя к ним даже те события, к которым ни КПСС, ни СССР, ни тем более современная Россия не имеют никакого отношения. При этом действия большевиков по отторжению от России её исторических территорий преступным актом не считаются. Понятно почему. Раз это привело к ослаблению России, то наших недоброжелателей это устраивает.

В СССР границы между республиками, конечно же, не воспринимались как государственные, носили условный характер в рамках единой страны, которая, при всех атрибутах федерации, по существу была в высшей степени централизованной – за счёт, повторю, руководящей роли КПСС. Но в 1991 году все эти территории, а главное – люди, которые там жили, в одночасье оказались за границей. И были уже действительно оторваны от исторической Родины.

Что тут скажешь? Всё меняется. В том числе – страны, общества. И конечно, часть одного народа в ходе своего развития – в силу ряда причин, исторических обстоятельств – может в определённый момент ощутить, осознать себя отдельной нацией. Как к этому относиться? Ответ может быть только один: с уважением!

Хотите создать собственное государство? Пожалуйста! Но на каких условиях? Напомню здесь оценку, которую дал один из самых ярких политических деятелей новой России, первый мэр Санкт-Петербурга А. Собчак. Как высокопрофессиональный юрист он считал, что любое решение должно быть легитимно, и потому в 1992 году высказал следующее мнение: республики – учредители Союза, после того как они сами же аннулировали Договор 1922 года, должны вернуться в те границы, в которых они вступили в состав Союза. Все же остальные территориальные приобретения – это предмет для обсуждения, переговоров, потому что аннулировано основание.

Другими словами – уходите с тем, с чем пришли. С такой логикой трудно спорить. Добавлю только, что произвольную перекройку границ большевики, как уже отмечал, начали ещё до создания Союза, и все манипуляции с территориями проводили волюнтаристски, игнорируя мнение людей.

Российская Федерация признала новые геополитические реалии. И не просто признала, а многое сделала, чтобы Украина состоялась как независимая страна. В трудные 90-е годы и в новом тысячелетии мы оказывали Украине весомую поддержку. В Киеве используют свою «политическую арифметику», но в 1991–2013 годах только за счёт низких цен на газ Украина сэкономила для своего бюджета более 82 миллиардов долларов, а сегодня буквально «цепляется» за 1,5 миллиарда долларов российских плате-

жей за транзит нашего газа в Европу. Тогда как при сохранении экономических связей между нашими странами положительный эффект для Украины исчислялся бы десятками миллиардов долларов.

Украина и Россия десятилетиями, веками развивались как единая экономическая система. Глубине кооперации, которая у нас была 30 лет назад, сегодня могли бы позавидовать страны Евросоюза. Мы являемся естественными, взаимодополняющими друг друга экономическими партнёрами. Такая тесная взаимосвязь способна усиливать конкурентные преимущества, приумножать потенциал обеих стран.

А он у Украины был значительным, включал мощную инфраструктуру, газотранспортную систему, передовые отрасли судостроения, авиастроения, ракетостроения, приборостроения, научные, конструкторские, инженерные школы мирового уровня. Получив такое наследие, лидеры Украины, объявляя о независимости, обещали, что украинская экономика станет одной из ведущих, а уровень жизни людей одним из самых высоких в Европе.

Сегодня промышленные высокотехнологичные гиганты, которыми некогда гордились и Украина, и вся страна, лежат на боку. За последние 10 лет выпуск продукции машиностроения упал на 42 процента. Масштаб деиндустриализации и в целом деградации экономики виден по такому показателю, как выработка электроэнергии, которая за 30 лет на Украине сократилась практически вдвое. И наконец, по данным МВФ, в 2019 году, ещё до эпидемии коронавируса, уровень душевого ВВП Украины составил меньше 4 тысяч долларов. Это ниже Республики Албании, Республики Молдовы и непризнанного Косова. Украина сейчас – беднейшая страна Европы.

Кто в этом виноват? Разве народ Украины? Конечно же, нет. Именно украинские власти растранижили, пустили на ветер достижения многих поколений. Мы же знаем, насколько трудолюбив и талантлив народ Украины. Он умеет настойчиво и упорно добиваться успехов, выдающихся результатов. И эти качества, как и открытость, природный оптимизм, гостеприимство – никуда не делись. Остаются прежними и чувства миллионов людей, которые относятся к России не просто хорошо, а с большой любовью, так же как и мы к Украине.

До 2014 года сотни соглашений, совместных проектов работали на развитие наших экономик, деловых и культурных связей, на укрепление безопасности, на решение общих социальных, экологических задач. Приносили ощутимую пользу людям – и в России, и на Украине. Именно это мы считали главным. И потому плодотворно взаимодействовали со всеми, под черкну, со всеми руководителями Украины.

Даже после известных событий в Киеве в 2014 году давал поручения российскому Правительству продумать варианты контактов по линии профильных министерств и ведомств в части сохранения и поддержки наших экономических связей. Однако встречного желания как не было, так до сих пор и нет. Тем не менее, Россия по-прежнему входит в тройку главных торговых партнёров Украины, а сотни тысяч украинцев приезжают к нам на заработки и встречают здесь радушие и поддержку. Такая вот получается «страна-агрессор».

Когда распался СССР, многие и в России, и на Украине всё же искренне верили, исходили из того, что наши тесные культурные, духовные, экономические связи, безусловно, сохранятся, как и общность народа, в основе своей всегда чувствовавшего себя единым. Однако события – сперва исподволь, а потом всё быстрее – стали развиваться в ином направлении.

По сути, украинские элиты решили обосновать независимость своей страны через отрицание её прошлого, правда, за исключением вопроса границ. Стали мифологизировать и переписывать историю, вымарывать из неё всё, что нас объединяет, говорить о периоде пребывания Украины в составе Российской империи и СССР как об оккупации. Общую для нас трагедию коллективизации, голода начала 30-х годов выдавать за геноцид украинского народа.

Открыто и всё наглее заявляли о своих амбициях радикалы и неонацисты. Им потакали и официальные власти, и местные олигархи, которые, ограбив народ Украины, украденное держат в западных банках и готовы продать мать родную, чтобы сохранить капиталы. К этому следует добавить хроническую слабость государственных институтов, положение добровольного заложника чужой геополитической воли.

Напомню, что достаточно давно, задолго до 2014 года, США и страны ЕС планомерно и настойчиво подталкивали Украину к тому, чтобы свернуть, ограничить экономическое сотрудничество с Россией. Мы – как крупнейший торгово-экономический партнёр Украины – предлагали обсудить возникающие проблемы в формате Украина – Россия – ЕС. Но всякий раз нам заявляли, что Россия тут ни при чём, мол, вопрос касается только ЕС и Украины. Де-факто западные страны отклонили неоднократные российские предложения о диалоге.

Шаг за шагом Украину втягивали в опасную геополитическую игру, цель которой – превратить Украину в барьер между Европой и Россией, в плацдарм против России. Неизбежно пришло время, когда концепция «Украина – не Россия» уже не устраивала. Потребовалась «анти-Россия», с чем мы никогда не смирились.

Заказчики этого проекта взяли за основу ещё старые наработки польско-австрийских идеологов создания «антимосковской Руси». И не надо никого обманывать, что это делается в интересах народа Украины. Никогда Речи Посполитой не нужна была украинская культура и тем более казачья автономия. В Австро-Венгрии исторические русские земли нещадно эксплуатировались и оставались самыми бедными. Нацистам, которым прислуживали коллаборационисты, выходцы из ОУН-УПА, нужна была не Украина, а жизненное пространство и рабы для арийских господ.

Об интересах украинского народа не думали и в феврале 2014 года. Справедливое недовольство людей, вызванное острейшими социально-экономическими проблемами, ошибками, непоследовательными действиями тогдашних властей, просто цинично использовали. Западные страны напрямую вмешались во внутренние дела Украины, поддержали переворот. Его тараном выступили радикальные националистические группировки. Их лозунги, идеология, откровенная агрессивная русофобия во многом и стали определять государственную политику на Украине.

Под удар попало всё то, что объединяло нас и сближает до сих пор. Прежде всего – русский язык. Напомню, что новые «майданные» власти первым делом попытались отменить закон о государственной языковой политике. Потом был закон об «очищении власти», закон об образовании, практически вычеркнувший русский язык из учебного процесса.

И наконец, уже в мае этого года действующий президент внёс в Раду законопроект о «коренных народах». Ими признаются лишь те, кто составляет этническое меньшинство и не имеет собственного государственного образования за пределами Украины. Закон принят. Новые семена раздора посеяны. И это в стране – как уже отмечал – очень сложной по территориальному, национальному, языковому составу, по истории своего формирования.

Может прозвучать аргумент: раз вы говорите о единой большой нации, триедином народе, то какая разница, кем люди себя считают – русскими, украинцами или белорусами. Полностью с этим согласен. Тем более, что определение национальной принадлежности, особенно в смешанных семьях, – это право каждого человека, свободного в своём выборе.

Но дело в том, что на Украине сегодня ситуация совершенно другая, поскольку речь идёт о принудительной смене идентичности. И самое отвратительное, что русских на Украине заставляют не только отречься от своих корней, от поколений предков, но и поверить в то, что Россия – их враг. Не будет преувеличением сказать, что курс на насильственную ассимиляцию, на формирование этнически чистого украинского государства, агрессивно настроенного к России, по своим последствиям сравним с применением против нас оружия массового поражения. В результате такого грубого, искусственного разрыва русских и украинцев совокупно русский народ может уменьшиться на сотни тысяч, а то и на миллионы.

Ударили и по нашему духовному единству. Как и во времена Великого Княжества Литовского, затеяли новое церковное размежевание. Не скрывая, что преследуют политические цели, светские власти грубо вмешались в церковную жизнь и довели дело до раскола, до захвата храмов, избиения священников и монахов. Даже широкая автономия Украинской православной церкви при сохранении духовного единства с Московским патриархатом их категорически не устраивает. Этот зримый, многовековой символ нашего родства им надо, во что бы то ни стало, разрушить.

Думаю, закономерно и то, что представители Украины, раз за разом, голосуют против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающей героизацию нацизма. Под охраной официальных властей проходят марши, факельные шествия в честь недобитых военных преступников из эсэсовских формирований. В ранг национальных героев ставят Мазепу, который предавал всех по кругу, Петлюру, который за польское покровительство расплачивался украинскими землями, Бандеру, сотрудничавшего с нацистами. Делают всё, чтобы вычеркнуть из памяти молодых поколений имена настоящих патриотов и победителей, которыми всегда гордились на Украине.

Для украинцев, сражавшихся в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах, Великая Отечественная война была именно Отечественной, потому что они защищали свой дом, свою большую общую Родину. Более двух тысяч стали Героями Советского Союза. Среди них легендарный лёт-

чик Иван Никитович Кожедуб, бесстрашный снайпер, защитница Одессы и Севастополя Людмила Михайловна Павличенко, отважный командир партизан Сидор Артемьевич Ковпак. Это несгибаемое поколение сражалось, отдавало свои жизни за наше будущее, за нас. Забыть об их подвиге – значит предать своих дедов, матерей и отцов.

Проект «анти-Россия» отвергли миллионы жителей Украины. Крымчане и севастопольцы сделали свой исторический выбор. А люди на Юго-Востоке мирно пытались отстоять свою позицию. Но их всех, включая детей, записали в сепаратисты и террористы. Стали грозить этническими чистками и применением военной силы. И жители Донецка, Луганска взялись за оружие, чтобы защитить свой дом, язык, свою жизнь. Разве им оставили иной выбор – после погромов, которые прокатились по городам Украины, после ужаса и трагедии 2 мая 2014 года в Одессе, где украинские неонацисты заживо сожгли людей, устроили новую Хатынь? Таковую же расправу последователи бандеровцев готовы были учинить в Крыму, Севастополе, Донецке и Луганске. Они и сейчас не отказываются от подобных планов. Ждут своего часа. Но не дождутся.

Государственный переворот, последовавшие за этим действия киевских властей неизбежно спровоцировали противостояние и гражданскую войну. По оценке Верховного комиссара ООН по правам человека, общее число жертв, связанных с конфликтом в Донбассе, превысило 13 тысяч человек. В их числе старики, дети. Страшные, невозполнимые потери.

Россия сделала всё, чтобы остановить братоубийство. Были заключены Минские соглашения, которые нацелены на мирное урегулирование конфликта в Донбассе. Убеждён, что они по-прежнему не имеют альтернативы. Во всяком случае, никто не отзывал свои подписи ни под минским «Комплексом мер», ни под соответствующими заявлениями лидеров стран «нормандского формата». Никто не инициировал пересмотр Резолюции Совета Безопасности ООН от 17 февраля 2015 года.

В ходе официальных переговоров, особенно после «одёргивания» со стороны западных партнёров, представители Украины периодически заявляют о «полной приверженности» Минским соглашениям, на деле же руководствуются позицией об их «неприемлемости». Не намерены всерьёз обсуждать ни особый статус Донбасса, ни гарантии для живущих здесь людей. Предпочитают эксплуатировать образ «жертвы внешней агрессии» и торговать русофобией. Устраивают кровавые провокации в Донбассе. Словом, любыми способами привлекают к себе внимание внешних покровителей и хозяев.

Судя по всему, и всё больше убеждаюсь в этом: Киеву Донбасс просто не нужен. Почему? Потому что, во-первых, жители этих регионов никогда не примут те порядки, которые им пытались и пытаются навязать силой, блокадой, угрозами. И во-вторых, итоги и Минска-1, и Минска-2, дающие реальный шанс мирно восстановить территориальную целостность Украины, напрямую договорившись с ДНР и ЛНР при посредничестве России, Германии и Франции, противоречат всей логике проекта «анти-Россия». А он может держаться только на постоянном культивировании образа внутреннего и внешнего врага. И добавлю – под протекторатом, контролем со стороны западных держав.

Что и происходит на практике. Прежде всего – это создание в украинском обществе атмосферы страха, агрессивная риторика, потакание неонацистам, милитаризация страны. Наряду с этим – не просто полная зависимость, а прямое внешнее управление, включая надзор иностранных советников за украинскими органами власти, спецслужбами и вооружёнными силами, военное «освоение» территории Украины, развёртывание инфраструктуры НАТО. Не случайно, что упомянутый скандальный закон о «коренных народах» принимался под прикрытием масштабных натовских учений на Украине.

Под таким же прикрытием проходит и поглощение остатков украинской экономики, эксплуатация её природных ресурсов. Не за горами распродажа сельхозземель, а кто их скупит – очевидно. Да, время от времени Украине выделяют финансовые средства, кредиты, но под свои условия и интересы, под преференции и льготы для западных компаний. Кстати, кто будет отдавать эти долги? Видимо, предполагается, что это придётся делать не только сегодняшнему поколению украинцев, но их детям, внукам, да, наверное, и правнукам.

Западные авторы проекта «анти-Россия» так настраивают украинскую политическую систему, чтобы менялись президенты, депутаты, министры, но была неизменной установка на разделение с Россией, на вражду с ней. Основным предвыборным лозунгом действующего президента было достижение мира. Он на этом пришёл к власти. Обещания оказались враньём. Ничего не изменилось. А в чём-то ситуация на Украине и вокруг Донбасса ещё и деградировала.

В проекте «анти-Россия» нет места суверенной Украине, как и политическим силам, которые пытаются отстаивать её реальную независимость. На тех, кто говорит о примирении в украинском обществе, о диалоге, о поиске выхода из возникшего тупика, вешают ярлык «пророссийских» агентов.

Повторю, для многих на Украине проект «анти-Россия» просто неприемлем. И таких людей – миллионы. Но им не дают поднять голову. У них практически отняли легальную возможность защитить свою точку зрения. Их запугивают, загоняют в подполье. За убеждения, за сказанное слово, за открытое выражение своей позиции не только подвергают преследованиям, но и убивают. Убийцы, как правило, остаются безнаказанными.

«Правильным» патриотом Украины сейчас объявляется лишь тот, кто ненавидит Россию. Более того, всю украинскую государственность, как мы понимаем, предлагается в дальнейшем строить исключительно на этой идее. Ненависть и озлобление – и мировая история это не раз доказывала – весьма зыбкое основание для суверенитета, чреватое многими серьёзными рисками и тяжёлыми последствиями.

Все ухищрения, связанные с проектом «анти-Россия», нам понятны. И мы никогда не допустим, чтобы наши исторические территории и живущих там близких для нас людей использовали против России. А тем, кто предпримет такую попытку, хочу сказать, что таким образом они разрушат свою страну.

Действующие власти на Украине любят ссылаться на западный опыт, рассматривают его как образец для подражания. Так посмотрите, как жи-

вут рядом друг с другом Австрия и Германия, США и Канада. Близкие по этническому составу, культуре, фактически с одним языком, они при этом остаются суверенными государствами, со своими интересами, со своей внешней политикой. Но это не мешает их самой тесной интеграции или союзническим отношениям. У них весьма условные, прозрачные границы. И граждане, пересекая их, чувствуют себя как дома. Создают семьи, учатся, работают, занимаются бизнесом. Кстати, так же, как и миллионы уроженцев Украины, которые живут сейчас в России. Для нас они – свои, родные.

Россия открыта для диалога с Украиной и готова обсуждать самые сложные вопросы. Но нам важно понимать, что партнёр отстаивает свои национальные интересы, а не обслуживает чужие, не является орудием в чьих-то руках для борьбы с нами.

Мы с уважением относимся к украинскому языку и традициям. К стремлению украинцев видеть своё государство свободным, безопасным, благополучным.

Убеждён, что подлинная суверенность Украины возможна именно в партнёрстве с Россией. Наши духовные, человеческие, цивилизационные связи формировались столетиями, восходят к одним истокам, закалялись общими испытаниями, достижениями и победами. Наше родство передаётся из поколения в поколение. Оно – в сердцах, в памяти людей, живущих в современных России и Украине, в кровных узах, объединяющих миллионы наших семей. Вместе мы всегда были и будем многократно сильнее и успешнее. Ведь мы – один народ.

Сейчас эти слова воспринимаются кое-кем в штыки. Могут быть истолкованы как угодно. Но многие люди меня услышат. И скажу одно: Россия никогда не была и не будет «анти-Украиной». А какой быть Украине – решать её гражданам.

On the historical unity of Russians and Ukrainians*

Vladimir V. Putin**

Recently, answering a question about Russian-Ukrainian relations during the Direct Line, he said that Russians and Ukrainians are one people, a single whole. These words are not a tribute to some conjuncture, current political circumstances. I spoke about this more than once, this is my conviction. Therefore, I consider it necessary to state in detail my position, to share assessments of the current situation.

Let me emphasize right away that I perceive the wall that has arisen in recent years between Russia and Ukraine, between parts of, in fact, one histor-

* This article was published in the sections: News, Speeches and Transcripts // Date of publication: July 12, 2021 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>

** **Putin Vladimir Vladimirovich** – President of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences. Website: putin.kremlin.ru

ical and spiritual space, as a great common misfortune, as a tragedy. First of all, these are the consequences of our own mistakes made in different periods. But also the result of the purposeful work of those forces that have always sought to undermine our unity. The formula that is applied is known from time immemorial: divide and conquer. Nothing new. Hence the attempts to play on the national question, to sow discord among people. And as the most important task – to divide, and then pit parts of a single people against each other.

To better understand the present and look into the future, we must turn to history. Of course, within the framework of the article it is impossible to cover all the events that have taken place over more than a thousand years. But I will focus on those key, turning points that it is important for us, both in Russia and in Ukraine, to remember.

Russians, Ukrainians, and Belarusians are the heirs of Ancient Rus', which was the largest state in Europe. Slavic and other tribes in a vast area – from Ladoga, Novgorod, Pskov to Kiev and Chernigov – were united by one language (now we call it Old Russian), economic ties, and the power of the princes of the Rurik dynasty. And after the baptism of Rus' – and one Orthodox faith. The spiritual choice of St. Vladimir, who was both Novgorod and the great Kyiv prince, and today largely determines our relationship.

Additionally.

The Kiev princely table occupied a dominant position in the Old Russian state. This has been the case since the end of the ninth century. The words of Prophetic Oleg about Kyiv: "May this be the mother of Russian cities" – preserved for posterity "The Tale of Bygone Years".

Later, like other European states of that time, Ancient Rus' faced a weakening of the central government, fragmentation. At the same time, both the nobility and ordinary people perceived Rus' as a common space, as their Fatherland.

After the devastating invasion of Batu, when many cities, including Kyiv, were devastated, fragmentation intensified. North-Eastern Rus' fell into the dependence of the Horde, but retained limited sovereignty. The southern and western Russian lands basically became part of the Grand Duchy of Lithuania, which, I want to draw attention to this, was called the Grand Duchy of Lithuania and Russia in historical documents.

Representatives of princely and boyar families passed to the service from one prince to another, were at enmity with each other, but also made friends, made alliances. On the Kulikovo field, next to the Grand Duke of Moscow Dmitry Ivanovich, the voivode Bobrok from Volhynia, the sons of the Grand Duke of Lithuania Olgerd, Andrey Polotsky and Dmitry Bryansky, fought. At the same time, the Grand Duke of Lithuania Jagiello, the son of the Tver princess, led his troops to join Mamai. All these are pages of our common history, a reflection of its complexity and multidimensionality.

It is important to note that both in the western and eastern Russian lands they spoke the same language. Faith was Orthodox. Until the middle of the 15th century, a single church administration was maintained.

On a new round of historical development, both Lithuanian Rus and the strengthening Muscovite Rus could become points of attraction, consolidation

of the territories of Ancient Rus'. History decreed that Moscow became the center of reunification, which continued the tradition of ancient Russian statehood. Moscow princes – the descendants of Prince Alexander Nevsky – threw off the external yoke, began to collect historical Russian lands.

Other processes were going on in the Grand Duchy of Lithuania. In the 14th century, the ruling elite of Lithuania converted to Catholicism. In the 16th century, the Union of Lublin with the Kingdom of Poland was concluded – the “Rzeczpospolita of Both Nations” was formed (in fact, Polish and Lithuanian). The Polish Catholic nobility received significant land holdings and privileges in the territory of Rus'. According to the Union of Brest in 1596, part of the Western Russian Orthodox clergy submitted to the authority of the Pope. Polishization and Latinization were carried out, Orthodoxy was forced out.

As a response, in the 16th–17th centuries, the liberation movement of the Orthodox population of the Dnieper region was growing. The events of the time of Hetman Bohdan Khmelnytsky became a turning point. His supporters tried to achieve autonomy from the Commonwealth.

In the petition of the Zaporizhian Army to the king of the Commonwealth in 1649, it was said about the observance of the rights of the Russian Orthodox population, that “the governor of Kiev was the Russian people and the Greek law, so that he would not step on the churches of God ...”. But the Cossacks were not heard.

B. Khmelnytsky's appeals to Moscow followed, which were considered by Zemsky Sobors. On October 1, 1653, this highest representative body of the Russian state decided to support fellow believers and take them under protection. In January 1654, the Pereyaslav Rada confirmed this decision. Then the ambassadors of B. Khmelnytsky and Moscow traveled to dozens of cities, including Kyiv, whose inhabitants took the oath to the Russian Tsar. Incidentally, there was nothing of the kind at the conclusion of the Union of Lublin.

In a letter to Moscow in 1654, B. Khmelnytsky thanked Tsar Alexei Mikhailovich for the fact that he “deigned to accept the entire Zaporizhzhya Army and the entire Russian Orthodox world under the strong and high hand of his royal hand.” That is, in appeals to both the Polish king and the Russian tsar, the Cossacks called themselves Russian Orthodox people.

During the protracted war between the Russian state and the Commonwealth, some of the hetmans, the heirs of B. Khmelnytsky, either “set aside” from Moscow, or sought support from Sweden, Poland, and Turkey. But, I repeat, for the people the war was, in fact, a liberation character. It ended with the Andrusovo truce of 1667. The final results were fixed by the “Eternal Peace” of 1686. The Russian state included the city of Kyiv and the lands of the left bank of the Dnieper, including Poltava, Chernihiv, and Zaporozhye. Their inhabitants reunited with the main part of the Russian Orthodox people. Behind this region itself, the name “Little Rus” (Little Russia) was established.

The name “Ukraine” was then used more often in the sense in which the Old Russian word “outskirts” has been found in written sources since the 12th century, when it was about various frontier territories. And the word “Ukrainian”, judging also by archival documents, originally meant border service people who provided protection for external borders.

On the Right Bank, which remained in the Commonwealth, the old order was restored, social and religious oppression intensified. The left bank, the lands taken under the protection of a single state, on the contrary, began to develop actively. Residents from the other side of the Dnieper moved here en masse. They sought support from people of the same language and, of course, the same faith.

During the Northern War with Sweden, the inhabitants of Little Russia did not have a choice – with whom to be. Mazepa's rebellion was supported by only a small part of the Cossacks. People of different classes considered themselves Russian and Orthodox.

Representatives of the Cossack elders, included in the nobility, reached the heights of political, diplomatic, and military careers in Russia. Graduates of the Kiev-Mohyla Academy played a leading role in church life. So it was in the days of the hetmanship – in fact, an autonomous state entity with its own special internal structure, and then in the Russian Empire. Little Russians in many ways created a large common country, its statehood, culture, and science. Participated in the development and development of the Urals, Siberia, the Caucasus, and the Far East. By the way, in the Soviet period, the natives of Ukraine occupied the most significant, including the highest positions in the leadership of a single state. Suffice it to say that for almost 30 years in total, the CPSU was headed by N. Khrushchev and L. Brezhnev, whose party biography was most closely connected with Ukraine.

In the second half of the 18th century, after the wars with the Ottoman Empire, Russia included Crimea, as well as the lands of the Black Sea region, which received the name "Novorossia". They were settled by people from all Russian provinces. After the divisions of the Commonwealth, the Russian Empire returned the western Old Russian lands, with the exception of Galicia and Transcarpathia, which ended up in the Austrian, and later in the Austro-Hungarian Empire.

The integration of Western Russian lands into the common state space was not only the result of political and diplomatic decisions. It was held on the basis of common faith and cultural traditions. And again, I will especially note – linguistic proximity. So, at the beginning of the 17th century, one of the hierarchs of the Uniate Church, Joseph Rutsky, reported to Rome that the inhabitants of Muscovy called the Russians from the Commonwealth their brothers, which their written language was exactly the same, and their spoken language, though different, was insignificant. In his expression, like the inhabitants of Rome and Bergamo. This, as we know, is the center and north of modern Italy.

Of course, over many centuries of fragmentation, life in different states, regional linguistic features, dialects have arisen. The literary language was enriched at the expense of the vernacular. Ivan Kotlyarevsky, Grigory Skovoroda, Taras Shevchenko played a huge role here. Their works are our common literary and cultural heritage. Taras Shevchenko's poems are written in Ukrainian, while prose is mostly in Russian. The books of Nikolai Gogol, a patriot of Russia, a native of the Poltava region, are written in Russian, full of Little Russian folk expressions and folklore motifs. How can this heritage be divided between Russia and Ukraine? And why do it?

The southwestern lands of the Russian Empire, Little Russia and Novorossia, Crimea developed as diverse in their ethnic and religious composition. Crimean Tatars, Armenians, Greeks, Jews, Karaites, Krymchaks, Bulgarians, Poles, Serbs, Germans and other peoples lived here. All of them kept their faith, traditions and customs.

I'm not going to idealize anything. Also known are the Valuev Circular of 1863 and the Ems Act of 1876, which restricted the publication and import from abroad of religious and socio-political literature in the Ukrainian language. But the historical context is important here. These decisions were made against the backdrop of dramatic events in Poland, the desire of the leaders of the Polish national movement to use the "Ukrainian issue" in their own interests. I will add that works of art, collections of Ukrainian poems, folk songs continued to be published. Objective facts indicate that in the Russian Empire there was an active process of development of the Little Russian cultural identity within the framework of the large Russian nation, uniting Great Russians, Little Russians and Belarusians.

At the same time, among the Polish elite and some part of the Little Russian intelligentsia, ideas arose and strengthened about the Ukrainian people separate from the Russians. There was not and could not be a historical basis here, so the conclusions were based on a variety of fictions. Up to the fact that Ukrainians are allegedly not Slavs at all, or, conversely, that Ukrainians are real Slavs, and Russians, "Muscovites," are not. Such "hypotheses" are increasingly being used for political purposes as an instrument of rivalry between European states.

Since the end of the 19th century, the Austro-Hungarian authorities took up this topic – in opposition to both the Polish national movement and Muscovite sentiments in Galicia. During the First World War, Vienna contributed to the formation of the so-called Legion of Ukrainian Sich Riflemen. Galicians, suspected of sympathizing with Orthodoxy and Russia, were subjected to severe repressions, thrown into the Talerhof and Terezin concentration camps.

The further development of events is connected with the collapse of European empires, with a fierce Civil War that unfolded over the vast expanse of the former Russian Empire, with foreign intervention.

After the February Revolution, in March 1917, the Central Rada was created in Kyiv, claiming to be the body of supreme power. In November 1917, in her third station wagon, she announced the creation of the Ukrainian People's Republic (UNR) within Russia.

In December 1917, representatives of the UNR arrived in Brest-Litovsk, where Soviet Russia was negotiating with Germany and its allies. At a meeting on January 10, 1918, the head of the Ukrainian delegation read out a note on the independence of Ukraine. Then the Central Rada, in its fourth universal, proclaimed Ukraine independent.

The declared sovereignty turned out to be short-lived. Literally a few weeks later, the Rada delegation signed a separate treaty with the countries of the German bloc. Germany and Austria-Hungary, which were in a difficult situation, needed Ukrainian bread and raw materials. In order to ensure large-scale deliveries, they obtained consent to send their troops and technical personnel to the UNR. In fact, they used it as a pretext for occupation.

For those who today gave Ukraine under complete external control, it is useful to recall that then, in 1918, such a decision turned out to be fatal for the regime ruling in Kyiv. With the direct participation of the occupying troops, the Central Rada was overthrown, and Hetman P. Skoropadsky was brought to power, proclaiming the Ukrainian state instead of the UNR, which was, in fact, under the German protectorate.

In November 1918 – after the revolutionary events in Germany and Austria-Hungary – P. Skoropadsky, having lost the support of German bayonets, took a different course and declared that "Ukraine will be the first to act in the matter of forming the All-Russian Federation." However, soon the regime changed again. The time has come for the so-called Directory.

In the fall of 1918, Ukrainian nationalists proclaimed the Western Ukrainian People's Republic (ZUNR), and in January 1919 they announced its unification with the Ukrainian People's Republic. In July 1919, the Ukrainian units were defeated by Polish troops; the territory of the former ZUNR was under the rule of Poland.

In April 1920, S. Petlyura (one of the "heroes" who are being imposed on modern Ukraine) concluded secret conventions on behalf of the UNR Directory, according to which, in exchange for military support, he gave Poland the lands of Galicia and Western Volhynia. In May 1920, the Petliurists entered Kyiv in the convoy of Polish units. But not for long. Already in November 1920, after the armistice between Poland and Soviet Russia, the remnants of the Petliura troops surrendered to the same Poles.

The example of the UNR shows how unstable was various kinds of quasi-state formations that arose on the territory of the former Russian Empire during the Civil War and unrest. The nationalists sought to create their own separate states, the leaders of the White movement advocated an indivisible Russia. Many of the republics established by supporters of the Bolsheviks did not represent themselves outside of Russia. At the same time, for various reasons, the leaders of the Bolshevik Party sometimes literally pushed them out of Soviet Russia.

So, at the beginning of 1918, the Donetsk-Krivoy Rog Soviet Republic was proclaimed, which turned to Moscow with the question of joining Soviet Russia. There was a refusal. V. Lenin met with the leaders of this republic and urged them to act as part of Soviet Ukraine. On March 15, 1918, the Central Committee of the RCP(b) directly decided to send delegates to the Ukrainian Congress of Soviets, including those from the Donets Basin, and to create at the congress "one government for the whole of Ukraine." The territories of the Donetsk-Kryvyi Rih Soviet Republic later basically formed the regions of the South-East of Ukraine.

According to the Riga Treaty of 1921 between the RSFSR, the Ukrainian SSR and Poland, the western lands of the former Russian Empire were ceded to Poland. In the interwar period, the Polish government launched an active resettlement policy, seeking to change the ethnic composition in the "Eastern Kresy" – this is how the territories of present-day Western Ukraine, Western Belarus and part of Lithuania were called in Poland. Severe Polonization was carried out, local culture and traditions were suppressed. Later, already during the Second World

War, radical groups of Ukrainian nationalists used this as a pretext for terror not only against the Polish, but also the Jewish, Russian population.

In 1922, during the creation of the USSR, one of the founders of which was the Ukrainian SSR, after a rather heated discussion among the leaders of the Bolsheviks, the Leninist plan for the formation of a union state as a federation of equal republics was implemented. In the text of the Declaration on the Formation of the USSR, and then in the Constitution of the USSR of 1924, the right of free secession of the republics from the Union was introduced. Thus, the most dangerous "time bomb" was laid at the foundation of our statehood. It exploded as soon as the safety mechanism disappeared in the form of the leading role of the CPSU, which eventually it fell apart from within. The "parade of sovereignties" began. On December 8, 1991, the so-called Belovezhskaya Agreement was signed on the creation of the Commonwealth of Independent States, which declared that "the Union of the SSR as a subject of international law and geopolitical reality ceases to exist." Incidentally, Ukraine has not signed or ratified the CIS Charter, which was adopted back in 1993.

In the 20–30s of the last century, the Bolsheviks actively promoted the policy of "indigenization", which in the Ukrainian SSR was carried out as Ukrainization. It is symbolic that within the framework of this policy, with the consent of the Soviet authorities, M. Grushevsky, the former chairman of the Central Rada, one of the ideologists of Ukrainian nationalism, who at one time enjoyed the support of Austria-Hungary, returned to the USSR and was elected a member of the Academy of Sciences.

"Indigenization" certainly played a big role in the development and strengthening of Ukrainian culture, language, and identity. At the same time, under the guise of fighting the so-called Russian great-power chauvinism, Ukrainization was often imposed on those who did not consider themselves Ukrainians. It was the Soviet national policy – instead of a large Russian nation, a triune people consisting of Great Russians, Little Russians and Belarusians – that fixed at the state level the position of three separate Slavic peoples: Russian, Ukrainian and Belarusian.

In 1939, the lands previously captured by Poland were returned to the USSR. A significant part of them was annexed to Soviet Ukraine. In 1940, part of Bessarabia, occupied by Romania in 1918, and Northern Bukovina entered the Ukrainian SSR. In 1948 – the Black Sea island of Zmeiny. In 1954, the Crimean region of the RSFSR was transferred to the Ukrainian SSR – with a gross violation of the legal norms in force at that time.

I will separately tell about the fate of Subcarpathian Rus, which ended up in Czechoslovakia after the collapse of Austria-Hungary. A significant part of the local residents were Rusyns. Little is remembered about this now, but after the liberation of Transcarpathia by the Soviet troops, the congress of the Orthodox population of the region spoke in favor of the inclusion of Subcarpathian Rus in the RSFSR or directly in the USSR – as a separate Carpatho-Russian republic. But this opinion of the people was ignored. And in the summer of 1945, it was announced – as the Pravda newspaper wrote – about the historical act of reunification of Transcarpathian Ukraine "with its long-standing homeland – Ukraine.

Thus, modern Ukraine is entirely the brainchild of the Soviet era. We know and remember that to a large extent it was created at the expense of historical Russia. It is enough to compare which lands were reunited with the Russian state in the 17th century and which territories the Ukrainian SSR left the Soviet Union with.

The Bolsheviks treated the Russian people as inexhaustible material for social experiments. They dreamed of a world revolution that they believed would abolish nation-states altogether. Therefore, borders were arbitrarily cut, and generous territorial “gifts” were distributed. Ultimately, what exactly guided the leaders of the Bolsheviks, shredding the country, no longer matters. You can argue about the details, about the background and logic of certain decisions. One thing is clear: Russia was actually robbed.

While working on this article, I did not rely on some secret archives, but on open documents that contain well-known facts. The leaders of modern Ukraine and their external patrons prefer not to remember these facts. But on a variety of occasions, in place and out of place, including abroad, today it is customary to condemn the “crimes of the Soviet regime”, including among them even those events that neither the CPSU, nor the USSR, much less modern Russia have no relation. At the same time, the actions of the Bolsheviks to tear away its historical territories from Russia are not considered a criminal act. It is clear why. Since this has led to the weakening of Russia, our ill-wishers are satisfied with this.

In the USSR, the borders between the republics, of course, were not perceived as state borders, they were conditional within the framework of a single country, which, with all the attributes of a federation, was essentially highly centralized – due, I repeat, to the leading role of the CPSU. But in 1991, all these territories, and most importantly, the people who lived there, suddenly found themselves abroad. And they were already really cut off from their historical homeland.

What can you say? Everything changes. Including countries, societies. And of course, in the course of its development, a part of one nation, due to a number of reasons, historical circumstances, can at a certain moment feel, recognize itself as a separate nation. How to treat it? There can be only one answer: with respect!

Do you want to create your own state? Please! But under what conditions? Let me remind here the assessment given by one of the brightest politicians of the new Russia, the first mayor of St. Petersburg A. Sobchak. As a highly professional lawyer, he believed that any decision should be legitimate, and therefore, in 1992, he expressed the following opinion: the founding republics of the Union, after they themselves annulled the 1922 Treaty, should return to the borders in which they joined Union. All other territorial acquisitions are a subject for discussion, negotiations, because the basis has been annulled.

In other words, leave with what you came with. It's hard to argue with that kind of logic. I will only add that the Bolsheviks, as I have already noted, began arbitrary redrawing of borders even before the creation of the Union, and all manipulations with the territories were carried out voluntaristically, ignoring the opinion of the people.

The Russian Federation has recognized the new geopolitical realities. And not just recognized, but did a lot for Ukraine to take place as an independent country. In the difficult 1990s and in the new millennium, we provided significant support to Ukraine. Kiev uses its own “political arithmetic”, but in 1991–2013 Ukraine saved more than \$82 billion for its budget due to low gas prices alone, and today it literally “clings” to \$1.5 billion of Russian payments for the transit of our gas to Europe. Whereas if economic ties between our countries were maintained, the positive effect for Ukraine would amount to tens of billions of dollars.

Ukraine and Russia have been developing for decades, centuries as a single economic system. The depth of cooperation that we had 30 years ago today would be the envy of the EU countries. We are natural, complementary economic partners. Such a close relationship can enhance competitive advantages and increase the potential of both countries.

And Ukraine had a significant one, including a powerful infrastructure, a gas transportation system, advanced shipbuilding, aircraft building, rocket building, instrument making, world-class scientific, design, and engineering schools. Having received such a legacy, the leaders of Ukraine, declaring independence, promised that the Ukrainian economy would become one of the leading ones, and the standard of living of people one of the highest in Europe.

Today, industrial high-tech giants, which both Ukraine and the whole country were once proud of, lie on their side. Over the past 10 years, the output of engineering products has fallen by 42 percent. The scale of deindustrialization and, in general, the degradation of the economy is visible in such an indicator as electricity generation, which has almost halved in Ukraine over 30 years. And finally, according to the IMF, in 2019, even before the coronavirus epidemic, Ukraine's per capita GDP was less than \$4,000. This is below the Republic of Albania, the Republic of Moldova and the unrecognized Kosovo. Ukraine is now the poorest country in Europe.

Who is to blame? Is it the people of Ukraine? Of course not. It was the Ukrainian authorities who squandered and squandered the achievements of many generations. We know how hardworking and talented people of Ukraine are. He knows how to persevere and persevere to achieve success, outstanding results. And these qualities, like openness, natural optimism, hospitality, have not gone away. The feelings of millions of people who treat Russia not only well, but with great love remain the same, just as we do for Ukraine.

Until 2014, hundreds of agreements and joint projects worked to develop our economies, business and cultural ties, to strengthen security, and to solve common social and environmental problems. They brought tangible benefits to people – both in Russia and in Ukraine. This is what we considered the main thing. And that is why we fruitfully interacted with all, I emphasize, with all the leaders of Ukraine.

Even after the well-known events in Kyiv in 2014, he instructed the Russian Government to think over options for contacts through relevant ministries and departments in terms of maintaining and supporting our economic ties. However, there was no counter desire, and so far there is none. Nevertheless, Russia is still one of the top three trading partners of Ukraine, and hundreds of

thousands of Ukrainians come to us to work and are welcomed here with hospitality and support. This is how the “aggressor country” turns out.

When the USSR collapsed, many in Russia and Ukraine still sincerely believed, proceeded from the fact that our close cultural, spiritual, economic ties would unconditionally be preserved, as well as the community of the people, who at their core always felt united. However, events – at first gradually, and then more and more quickly – began to develop in a different direction.

In fact, the Ukrainian elites decided to justify the independence of their country through the denial of its past, however, with the exception of the issue of borders. They began to mythologize and rewrite history, to exclude from it everything that unites us, to talk about the period of Ukraine's stay in the Russian Empire and the USSR as an occupation. The tragedy of collectivization, the famine of the early 1930s, which is common to us, is presented as the genocide of the Ukrainian people.

Radicals and neo-Nazis openly and more and more boldly declared their ambitions. They were indulged by both the official authorities and local oligarchs, who, having robbed the people of Ukraine, keep the stolen goods in Western banks and are ready to sell their mother in order to save their capital. To this should be added the chronic weakness of state institutions, the position of a voluntary hostage of someone else's geopolitical will.

Let me remind you that quite a long time ago, long before 2014, the US and EU countries systematically and persistently pushed Ukraine to curtail and limit economic cooperation with Russia. We, as Ukraine's largest trade and economic partner, proposed discussing emerging problems in the Ukraine-Russia-EU format. But every time we were told that Russia had nothing to do with it, they say, the issue concerns only the EU and Ukraine. De facto Western countries have rejected repeated Russian offers of dialogue.

Step by step, Ukraine was drawn into a dangerous geopolitical game, the goal of which was to turn Ukraine into a barrier between Europe and Russia, into a foothold against Russia. Inevitably, the time has come when the concept of "Ukraine is not Russia" no longer suits. It took "anti-Russia", which we will never put up with.

The customers of this project took as a basis the old developments of the Polish-Austrian ideologists of creating "anti-Moscow Rus". And there is no need to deceive anyone that this is being done in the interests of the people of Ukraine. The Commonwealth never needed Ukrainian culture, let alone Cossack autonomy. In Austria-Hungary, the historical Russian lands were mercilessly exploited and remained the poorest. The Nazis, who were served by collaborators, people from the OUN-UPA, needed not Ukraine, but living space and slaves for the Aryan masters.

The interests of the Ukrainian people were not thought of in February 2014 either. The just dissatisfaction of the people, caused by the most acute socio-economic problems, mistakes, inconsistent actions of the then authorities, was simply cynically used. Western countries directly interfered in the internal affairs of Ukraine and supported the coup. Radical nationalist groups acted as its battering ram. Their slogans, ideology, outright aggressive Russophobia in many respects began to determine the state policy in Ukraine.

Everything that united us and still brings us together was under attack. First of all, the Russian language. Let me remind you that the new "Maidan" authorities first of all tried to cancel the law on the state language policy. Then there was the law on the "purification of power", the law on education, which practically crossed out the Russian language from the educational process.

And finally, already in May of this year, the incumbent president introduced a bill on "indigenous peoples" to the Rada. They recognize only those who constitute an ethnic minority and do not have their own state education outside of Ukraine. The law has been passed. New seeds of discord have been sown. And this is in a country – as I already noted – very complex in terms of territorial, national, linguistic composition, in terms of the history of its formation.

An argument may sound: since you are talking about a single big nation, a triune people, then what difference does it make who people consider themselves to be – Russians, Ukrainians or Belarusians. I completely agree with this. Moreover, the definition of nationality, especially in mixed families, is the right of every person who is free in his choice.

But the fact is that in Ukraine today the situation is completely different, since we are talking about a forced change of identity. And the most disgusting thing is that Russians in Ukraine are forced not only to renounce their roots, from generations of ancestors, but also to believe that Russia is their enemy. It would not be an exaggeration to say that the course towards forced assimilation, towards the formation of an ethnically pure Ukrainian state, aggressive towards Russia, is comparable in its consequences to the use of weapons of mass destruction against us. As a result of such a rough, artificial gap between Russians and Ukrainians, the Russian people as a whole can decrease by hundreds of thousands, and even by millions.

They also hit our spiritual unity. As in the times of the Grand Duchy of Lithuania, they started a new church delimitation. Without hiding that they were pursuing political goals, the secular authorities grossly interfered in church life and brought matters to a schism, to the seizure of churches, and the beating of priests and monks. Even the broad autonomy of the Ukrainian Orthodox Church, while maintaining spiritual unity with the Moscow Patriarchate, categorically does not suit them. They must destroy this visible, centuries-old symbol of our kinship at all costs.

I think it is also natural that the representatives of Ukraine over and over again vote against the resolution of the UN General Assembly condemning the glorification of Nazism. Marches and torchlight processions in honor of the unfinished war criminals from the SS formations are held under the protection of the official authorities. Mazepa, who betrayed everyone in a circle, Petlyura, who paid for Ukrainian lands for Polish patronage, and Bandera, who collaborated with the Nazis, are put in the rank of national heroes. They are doing everything to erase from the memory of the younger generations the names of true patriots and winners who have always been proud of in Ukraine.

For Ukrainians who fought in the ranks of the Red Army, in partisan detachments, the Great Patriotic War was precisely Patriotic War, because they defended their home, their great common Motherland. More than two thousand became Heroes of the Soviet Union. Among them are the legendary pilot Ivan

Nikitovich Kozhedub, the fearless sniper, the defender of Odessa and Sevastopol Lyudmila Mikhailovna Pavlichenko, the brave partisan commander Sidor Artemyevich Kovpak. This unbending generation fought, gave their lives for our future, for us. Forgetting about their feat means betraying your grandfathers, mothers and fathers.

The “anti-Russia” project was rejected by millions of Ukrainians. Crimeans and Sevastopol residents have made their historic choice. And people in the South-East peacefully tried to defend their position. But all of them, including children, were recorded as separatists and terrorists. They began to threaten ethnic cleansing and the use of military force. And the residents of Donetsk, Luhansk took up arms to protect their home, language, and their lives. Have they been left with a different choice – after the pogroms that swept through the cities of Ukraine, after the horror and tragedy of May 2, 2014 in Odessa, where Ukrainian neo-Nazis burned people alive, staged a new Khatyn? The followers of Bandera were ready to inflict the same massacre in the Crimea, Sevastopol, Donetsk and Lugansk. They still do not abandon such plans. They are waiting for their time. But they won't wait.

The coup d'etat, followed by the actions of the Kyiv authorities, inevitably provoked confrontation and civil war. According to the UN High Commissioner for Human Rights, the total number of victims related to the conflict in Donbass has exceeded 13 thousand people. Among them are the elderly and children. Terrible, irreparable loss.

Russia has done everything to stop fratricide. The Minsk agreements were signed, which are aimed at a peaceful settlement of the conflict in Donbass. I am convinced that they still have no alternative. In any case, no one has withdrawn their signatures either under the Minsk Package of Measures or under the corresponding statements of the leaders of the Normandy Format countries. No one initiated the revision of the UN Security Council Resolution of February 17, 2015.

In the course of official negotiations, especially after being “pulled out” by Western partners, representatives of Ukraine periodically declare their “full commitment” to the Minsk agreements, but in reality they are guided by the position of their “unacceptability”. We do not intend to seriously discuss either the special status of Donbass or guarantees for the people living here. They prefer to exploit the image of a “victim of external aggression” and trade in Russophobia. Arrange bloody provocations in the Donbass. In a word, by any means they attract the attention of external patrons and owners.

Apparently, and I am becoming more and more convinced of this: Kyiv simply does not need Donbass. Why? Because, firstly, the inhabitants of these regions will never accept the order that they tried and are trying to impose on them by force, blockade, threats. And secondly, the results of both Minsk-1 and Minsk-2, which give a real chance to peacefully restore the territorial integrity of Ukraine by directly agreeing with the DPR and LPR through Russia, Germany and France, contradict the entire logic of the “anti-Russia” project. And he can only hold on to the constant cultivation of the image of an internal and external enemy. And I will add – under the protectorate, the control of the Western powers.

What happens in practice? First of all, this is the creation of an atmosphere of fear in Ukrainian society, aggressive rhetoric, pandering to neo-Nazis, militarization of the country. Along with this, not just complete dependence, but direct external control, is including the supervision of foreign advisers over the Ukrainian authorities, special services and armed forces, the military “development” of the territory of Ukraine, and the deployment of NATO infrastructure. It is no coincidence that the aforementioned scandalous law on “indigenous peoples” was adopted under the guise of large-scale NATO exercises in Ukraine.

The absorption of the remnants of the Ukrainian economy and the exploitation of its natural resources are under the same cover. The sale of agricultural land is not far off, and it is obvious who will buy it. Yes, from time to time financial resources and loans are allocated to Ukraine, but under their own conditions and interests, under preferences and benefits for Western companies. By the way, who will pay these debts? Apparently, it is assumed that this will have to be done not only by the current generation of Ukrainians, but also by their children, grandchildren, and, probably, great-grandchildren.

The Western authors of the “anti-Russia” project set up the Ukrainian political system in such a way that presidents, deputies, and minister’s change, but the orientation towards division with Russia, towards enmity with it, remains unchanged. The main pre-election slogan of the incumbent president was the achievement of peace. He came to power on this. The promises turned out to be lies. Nothing changed. And in some ways the situation in Ukraine and around the Donbass has also degraded.

In the “anti-Russia” project, there is no place for sovereign Ukraine, as well as for political forces that are trying to defend its real independence. Those who talk about reconciliation in Ukrainian society, about dialogue, about finding a way out of the impasse that has arisen, are branded as “pro-Russian” agents.

I repeat, for many in Ukraine, the “anti-Russia” project is simply unacceptable. And there are millions of such people. But they are not allowed to raise their heads. They were practically deprived of the legal opportunity to defend their point of view. They are intimidated, driven underground. For beliefs, for the spoken word, for the open expression of one's position, one is not only persecuted, but also killed. Murderers usually go unpunished.

The “right” patriot of Ukraine is now declared only by those who hate Russia. Moreover, the entire Ukrainian statehood, as we understand it, is proposed to be built solely on this idea in the future. Hatred and bitterness – and world history has proven this more than once – is a very shaky foundation for sovereignty, fraught with many serious risks and grave consequences.

We understand all the tricks connected with the “anti-Russia” project. And we will never allow our historical territories and people close to us living there to be used against Russia. And to those who make such an attempt, I want to say that in this way they will destroy their country.

The current authorities in Ukraine like to refer to the Western experience; they consider it as a role model. So look how Austria and Germany, the USA and Canada live next to each other. Close in ethnic composition, culture,

in fact with the same language; they remain sovereign states, with their own interests, with their own foreign policy. But this does not prevent their closest integration or allied relations. They have very conditional, transparent boundaries. And citizens, crossing them, feel at home. They create families, study, and work, do business. By the way, just like the millions of natives of Ukraine who now live in Russia. For us, they are our family.

Russia is open to dialogue with Ukraine and is ready to discuss the most difficult issues. But it is important for us to understand that a partner defends his own national interests, and does not serve someone else's, is not a tool in someone's hands to fight us.

We respect the Ukrainian language and traditions. To the desire of Ukrainians to see their state free, safe, prosperous.

I am convinced that the true sovereignty of Ukraine is possible precisely in partnership with Russia. Our spiritual, human, civilizational ties have been formed for centuries; go back to the same sources, tempered by common trials, achievements and victories. Our kinship is passed down from generation to generation. It is in the hearts, in the memory of people living in modern Russia and Ukraine, in blood ties that unite millions of our families. Together we have always been and will be many times stronger and more successful. After all, we are one people.

Now these words are perceived by some with hostility. They can be interpreted in any way. But many people will hear me. And I will say one thing: Russia has never been and never will be “anti-Ukraine”. And what Ukraine should be like is up to its citizens to decide.

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.035

Роль приоритетных национальных проектов для российской государственности

О.Э. Битерман*

С.М. Воробьев**

Аннотация. В настоящей статье на теоретическом уровне осуществлен анализ поэтапного развития в Российской Федерации национальных проектов. Авторы статьи выделяют комплекс факторов изначально способствовавших началу реализации национальных проектов в российском государстве. В статье отражена ключевая роль Президента Российской Федерации в определении основных приоритетных направлений социальной сферы страны, нуждающихся в глубокой модернизации. Кроме этого авторы, осуществили анализ имеющегося нормативно-правового сопровождения действующих национальных проектов.

Ключевые слова: национальный проект, государство, государственная политика, приоритеты, социальные инициативы, население, граждане, модернизация.

В настоящее время одним из основных способов осуществления государственной политики, направленной на решение крупных социально-экономических проблем, являются приоритетные национальные проекты. Они представляют собой инновацию государственного управления, внедренную по инициативе Президента РФ В.В. Путина. Курс на инвестиции в человеческий капитал был заложен в 2004–2005 гг., когда он в своем Послании Федеральному Собранию установил ряд социальных инициатив – ключевых аспектов государственной демографической политики, представляющих собой основу экономического курса в направлении повышения качества жизни граждан Российской Федерации [2]. Указанные социальные инициативы послужили основой четырёх приоритетных национальных проектов в сфере здравоохра-

* **Битерман Оскар Эдуардович** – аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, Президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru

** **Воробьев Сергей Михайлович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

нения, образования, обеспечения жильём населения и развития агропромышленного комплекса, указанных в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на 2006–2008 гг. [8].

Следует поддержать идею о том, что «внедрение в политический процесс России новых технологий и механизмов реализации национальных проектов имело и имеет как стратегические, так и тактические цели. Стратегические цели – снятие напряженности в социальной сфере, повышение эффективности управления социально-политическими процессами, развитие диалога между властью и обществом, обеспечение устойчивости власти к внешним и внутренним вызовам и угрозам, т.е. стабилизация и развитие демократической политической системы в целом» [5, с. 4].

Началу процесса реализации приоритетных национальных проектов послужили следующие факторы:

- появление значительных объемов относительно свободных ресурсов, которые были сконцентрированы государством в различных формах: золотовалютные резервы, Стабилизационный фонд, остатки по счетам и т.д.;
- сокращение внешнего государственного долга;
- превращение экономического роста страны в устойчивую тенденцию.

Рассмотрим понятие национальных проектов, сложившееся в юридической литературе.

А. П. Абдусаламова в своей диссертации определяет приоритетный национальный проект как комплексную систему мероприятий с чётко обозначенными социально-экономическими ориентирами, направленную на качественное улучшение жизни граждан Российской Федерации за счёт модернизации системы образования, здравоохранения, жилищно-коммунального и агропромышленного комплексов, инициированную и контролирующую государством. С точки зрения данного автора, социально-экономическая природа приоритетных национальных проектов, выражается в обеспечении общенациональных интересов посредством механизмов повышения качества и уровня жизни, здоровья, интеллектуального развития членов общества в целях совершенствования человеческого капитала как основной производительной силы, призванной отвечать требованиям инновационной экономики [4].

По мнению Ю.И. Михалева, приоритетные национальные проекты являются ближайшими целями в реализации общей государственной стратегии Российской Федерации [9]. В отличие от него А. В. Сон считает, что приоритетные национальные проекты представляют собой комплекс взаимосвязанных мероприятий общенационального уровня, которые реализуются для достижения стратегических целей развития российского общества и обеспечения социально-экономической безопасности страны [10].

Важно отметить, что в силу преследуемых целей Правительство РФ дало собственное определение, а именно: национальный проект представляет собой комплекс мероприятий, реализующихся в определенном направлении социально-экономического развития, направленный на достижение кон-

кретных результатов стратегического развития социально-экономической сферы России в условиях ограниченных ресурсов и времени.

Эволюция реализации приоритетных национальных проектов.

История создания и развития приоритетных национальных проектов начинается летом 2003 года. В это время была образована рабочая группы во главе с заместителем руководителя Администрации Президента Российской Федерации (позднее – помощником Президента Российской Федерации) И.И. Шуваловым с целью подготовки предложений по реализации основных положений ежегодного послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г.

«Сферами ответственности» этой группы являлись в то время удвоение внутреннего валового продукта, борьба с бедностью, модернизация вооруженных сил. Эти направления и были изначально определены руководителями рабочей группы в качестве первых национальных приоритетов. В дальнейшем произошла «социализация» приоритетов, их поворот к населению, а специфические вопросы обороны и развития экономики были переданы профильным министерствам и ведомствам.

К июлю 2003 года были в целом сформулированы основные направления работы «шуваловской рабочей группы» по социальному блоку национальных приоритетов, которые впоследствии были развернуты в Национальные проекты. Аппаратную и экспертную работу на предварительном этапе обеспечивал отдел экспертного сопровождения приоритетных национальных программ Экспертного управления Президента Российской Федерации, начальником которого в 2003 году был С.Г. Кордонский.

Алгоритм работы по национальным приоритетам был опробован вначале на проблеме обеспечения населения доступным жильем. Данная задача первой была «изъята» из эксклюзивного ведения Правительства РФ и переведена в область совместного ведения политических, экономических и хозяйственных структур. При президентской администрации была создана рабочая группа «Формирование рынка доступного жилья». Ее возглавила директор Фонда «Институт экономики города» Н.Б. Косарева, которая ранее уже входила в состав рабочих групп, консультировавших президентский Совет по местному самоуправлению по вопросам реформирования ЖКХ в 1997–1998 годах.

Стоит отметить, что в 1997 году Правительством России была принята концепция реформирования ЖКХ, которая предполагала коммерциализацию отрасли и переход на 100% оплату коммунальных услуг к 2003 году. Совместная работа в 1997–1998 годах Совета по местному самоуправлению при Президенте Российской Федерации и Союза российских городов подтвердила, что проблемы жилищно-коммунальной сферы имеют комплексный характер, и для них нет легких и «одномерных» решений.

В самом начале работы над национальными проектами в 2003 г. Президент РФ В.В. Путин заявил, что недофинансирование ЖКХ в России ежегодно составляет 100 млрд. руб. При этом сложная ситуация в жилищно-коммунальной сфере определяется не только отсутствием достаточного финансирования. Он напомнил, что износ сетей ЖКХ к концу

2003 г. составил около 60%, а средства из федерального и регионального бюджетов в рамках финансирования сферы ЖКХ направляются предприятиям-монополистам, «которые не заинтересованы в создании рыночных условий». Тогда же Президент пообещал, что Правительство в ближайшее время будет принимать реальные шаги в направлении совершенствования жилищной политики.

По итогам функционирования рабочих групп в 2003 году было решено разработать комплекс мер, которые охватят все стороны жилищного строительства, включая промышленность стройматериалов, поддержку развития системы коммуникаций и эксплуатации зданий, развитие системы ипотечного кредитования. Был также составлен список требуемых к принятию документов, включающий 27 необходимых законопроектов, десятки подзаконных актов уровня постановлений Правительства Российской Федерации, а также ведомственных нормативно-правовых актов. В числе этих законопроектов были фундаментальные поправки в Жилищный и Градостроительный кодексы, которые должны были активизировать жилищное строительство и образование товариществ собственников жилья, а также проекты законов «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ»; «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)»; «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»; «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части защиты прав и законных интересов граждан, вкладывающих денежные средства в строительство жилья» и «О жилищно-накопительных кооперативах и их деятельности по привлечению и использованию накоплений граждан».

К концу лета 2005 года была закончена работа по составлению номенклатуры социально-экономических приоритетов, которые было решено реализовывать на государственном уровне в виде национальных проектов (программ) с включением также аграрно-сельскохозяйственной проблематики, традиционно для России имеющей политическую составляющую. Кроме известных четырех приоритетных национальных программ, на ранней стадии подготовки «в работе» находились еще два проекта: «Развитие культуры в Российской Федерации» и «Экология и рациональное природопользование».

Акцент на повышении доступности и качества здравоохранения, образования, комфортного жилья – не новые темы. Развитию этих отраслей уделялось существенное внимание, в частности, в Посланиях Президента России Федеральному Собранию. Заявленные Президентом социальные инициативы являются продолжением курса на инвестиции в человека. Эти инициативы развивают проводимый экономический курс, определяют конкретные первоочередные шаги в сфере здравоохранения, образования, жилищной политики. Приоритетной задачей стало также экономическое развитие и повышение инвестиционной привлекательности отечественного агропромышленного комплекса.

К 2005 году для решения заявленных задач сложились благоприятные условия.

Во-первых, у государства имелись финансовые ресурсы, которые в значительном объеме могли быть направлены на решение социальных задач без угрозы инфляции.

Во-вторых, укрепление государственной власти, в частности, новая система избрания руководителей субъектов федерации, создали новые административные возможности: теперь легче было обеспечивать согласованные действия всех ветвей и уровней государственной власти, что абсолютно необходимо для успеха таких масштабных проектов.

В-третьих, государство перешло к трехлетнему циклу бюджетного планирования. Основные параметры федерального бюджета теперь утверждаются не только на ближайший год, но одновременно – еще и на два последующих. Например, в конце 2005 года бюджетные параметры определены вплоть до 2008 года включительно. Горизонты экономического планирования расширяются – растет уверенность в завтрашнем дне. Социально-экономические программы получают необходимые гарантии, масштабные задачи – большую четкость и детализацию.

В-четвертых, основные политические силы страны сходятся в том, что именно на обозначенных приоритетах должны сосредотачиваться усилия государства.

Действительно, в Послании Федеральному Собранию весной 2004 года Президент Владимир Путин сконцентрировал внимание на самых насущных для граждан страны проблемах – качестве и доступности медицинского обслуживания, образования, жилья – и наметил пути социальной модернизации [2].

Осенью 2005 года заявлено о «национальных проектах» в тех же сферах. Вспомним, в чем заключаются сформулированные в 2004 году задачи социальной модернизации. Было провозглашено повышение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения. Из этого, прежде всего, следует, что гарантии бесплатной медицинской помощи должны быть общеизвестны и понятны. И только дополнительная медпомощь и повышенный уровень комфортности ее получения должны оплачиваться пациентом. Причем такая оплата должна производиться в соответствии с принципами обязательного страхования.

Одновременно необходимо было создавать стимулы для развития добровольного медицинского страхования. Сверхзадача модернизации отечественного здравоохранения – повышение его эффективности и, как следствие – показателей здоровья нации. Чтобы не допустить утраты российским образованием своих преимуществ и одновременно усилить его инновационность, необходимо повышать и модернизировать требования к образованию. Формулировать современные запросы к образованию способен только рынок труда. Поэтому результативность реформ в образовании следует измерять по показателям его качества, доступности и соответствия потребностям рынка труда.

В жилищной сфере старые методы и подходы, которые и раньше не решали «квартирный вопрос» для большинства – теперь вообще не работают. Поэтому для основной части работающего населения необходимо обеспечить возможности приобретения жилья на рынке, одновременно с этим

гарантируя предоставление малоимущим социального жилья. Поставлена задача создать такие условия, чтобы к 2010 году минимум треть граждан страны могли бы приобрести квартиру, отвечающую современным требованиям, за счет собственных накоплений и с помощью жилищных кредитов.

Итак, сформулированные в 2004 году задачи для здравоохранения, образования и жилищной сферы носили стратегический характер. Их решение во многом зависело от того, какие темпы будет демонстрировать вся российская экономика в долгосрочной перспективе.

При определении социальных инициатив, которые мы сегодня называем национальными приоритетными проектами, была выбрана тактика конкретных шагов. Поставлены задачи по наиболее острым проблемам образования, здравоохранения, жилищной сферы, сельского хозяйства.

Приоритетные проекты – их можно назвать «ближними целями» – не отменяют определенные ранее стратегические задачи по модернизации здравоохранения и образования, формированию платежеспособного, массового, рынка жилья. Национальные проекты на 2019–2024 гг. в отличие от предыдущих, разработаны по трем основным сферам: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост».

В настоящее время приоритетные национальные проекты занимают особое место в системе национального программирования и проектирования, также происходит увеличение их количества: если в 2005 г. были обозначены четыре направления, то после майского указа Президента РФ 2018 г. их стало 12. В числе направлений стратегического развития России Указом Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1] определены следующие: демография; здравоохранение; образование; жильё и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт.

Правительство получило поручение Президента РФ о разработке паспортов национальных проектов по указанным направлениям. Согласно его сообщению, данное поручение было исполнено, паспорта национальных проектов отражают мероприятия по достижению национальных целей и целевых показателей, обозначенных в Указе Президента [3].

Следует согласиться с Н.В. Беяковой в том, что «Национальные проекты не только влияют на социальные показатели, но и стимулируют рост экономической активности в обществе. Давно известно, что развитие строительства жилья, образование, здравоохранение неизбежно вовлекают в этот процесс и регионы, и все новые отрасли, создают рабочие места, стимулируют вложение инвестиций. Отсутствие прямого диалога между государством и строительным бизнесом, игнорирование мнения профессиональных участников инвестиционно-строительного процесса при принятии

важных решений в этой области может привести и приводит к негативным последствиям» [6, с. 5], что не может не сказаться на общей экономической политике современного российского государства.

Обеспечение социально-экономических прав граждан является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации, и политика эта выражается на настоящем этапе в реализации приоритетных национальных проектов. Исходя из этого, можно заключить, что приоритетные национальные проекты призваны реализовать конституционное положение о социальности Российского государства [7, с. 5].

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 07.11.2022)
2. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 26.05.2004 // <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 07.11.2022).
3. Официальный сайт Правительства РФ // <http://government.ru/> (дата обращения 07.11.2022).
4. Абдусаламова, А. П. Приоритетные национальные проекты в реализации стратегии социально-экономического развития России: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. П. Абдусаламова. – М., 2012. – 168 с.
5. Алабин Д.В. Механизмы и технологии реализации приоритетных национальных проектов в политическом процессе Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук / Д.В. Алабин. – Н.Новгород, 2009. 24 с.
6. Белякова Н.В. Нормативно-правовое регулирование механизма обеспечения приоритетных национальных проектов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 30 с.
7. Белякова Н.В. Реализация национальных приоритетных проектов как способ построения социального Российского государства: статья // Юридическая мысль. 2009. С. 5–13.
8. Костарева Л.В. Реализация приоритетных национальных проектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы: статья // Общество, экономика, управление. – Изд. Челябинского гос. ун-та. – 2018. – Том 3. – № 1. – С. 37–43.
9. Михалев Ю.И. Национальные проекты: сущность, содержание и их значение в обеспечении безопасности России: лекция – <http://goup32441.narod.ru/> (дата обращения 07.11.2022).
10. Сон, А. В. Реализация приоритетных национальных проектов как фактор повышения экономической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. В. Сон. – М., 2010. – 158 с.

Для цитирования: Битерман О.Э., Воробьев С.М. Роль приоритетных национальных проектов для российской государственности: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 1. – С. 35–41.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.035

The Role of priority national projects for Russian Statehood

Oskar Ed. Biterman*
Sergey M. Vorobyov**

Annotation. In this article, at the theoretical level, an analysis of the phased development of national projects in the Russian Federation is carried out. The authors of the article identify a set of factors that initially contributed to the start of the implementation of national projects in the Russian state. The article reflects the key role of the President of the Russian Federation in determining the main priority areas of the country's social sphere, which are in need of deep modernization. In addition, the authors carried out an analysis of the existing regulatory and legal support for existing national projects.

Key words: national project, state, state policy, priorities, social initiatives, population, citizens, modernization.

Currently, one of the main ways of implementing the state policy aimed at solving major socio-economic problems is priority national projects. They represent an innovation in public administration, introduced at the initiative of the President of the Russian Federation V.V. Putin. The course for investment in human capital was laid in 2004–2005, when in his Address to the Federal Assembly he established a number of social initiatives – key aspects of the state demographic policy, which are the basis of the economic course towards improving the quality of life of citizens of the Russian Federation [2]. These social initiatives served as the basis for four priority national projects in the areas of healthcare, education, housing for the population, and development of the agro-industrial complex specified in the Program for the Social and Economic Development of the Russian Federation for 2006–2008 [8].

The idea that “the introduction of new technologies and mechanisms for the implementation of national projects into the political process of Russia had and has both strategic and tactical goals should be supported. The strategic goals are to relieve tension in the social sphere, increase the efficiency of managing socio-political processes, develop a dialogue between the authorities and society, ensure the stability of the authorities to external and internal challenges and threats, i.e. stabilization and development of the democratic political system as a whole” [5, p. 4].

The following factors initiated the process of implementing priority national projects:

* **Biterman Oskar Eduardovich** – Post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of PEI HE “Legal Institute” (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Supervisor – **Sergey Aleksandrovich Komarov**, President of the Inter-Regional Association of State and Law Theorists, Scientific Supervisor of the Legal Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law sciences, professor. E-mail: matgip2017@yandex.ru

** **Vorobyov Sergey Mikhailovich** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

- emergence of significant volumes of relatively free resources, which were concentrated by the state in various forms: gold and foreign exchange reserves, the Stabilization Fund, account balances, etc.;
- reduction of external public debt;
- transformation of the country's economic growth into a sustainable trend.

Let us consider the concept of national projects that has developed in the legal literature.

A.P. Abdusalamova in her dissertation defines a priority national project as a comprehensive system of measures with clearly defined socio-economic guidelines, aimed at improving the quality of life of citizens of the Russian Federation through the modernization of the education system, healthcare, housing and communal and agro-industrial complexes, initiated and controlled state. From the point of view of this author, the socio-economic nature of priority national projects is expressed in ensuring national interests through mechanisms for improving the quality and standard of living, health, intellectual development of members of society in order to improve human capital as the main productive force designed to meet the requirements of an innovative economy [4].

According to Yu.I. Mikhalev, priority national projects are the immediate goals in the implementation of the general state strategy of the Russian Federation [9]. In contrast, A. V. Son believes that priority national projects are a set of interrelated measures at the national level, which are implemented to achieve the strategic goals of the development of Russian society and ensure the socio-economic security of the country [10].

It is important to note that, due to the goals pursued, the Government of the Russian Federation gave its own definition, namely: the national project is a set of measures implemented in a certain direction of socio-economic development, aimed at achieving concrete results of the strategic development of the socio-economic sphere of Russia in conditions of limited resources and time.

Evolution of the implementation of priority national projects. The history of the creation and development of priority national projects begins in the summer of 2003. At that time, a working group was formed headed by the Deputy Head of the Administration of the President of the Russian Federation (later – Assistant to the President of the Russian Federation) I.I. Shuvalov in order to prepare proposals for the implementation of the main provisions of the annual message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on May 16, 2003.

The "areas of responsibility" of this group were at that time the doubling of the gross domestic product, the fight against poverty, the modernization of the armed forces. These directions were initially identified by the leaders of the working group as the first national priorities. In the future, there was a "socialization" of priorities, their turn to the population, and specific issues of defense and economic development were transferred to the relevant ministries and departments.

By July 2003, the main areas of work of the "Shuvalov working group" on the social block of national priorities were generally formulated, which were subsequently expanded into National projects. The administrative and expert

work at the preliminary stage was provided by the Department of Expert Support for Priority National Programs of the Expert Directorate of the President of the Russian Federation, headed by S.G. Kordonsky.

The algorithm of work on national priorities was first tested on the problem of providing the population with affordable housing. This task was the first to be “withdrawn” from the exclusive jurisdiction of the Government of the Russian Federation and transferred to the area of joint management of political, economic and economic structures. Under the presidential administration, a working group "Forming an Affordable Housing Market" was created. It was headed by the director of the Institute of Urban Economics Foundation N.B. Kosarev, who previously was a member of the working groups that advised the Presidential Council for Local Self-Government on reforming housing and communal services in 1997–1998.

It is worth noting that in 1997 the Government of Russia adopted the concept of reforming the housing and communal services, which envisaged the commercialization of the industry and the transition to 100% payment for utilities by 2003. The joint work in 1997–1998 of the Council for Local Self-Government under the President of the Russian Federation and the Union of Russian Cities confirmed that the problems of the housing and communal sector are complex in nature, and there are no easy and “one-dimensional” solutions for them.

At the very beginning of work on national projects in 2003, the President of the Russian Federation V.V. Putin said that the underfunding of housing and communal services in Russia annually amounts to 100 billion rubles. At the same time, the difficult situation in the housing and communal sector is determined not only by the lack of sufficient funding. He recalled that by the end of 2003 the housing and communal services networks were depreciated by about 60%, and funds from the federal and regional budgets within the framework of housing and communal services are directed to monopoly enterprises "which are not interested in creating market conditions". At the same time, the President promised that the Government would soon take real steps towards improving housing policy.

As a result of the work of the working groups in 2003, it was decided to develop a set of measures that will cover all aspects of housing construction, including the building materials industry, support for the development of the communications system and building maintenance, and the development of a mortgage lending system. A list of documents required for adoption was also compiled, including 27 necessary draft laws, dozens of by-laws at the level of resolutions of the Government of the Russian Federation, as well as departmental regulatory legal acts. Among these bills were fundamental amendments to the Housing and Town Planning Codes, which were supposed to intensify housing construction and the formation of homeowners' associations, as well as draft laws “On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation”; “On Amendments to the Federal Law “On Mortgage (Pledge of Real Estate)””; “On Amendments to the Federal Law “On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions Therewith””; “On Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation in Part of Protecting the Rights and Legitimate Interests of Citizens Investing in Housing Construction” and “On Housing Savings Cooperatives and Their Activities to Attract and Use Citizens' Savings”.

By the end of the summer of 2005, work was completed on compiling a nomenclature of socio-economic priorities, which it was decided to implement at the state level in the form of national projects (programs) with the inclusion of agrarian and agricultural issues, which traditionally for Russia have a political component. In addition to the well-known four priority national programs, two more projects were "in progress" at an early stage of preparation: "Development of Culture in the Russian Federation" and "Ecology and Rational Nature Management".

The emphasis on improving the availability and quality of healthcare, education, and comfortable housing are not new topics. Considerable attention was paid to the development of these sectors, in particular, in the Messages of the President of Russia to the Federal Assembly. The social initiatives announced by the President are a continuation of the course towards investment in people. These initiatives develop the ongoing economic course; determine specific priority steps in the field of healthcare, education, and housing policy. The priority task was also economic development and increasing the investment attractiveness of the domestic agro-industrial complex.

By 2005, favorable conditions had developed for solving the stated tasks.

First, the state had financial resources that could be directed to a significant extent to solve social problems without the threat of inflation.

Secondly, the strengthening of state power, in particular, the new system for electing the heads of the subjects of the federation, created new administrative opportunities: now it was easier to ensure coordinated actions of all branches and levels of state power, which is absolutely necessary for the success of such large-scale projects. .

Thirdly, the state has moved to a three-year cycle of budget planning. The main parameters of the federal budget are now being approved not only for the next year, but at the same time – also for the next two. For example, at the end of 2005 the budgetary parameters are determined up to and including 2008. The horizons of economic planning are expanding – confidence in the future is growing. Socio-economic programs receive the necessary guarantees, large-scale tasks – greater clarity and detail.

Fourthly, the main political forces of the country agree that it is on the identified priorities that the efforts of the state should be focused.

Indeed, in the Address to the Federal Assembly in the spring of 2004, President Vladimir Putin focused on the most pressing problems for the citizens of the country – the quality and accessibility of medical care, education, housing – and outlined ways of social modernization [2].

In the autumn of 2005, "national projects" were announced in the same areas. Let us recall what the tasks of social modernization formulated in 2004 are. An increase in the availability and quality of medical care for the general population was proclaimed. From this, first of all, it follows that the guarantees of free medical care should be well known and understandable. And only additional medical care and an increased level of comfort in receiving it should be paid for by the patient. Moreover, such payment should be made in accordance with the principles of compulsory insurance.

At the same time, it was necessary to create incentives for the development of voluntary medical insurance. The overarching task of modernizing do-

mestic health care is to increase its effectiveness and, as a result, indicators of the health of the nation. In order to prevent the Russian education from losing its advantages and at the same time to strengthen its innovativeness, it is necessary to increase and modernize the requirements for education. Only the labor market is capable of formulating modern demands for education. Therefore, the effectiveness of reforms in education should be measured in terms of its quality, accessibility and compliance with the needs of the labor market.

In the housing sector, the old methods and approaches, which did not solve the "housing problem" for the majority before, now do not work at all. Therefore, for the main part of the working population, it is necessary to ensure the possibility of acquiring housing on the market, while at the same time guaranteeing the provision of social housing to the poor. The task was set to create conditions so that by 2010 at least a third of the country's citizens could purchase an apartment that meets modern requirements, using their own savings and with the help of housing loans.

Thus, the objectives formulated in 2004 for health, education and housing were of a strategic nature. Their decision largely depended on what pace the entire Russian economy would demonstrate in the long term.

When defining social initiatives, which we today call national priority projects, the tactics of concrete steps were chosen. Tasks were set for the most acute problems of education, health care, housing, and agriculture.

Priority projects – they can be called "proximate goals" – do not cancel the previously defined strategic tasks for the modernization of healthcare and education, the formation of a solvent, mass housing market. National projects for 2019–2024 unlike the previous ones; they were developed in three main areas: "Human capital", "Comfortable environment for life" and "Economic growth".

Currently, priority national projects occupy a special place in the system of national programming and design, and their number is also increasing: if in 2005 four areas were designated, then after the May decree of the President of the Russian Federation in 2018, there were 12 of them. Among the directions of the strategic development of Russia, Decree of the President of Russia dated May 7, 2018 No. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024" [1] defines the following: demography; healthcare; education; housing and urban environment; ecology; safe and high-quality roads; productivity and employment support; the science; digital economy; culture; small and medium business and support for individual entrepreneurial initiatives; international cooperation and export.

The government received an order from the President of the Russian Federation to develop passports for national projects in these areas. According to the message of the Government, this order was executed; passports of national projects reflect measures to achieve national goals and targets set out in the Decree of the President [3].

We must agree with N.V. Belyakova that "National projects not only affect social indicators, but also stimulate the growth of economic activity in society. It has long been known that the development of housing construction, education, and healthcare inevitably involve regions and all new industries in this process, create jobs, and stimulate investment. The lack of a direct dialogue between the

state and the construction business, ignoring the opinion of professional participants in the investment and construction process when making important decisions in this area can lead and leads to negative consequences” [6, p. 5], which cannot but affect the general economic policy of the modern Russian state.

Ensuring the socio-economic rights of citizens is a priority direction of the state policy of the Russian Federation, and this policy is expressed at the present stage in the implementation of priority national projects. Based on this, we can conclude that priority national projects are designed to implement the constitutional provision on the sociality of the Russian state [7, p. 5].

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (date of issue 07.11.2022)
2. Address of the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 05.26.2004 // <http://www.kremlin.ru> (accessed 07.11.2022).
3. Official website of the Government of the Russian Federation // <http://government.ru/> (accessed 07.11.2022).
4. Abdusalamova, A.P. Priority national projects in the implementation of the strategy of socio-economic development of Russia: author. dis. ... cand. economy Sciences / A. P. Abdusalamova. Moscow, 2012. 168 p.
5. Alabin, D.V. Mechanisms and technologies for the implementation of priority national projects in the political process of the Russian Federation: author. diss. ... cand. polit. Sciences / D.V. Alabin. – N. Novgorod, 2009. 24 p.
6. Belyakova N.V. Normative-legal regulation of the mechanism for ensuring priority national projects: author. diss. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2010. 30 p.
7. Belyakova N.V. Implementation of national priority projects as a way to build a social Russian state: an article // *Legal Thought*. 2009. P. 5–13.
8. Kostareva L.V. Implementation of priority national projects in the Russian Federation: problems and prospects: a scientific article in the journal // *Society, Economics, Management*. Ed. Chelyabinsk state university. 2018. Volume 3. No. 1. P. 37–43.
9. Mikhalev Yu.I. National projects: essence, content and their significance in ensuring the security of Russia: lecture // <http://goup32441.narod.ru/> (accessed 07.11.2022).
10. Son, A. V. Implementation of priority national projects as a factor in improving the economic security of the Russian Federation: author. dis. ... cand. economy Sciences / A. V. Son. Moscow, 2010. 158 p.

For citation: Biterman O.E., Vorobyov S.M. The role of priority national projects for Russian statehood: an article // *Legal Thought*. 2023. No. 1. P. 42–47.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.035

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.048

Становление правовой личности в цифровую эпоху*

Г.А. Высоцкая**

Аннотация. В статье дается изложение особенностей становления и функционирования правовой личности в современной России, переживающей процессы цифровизации в различных сферах государственной и общественной жизни. Дается понятие личности, индивида, этапов становления правовой личности, формирования ее правовой активности, взаимосвязи личности и общества.

Ключевые слова: личность, гражданин, правовая личность, правовое сознание, индивид, правовая активность личности.

Сегодня основная задача формирования правового сознания индивида связывается, прежде всего, с процессом становления правовой личности, что одновременно и есть главное условие формирования правовой государственности и собственно самого гражданского общества в современной России [5, с. 156]. Становление правовой личности предполагает раскрытие особенностей системных связей между формированием личности и правом, где личность выступает в социально-правовой жизни основной реальностью. Зачастую, и не только в нашей стране, ни право, ни политика, ни другие социальные сферы личностью в полной мере не интересуются, воспринимая ее, по мысли А. А. Сафонова, «исключительно только на субъектном уровне» [15, с. 31].

Если в общей сложности почти во всех современных государствах допускаются некоторые уступки в пользу личности, то часто это делается как бы невольно, вследствие протеста личности и ее противодействия обстоятельствам, когда ущемляются ее права и свободы. Отсюда между личностью и государством может возникнуть конфликт, который рискует трансформироваться в социальные катаклизмы. Для того чтобы их избежать, государство должно стремиться сформировать правовую личность,

* В статье использован материал рукописи диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Высоцкой Г.А. «Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правосознания личности в современном российском обществе». СПб., 2023. 196 с.

** **Высоцкая Галина Алексеевна** – стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург).

нацеленную на сознательное выполнение правовых предписаний, защищающую, как свои права, так и права других лиц, активно участвующую в социальной и правовой жизни общества, адекватно стремящуюся к устойчивому развитию государства и гражданского общества. Личность и право диалектически взаимосвязаны, т.к. свобода и право в человеческих отношениях исторически развивалось так, как это представляется в прогрессе, характеризующем равенство людей в качестве формально (юридически) свободных личностей [10, с. 25].

Рассматривая формирование правовой личности, необходимо проанализировать и различные точки зрения на определение, и механизм формирования самого понятия «личность». Так понятие «личность», по мысли Е.С. Злобиной, «представляет систему с внутренним регулированием, связанным с активностью человека в социуме, при постепенном становлении которой индивид будет становиться субъектом этой активности, а значит всё это будет проявлено и в тех социальных отношениях, в которых он будет задействован, т.е. стать личностью в прямом смысле это и будет означать стать субъектом активности, причем активности высшей, социальной» [2, с. 126–127].

По мнению известного психолога В. Штерна «личность – это продукт социальной среды, т.е. продукт социальных факторов и наследственных predispositions, которые достаются человеку от рождения, т.е. биологического фактора. Социальный фактор (среда) и биологический фактор (диспозиция организма) приводят к возникновению нового состояния личности» [19, с. 126–127]. Б. Д. Парыгиным предложена концепция, что «личность – это, прежде всего интегральное понятие, характеризующее человека в качестве объекта и субъекта биосоциальных отношений и объединяющее в нем общечеловеческое, социально-неповторимое» [11, с. 131]. Как считает К. К. Платонов, «личность – это человек, как носитель союза, включающего: биохимические особенности, особенности процессов как форм психического отражения, опыт, характер и способности» [12, с. 45].

И. С. Кон утверждает, что понятие «личность» характеризуется своей многозначностью. С одной стороны, обозначая конкретного индивида (лицо) в виде субъекта деятельности, с единством характерных лишь ему индивидуальных свойств (единичное) и многообразия его социальных ролей (общее). С другой – понимание личности как некоего социального свойства индивида интегрированных в него в процессе развития, с объединением совокупности всех социально-значимых черт, которые должны быть образованы при прямых или косвенных процессах связанных с взаимодействием данного лица с другими людьми, что делает его субъектом труда, познания и общения [9, с. 7].

С.А. Комаров считает, что личность есть индивид, который в своей общественно-исторической деятельности развит до уровня субъекта действительности. Иначе говоря, индивид становится личностью, когда достигает самостоятельности в своей деятельности, когда он уже не растворен в той или иной социальной организации, в своей социальной общности. Личность, рассматриваемая в политико-правовом ракурсе, т.е. подпадающая под действие законов и подзаконных актов государства, приобретает

определенные правовые свойства, четко зафиксированные в законодательстве [8, с. 192].

Само понятие «личность» должно быть разграничено с понятием «индивид», так как его значение является достаточно узким, обозначающим те индивидуальные свойства человека, которые даны ему от природы. А. А. Козлов выразил мнение, что процесс формирования самой личности характеризуется ее длительностью, начиная от рождения и до окончания юности, с прохождением пяти этапов.

Первый – внутриутробное развитие, социальный смысл которого выражен насколько будет качественной связь личности с внешним миром.

Уже при *втором* этапе (от рождения до 2-х лет) у личности должны быть обретены такие жизненно важные качества, которые и будут определять его «доверие к миру».

На *третьем* этапе (от 3-х до 7-ми лет), должны быть проявлены две основные социальные функции. Во-первых: качество освоения тех основных социальных норм, которые используются людьми в процессе жизни. Во-вторых, данный период определяется функцией начального базового обучения, от которого зависит качество последующего интеллектуального развития.

Четвертый этап – отрочество, в период которого накапливается большая часть массы информации, закрепляя навыки, нормы и, по сути своей, он является подведением всех предыдущих этапов, показывающих как сформировалась и развилась личность, будучи в детском возрасте.

Пятый этап – юность (от 14 до 18 лет), который характеризуется как изменением психофизиологических параметров, так и проявлением становления иной роли в своей практической деятельности. Компонент прагматичности подвергается усилению. Происходит становление молодого человека достаточно быстро с целью стать в социуме уже реальным субъектом взрослой волевой композиции, с превращением его в субъект социальной активности [7, с. 78].

В проблематике, связанной с формированием правового сознания личности должно быть учтено, что по факту основным носителем правового сознания здесь будет являться отдельная личность, обозначенная рамками субъекта правоотношений группы.

Однако Э. Эриксон выделяет гораздо больше стадий развития личности. По его мнению, существует восемь стадий, на которые можно разделить этапы развития личности при её идентификации, каждая из которых характеризуется выбором индивида между двумя альтернативными фазами решения возрастных и ситуативных задач развития [20, с. 14]. Тот факт, каким будет этот выбор и будет сказываться на всей последующей жизни, в том её смысле, как наличие успешности и неуспешности, всей жизненной продуктивности.

Первая стадия (инкорпоративная), до 1,5 лет, у младенца решается фундаментальный вопрос своей последующей жизни – это его доверие или недоверие к окружающему миру.

На *второй* стадии, с 1,5 до 4 лет, ребенок приобретает автономную внутреннюю самостоятельность.

На *третьей* стадии, с 4 до 6 лет разрешается альтернативный вопрос проявление инициативы в связи с чувством вины. Этот возраст характеризуется расширением того пространства, в котором протекает жизнедеятельность ребенка, с постановкой самому себе целей, придумыванию занятий, фантазированию. В пространстве ребенка появляется все больше людей.

При *четвертой* стадии, с 6 до 11 лет происходит связь овладения ребенком различным умениям. Сфера активности ребёнка проистекает в овладении символами культуры. Этот возраст, оптимален для времени обучения. Здесь происходит формирование чувства умелости, компетентности, а в случае негативного протекания процесса – неполноценности.

Пятая стадия, с 11 до 20 лет, ключевая для приобретения индивидом чувства идентичности. Перед личностью встает задача объединить всё, что ему стало известно о самом себе, осмыслить это, связать с прошлым и спроектировать на будущее. При удачном протекании этого процесса у индивида происходит формирование чувства идентичности, в случае неблагоприятного протекания – идентичность подвергается перемешиванию, сопрягаясь в отношении себя мучительными сомнениями, в определении как в группе, так и в обществе того места, которое соответствует его навыкам.

В *шестой* стадии, с 21 до 25 лет, происходит переход способствующий решениям уже достаточно взрослых задач на той базе, которую смогла сформировать психосоциальная идентичность. Ставится решение глобального вопроса принципиального выбора широкого поля при установлении дружеских и семейных связей, вводя перспективу воспитания нового поколения в изоляционном ракурсе, свойственным людям со спутанной идентичностью.

Седьмая стадия (с 25 до 50/60 лет), связана с противоречием между способностью личности к развитию и собственно застою личности, т.е. она медленно регрессирует, проживая процесс жизненных будней. Как противоположность застою, личность награждается за то, что ранее она овладела способностью к саморазвитию своей индивидуальности и неповторимости.

В *восьмой* стадии, свыше 60 лет, происходит завершение жизненного пути, и здесь, индивид может обрести покой и уравновешенность, как следствие, вытекающее из его личностной целостности, либо обрекается на безысходное отчаяние, подытоживающее его путаную жизнь [20, с. 14–16].

Как мы видим, из схемы Э. Эриксона, наиболее ценной стадией развития в деле приобретения индивидом знаний, нравственной морали, ценностей и чувства идентичности, является пятая стадия процесса, т.е. период развития личности, который длится с 11 до 20 лет.

Понятие правовой личности как таковое вводилось еще в конце XIX – начале XX веков, с возникновением потребности у философов и правоведов объяснить идею существования и развития правового государства с представлением о самой личности, которая обладает свойствами специфического характера. Именно такая личность и была названа «правовой». В основном содержание понятия «правовая личность» определил в России еще в начале XX века Б. А. Кистяковский: правовая личность – это та лич-

ность, подчинённая дисциплине права и устойчивого правопорядка, при наделении всеми правами со свободным использованием ими. Система любого государства, стремящегося быть правовым, ставится перед рациональным включением личности в сферы политической и социально-правовой деятельности, в борьбу, обязующую к уважению своих неотчуждаемых прав, с пониманием той ответственности, обязующей соблюдать законы государства [6].

Состояние правовой личности можно охарактеризовать тем, что она: во-первых, уверена в том, что только свобода всех людей в обществе есть одна из надежных гарантий свободы каждого;

во-вторых, уважение достоинства других лиц, есть необходимое условие выступающих в качестве равных участников правового общества;

в-третьих, она обладает чувством личной ответственности за свои поступки и внутреннего убеждения в важности исполнения человеком лежащих на нем обязанностей;

в-четвертых, уважение к закону есть основной принцип бытия;

в-пятых, вера в то, что соблюдение принятых человеком обязательств есть элементарное условие нормального существования людей в рамках общества [17, с. 70].

По нашему мнению, *правовая личность – это гражданин, активно функционирующий в социально-правовом пространстве, т.е. находящийся в сфере социального и нормативно-правового регулирования, что даёт ему возможность активно включаться в социально-правовую действительность с полноправной реализацией своих прав и обязанностей и проявлением своей правовой активности.*

Следует иметь в виду, что изначальное зарождение личности происходит вне права. Право «связывает» человека уже при прохождении определённого этапа жизни, с противостоянием проявления личности, либо нормой, самые разные индивиды подводятся под одно общее правило. Именно с нормой права происходит нивелирование индивида и это способствует подавлению его личностной природы. Личность существует всегда за пределами норм. Именно это и делает её личностью, потому что через творческую самореализацию происходит трансцендентное восприятие себя, с выходящими за пределы устоявшегося и характеризуется отличием от общепринятого уровня [18].

Вместе с тем, процесс становления правовой личности в правовом пространстве, проходил, и будет проходить всегда достаточно сложно. Так, за прошедшие десятилетия в российском обществе произошли коренные изменения, свидетельствующие о переосмыслении социальных и правовых ценностей предыдущих поколений. В правовой практике существующей системы прошлых лет, личность не была признана как самостоятельный и свободный субъект, действуя в сфере политики и права. Роль субъектов в сфере политики и права была отведена лишь народным массам, классам и партиям. Личность имела право быть допущенной к участию в политико-правовой жизни, облакаясь в качество представителя официальной структуры с четко регламентированной политической функцией. В этой связи проблема становления правовой личности все более актуализируется: те-

перь мерой политико-правовой субъективности человека, прежде всего, является его правовая активность и участие в политико-правовой и социальной жизни российского государства.

Личность – это субъект права в правовой сфере общества, т.е. это всегда человек. Когда он реализует собственную экзистенцию в правовых коммуникациях, то выступает субъектом права – физическим лицом. Когда он это делает от имени и по поручению должности – именуется должностным лицом, а когда от имени коллективного образования – коллективным субъектом права. Именно личность формирует право и воспроизводит его со своими индивидуальными представлениями и действиями [3, с. 84].

Для того, чтобы личность была правовой, она должна обладать рядом специфических свойств и качеств.

Во-первых, осуществление осознания человеком своих личных, социально-групповых и общих (общенародных) интересов, что определяет стимул его полезного поведения в социуме;

во-вторых, тот факт, как человек осознал свои обязанности перед другими людьми, социальными группами и обществом в целом;

в-третьих, социальная и правовая личностная активность, которая находит выражение в ее позитивном поведении [13, с. 17]. Основным признаком правовой личности, определяющим её как социально-правовую категорию, есть проявление во внешнем выражении ее внутреннего мира, такое поведение личности, которое способствует созданию объективных предпосылок, дающих толчок в самореализации самой личности относительно правового пространства данного общества.

Для правовой личности всегда характерна правовая активность, которая выступает ее главным структурным элементом. Под правовой активностью, следует понимать определенное имманентное социально-правовое свойство личности, которое будет находиться в процессе взаимодействия человека с правовой средой, будет выражать её способность, определяющую сферу активной деятельности в правовом регулировании. В силу этого правовая активность является степенью, характеризуемой интенсивностью и социальной ценностью этой деятельности, с выражением уровня правовой социализации личности [1, с. 17]. Правовая активность – это сплав теоретических и практических знаний, умений, навыков функционирования в правовом пространстве. Без сомнения правовая личность характеризуется высоким уровнем правовой активности. Но встаёт вопрос: а возможно ли для правовой личности быть обладателем среднего или низкого уровня правовой активности? Ответом на этот вопрос будет в том, какой именно смысл вкладывается в категорию правовой личности: «личность, проживающая в правовом государстве» или «инициативная, социально-активная личность» [16, с. 30].

Проблемой будет являться то, что устойчивость систем определена существующим законом: система будет устойчива только в том случае, если в ней количество подсистем каждого вида будет находиться в достаточном наличии.

Ввиду обладания личностью любого уровня правовой активностью, в существующем в реальном времени правовом государстве должен быть

в наличии полный набор как активных, так и пассивных личностей. Более того, в государстве должно быть и достаточное число внеправовых личностей. Но оптимальность соотношения всех видов личностей необходима для того, чтобы обеспечить нормальную работу системы сдержек и противовесов. В противном случае общество окажется в состоянии аномии и может подвергнуться гибели [14, с. 13]. На степень правовой активности личности влияют следующие основополагающие факторы.

Во-первых, это психологические факторы, в соответствии с которыми происходит осознание личностью своей принадлежности к данному народу, нации, государству. Разговор на разных языках, исповедование различных религий, следование различным традициям, не мешает формировать политико-правовой и национальный менталитет у разных людей, с проживающими в одном государственном пространстве, если в сознании человека прочно укоренилась мысль об его единстве с другими, что может оказаться гораздо сильнее многих других факторов.

Во-вторых, это юридические факторы, в соответствии с которыми осуществляется государственно-правовая принадлежность человека. Многовековой опыт доказал, что именно юридическая, правовая принадлежность человека к тому или иному государству обуславливает его идентичность в конкретном политико-правовом пространстве. Новый образ России необходимо формировать, лишь определив её национально-государственную идентичность. Яркой, характерной чертой является тот факт, что поиском национальной идеи занимаются уже не только политологи и философы, но в этот процесс на сегодняшний день оказались активно включены и юристы (теоретики права).

В-третьих, это экономические факторы, влияющие на развитие правовой активности, отражающиеся в либерализации любого вида собственности, в свободе реализации предпринимательской деятельности и т.д., в целом именно то, что может эффективно стимулировать любое воздействие, связанное с правовой активностью человека, с чётким проявлением потребности в экономической самостоятельности в интересах перспективного развития своего будущего.

В-четвертых, это политические факторы, стимулирующие правовую активность личности, основаны на проявлении демократизма общества, народовластия, обеспечивающие рост социальной активности человека, с наиболее полноценным использованием всех прав и свобод конституционно закрепленных. Всё это призвано способствовать правильному формированию понятия правовой культуры у граждан Российской Федерации, глубокого уважения к закону, позитивному социально-активному поведению в сфере нормативно-правового регулирования, образуя единое целое при эволюционном направлении в области формирования правового сознания.

В-пятых, на развитие правовой активности личности непосредственно влияют социальные факторы, что чётко и убедительно выражено в современной действительности: признание уважения человека самим государством, фактически признанные приоритеты его прав и свобод, наличие социальной справедливости, формирующее у человека чувство защищенности, наличие стимулов его социально-позитивного поведения и социальной активности.

В-шестых, немаловажными, и достаточно в серьезной форме к системообразующим факторам целостного формирования правовой активности личности, выраженного в ее социально-полезном поведении, следует отнести духовные факторы. Их влияние в значительной мере определяет уровень образованности личности, проявления ее культурных навыков, с постоянным повышением ее потенциала нравственности, с оказанием стимулирующего воздействия на целостность развития правовой личности. Уровень правовой образованности напрямую связан с уровнем правовой активности, так как повышение уровня образования характеризуется повышением самого уровня выражения правовой активности деятельности личности.

В целом, можно умозаключить, что категория правовой активности выступает главным элементом структуры правовой личности.

К другим структурным элементам, слагаемым правовой личности следует отнести:

- социальные потребности личности в обществе, в частности, ее частные интересы. С выражением своих интересов, у правовой личности должно быть проявлено их рациональное осознание, с соизмеримостью потребности в обществе;

- овладение личностью сферами политических, правовых и культурных ценностей общества, что в целом и составляют ее духовно-нравственный мир;

- знание личностью социальных норм и принципов функционирования общества (нравственных, правовых, политических, корпоративных, экономических и. т.д.). Именно они в итоге и формируют глубокие законопослушные убеждения правовой личности;

- правовой суверенитет личности, под которым понимается приспособление личности в обществе только в рамках правомерного поведения.

Правовая личность, как и категория правового сознания в совокупности с другими правовыми категориями образуют понятие правовой безопасности личности, под которой следует понимать комплексный законодательный массив, процедуры правотворческой и правоприменительной деятельности, уровень правовой культуры, правового сознания и правовой социализации граждан [4, с. 52].

Таким образом, процесс становления правовой личности в современной России должен быть направлен на интеграцию в ее поведении всех позитивных свойств правомерности поведения. Это обеспечивается тенденциями гуманизации правового развития общества, стержнем которых стала переориентация на реализацию интересов личности, формирование ее правового сознания, стремлением к осуществлению интересов каждого отдельного человека, обеспечению его прав и свобод. В контексте современного развития российского государства гуманизация означает переход к новому типу отношений, которые служили бы интересам личности, создавали условия ее свободного и полноценного развития, а также обеспечивали бы собственную самореализацию личности в правовом пространстве государства.

Представляется, что проблема становления правовой личности составляет суть определения степени её возможностей оказывать влияние в правовой жизни общества на процесс конструирования позитивного

уровня правового сознания самой личности. Такой мерой правовой субъективности человека является, прежде всего, выражение его правовой активности, с определением места ее активного участия в различных сферах жизни российского общества: экономической, политической, социальной, духовной. Следовательно, тот факт как проявляет личность свою активность, участвуя в правовой жизни российского общества, является основным показателем реализуемой правовой активности личности. Это и есть должный и необходимый атрибут формирования правового сознания личности. Современная правовая личность в процессе своего формирования определяет свою способность интеграции таких позитивных свойств правовой активности, под влиянием которых она сможет оказывать значительное влияние на социальные процессы и правовые ситуации. Степень роли правового влияния личности напрямую связана со степенью сформированной ею своей правовой позитивной активности.

Правовая активность личности, проявляющаяся в разносторонней общественно-политической деятельности помогает воспитывать ответственность и гражданский долг, сознательное отношение к своим обязанностям, нетерпимость, как к правонарушениям, так и к различным антиобщественным явлениям. Сам процесс осознания и оценка личностью определения круга своих общественных интересов, выраженных в праве, может быть как длительным по времени, так и достаточно быстрым (в зависимости от степени правовой активности личности и ее правосознания, связанной со способностью к восприятию нового).

Становление правовой личности происходит не только при желании знать свои права и свободы, готовности их реализовать или защищать (отстаивать), но и при ее активном участии в отстаивании прав и свобод других граждан с соблюдением государственных и общественных интересов. Личность должна уметь рационально включаться в политическую, социальную и правовую действительность, извлекая обоюдную выгоду.

В этой связи, приходим к выводу о том, что новые условия, характеризующие сегодня состояние правовой жизни российского общества, ставят проблему совершенствования правовой личности именно свой правовой активности, которая является главным элементом, качественно характеризующим ее правовое состояние. Ясно, что если индивид обладает позитивным уровнем правовой активности, то и уровень правового сознания у него будет позитивным.

Сама личность должна четко осознавать заботу о своем государстве и обществе. Наше стремление создать личностно-ориентированное гражданское общество заставляет нас по-новому взглянуть на процесс ее духовного развития, а, следовательно, и на формирование правовой личности с право-активной формой поведения, что, безусловно, будет являться необходимым и полезным в деле совершенствования правового сознания как личности, так и общества.

Уровень развития правовой личности является показателем и уровня развития правового сознания общества. Только через развитие правовой личности мы сможем приблизиться к желаемому идеалу – формированию позитивного уровня правового сознания граждан в обществе в целом.

Библиографический список

1. *Галустян Н.В.* Правовая активность личности в механизме формирования социально-полезного поведения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 26 с.
2. *Злобина Е. С.* Категория личности в системе понятий социологической теории // *Социология: теория, методика, маркетинг.* 2002. – № 2. – С. 121–134.
3. *Каландаришвили З.Н.* Формирование правовой личности как необходимый атрибут правовой культуры современного российского общества // *Право и образование.* – 2010. – № 8. – С. 81–90.
4. *Каландаришвили З.Н., Воронцова М.А.* К вопросу о правовой безопасности личности // *Евразийский юридический журнал.* – 2012. – № 7. – С. 49–52.
5. *Каландаришвили З.Н.* Генезис и эволюция правовой социализации и правовой культуры молодежи в реформируемом российском обществе (вопросы теории и практики). – Санкт-Петербург, 2008. – 182 с.
6. *Кистяковский Б.А.* Общество и индивид. Социологическое исследование. М., 2002. – 54 с.
7. *Козлов А. А.* Формирование личности. – М., 2001. – С. 78.
8. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. 10-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
9. *Кон И. С.* Социология личности. – М., 1967. – 383 с.
10. *Нерсисянц В.С.* Философия права. – М., 1997. – 647 с.
11. *Парыгин Б. Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб., 1999. – 592 с.
12. *Платонов, К. К.* Структура и развитие личности / Платонов К.К.; Отв. ред.: Глоточкин А.Д. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
13. *Разумовская Т.В.* Правовая личность в условиях современного государства (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 28 с.
14. *Рыбаков В. А.* Проблемы формирования гражданско-правовой активности. – Уфа, 1993. – 169 с.
15. *Сафонов А. А.* Личностный подход в праве и его роль в механизме формирования правовой социализации // *Юристъ-Правоведъ.* – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2005. – № 2. – С. 66–69.
16. *Смоленский М.Б.* Правовая личность как атрибут правовой культуры в гражданском обществе и проблемы процесса ее формирования и становления в России: статья // *Право и государство: теория и практика.* – 2009. – № 1 (49). – С. 28–32.
17. *Смоленский М. Б., Дунаева Н. Н.* Правовая культура и личность в контексте российской государственности. – Ростов н/Д: Рост. гос. экон. ун-т "РИНХ", 2002. – 120 с.
18. *Тюрина Т. Б.* Правовая безопасность личности в современном российском государстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 240 с.
19. *Штерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста [Текст]: с использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Стерн / Вильям Стерн пер. М. А. Энгельгарт; [с доп. Л. Г. Оршанского. Вып. 1–4]. Петроград: Изд-во газ. "Школа жизни", 1915. – [Вып. 2]. – 1915. – С. 81–160.
20. *Эриксон Э. Г.* Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, Б. г. (1996). – 340 с.

Для цитирования: *Высоцкая Г.А.* Становление правовой личности в цифровую эпоху: статья // *Юридическая мысль.* – 2023. – № 1. – С. 48–57.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.048

The formation of a legal personality in the digital age*

Galina A. Vysotskaya **

Annotation. The article gives a presentation of the features of the formation and functioning of a legal personality in modern Russia, which is undergoing digitalization processes in various areas of state and public life. The concept of a personality, an individual, the stages of formation of a legal personality, the formation of its legal activity, the relationship between the individual and society are given.

Key words: personality, citizen, legal personality, legal consciousness, individual, legal activity of a personality.

Today, the main task of forming the legal consciousness of an individual is associated, first of all, with the process of becoming a legal personality, which at the same time is the main condition for the formation of legal statehood and civil society itself in modern Russia [5, p. 156]. The formation of a legal personality involves the disclosure of the features of systemic links between the formation of personality and law, where the personality acts as the main reality in social and legal life. Often, and not only in our country, neither law, nor politics, nor other social spheres are fully interested in a person, perceiving it, according to A. A. Safonov, "exclusively only at the subject level" [15, p. 31].

If in total almost all modern states allow some concessions in favor of the individual, then often this is done as if involuntarily, as a result of the protest of the individual and his opposition to circumstances when his rights and freedoms are infringed. Hence, a conflict may arise between the individual and the state, which risks transforming into social cataclysms. In order to avoid them, the state should strive to form a legal personality aimed at the conscious implementation of legal requirements, protecting both its own rights and the rights of others, actively participating in the social and legal life of society, adequately striving for the sustainable development of the state and civil society. . Personality and law are dialectically interconnected, because freedom and law in human relations has historically developed as it appears in the progress that characterizes the equality of people as formally (legally) free individuals [10, p. 25].

Considering the formation of a legal personality, it is necessary to analyze both different points of view on the definition and the mechanism for the formation of the very concept of "personality". So the concept of "personality", according to E.S. Zlobina, "represents a system with internal regulation associated with human activity in society, with the gradual formation of which the individual will become the subject of this activity, which means that all this will

* The article uses the material of the dissertation manuscript for the degree of candidate of legal sciences Vysotskaya G.A. "Conceptual-categorical and structural-functional composition of the legal consciousness of the individual in modern Russian society." St. Petersburg, 2023. 196 p.

** *Vysotskaya Galina Alekseevna* – trainee researcher of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

be manifested in those social relations in which he will be involved, i.e. to become a person in the literal sense, this will mean to become a subject of activity, and activity of the highest, social" [2, p. 126–127].

According to the well-known psychologist V. Stern, "personality is a product of the social environment, i.e. a product of social factors and hereditary predispositions that a person inherits from birth, i.e. biological factor. The social factor (environment) and the biological factor (disposition of the organism) lead to the emergence of a new state of personality" [19, p. 126–127]. B. D. Parygin proposed the concept that "personality is, first of all, an integral concept that characterizes a person as an object and subject of biosocial relations and unites in him the universal, socially unique" [11, p. 131]. According to K. K. Platonov, "personality is a person as a carrier of a union, including: biochemical characteristics, features of processes as forms of mental reflection, experience, character and abilities" [12, p. 45].

I. S. Kon argues that the concept of "personality" is characterized by its ambiguity. On the one hand, denoting a specific individual (person) in the form of a subject of activity, with the unity of individual properties characteristic only of him (single) and the diversity of his social roles (general). On the other hand, the understanding of personality as a certain social property of an individual integrated into him in the process of development, with the combination of all socially significant features that should be formed in direct or indirect processes associated with the interaction of this person with other people, which makes him the subject of labor, knowledge and communication [9, p. 7].

S.A. Komarov believes that a person is an individual who, in his socio-historical activity, is developed to the level of a subject of reality. In other words, an individual becomes a personality when he achieves independence in his activities, when he is no longer dissolved in one or another social organization, in his social community. A person considered from a political and legal perspective, i.e. subject to the laws and by-laws of the state, acquires certain legal properties, clearly fixed in the legislation [8, p. 192].

The very concept of "personality" should be distinguished from the concept of "individual", since its meaning is rather narrow, denoting those individual properties of a person that are given to him by nature. A. A. Kozlov expressed the opinion that the process of formation of the personality itself is characterized by its duration, from birth to the end of adolescence, with the passage of five stages.

The first is intrauterine development, the social meaning of which is expressed in terms of how high-quality the connection of the individual with the outside world will be.

Already at the second stage (from birth to 2 years), a person must acquire such vital qualities that will determine his "trust in the world."

At the third stage (from 3 to 7 years), two main social functions should be manifested. First: the quality of mastering those basic social norms that are used by people in the process of life. Secondly, this period is determined by the function of initial basic education, on which the quality of subsequent intellectual development depends.

The fourth stage is adolescence, during which most of the mass of information is accumulated, reinforcing skills, norms, and, in essence, it is a sum-

mary of all previous stages, showing how a personality was formed and developed, being in childhood.

The fifth stage is youth (from 14 to 18 years old), which is characterized by both a change in psychophysiological parameters and the manifestation of the formation of a different role in one's practical activities. The pragmatism component is being strengthened. The formation of a young person takes place quite quickly with the aim of becoming in society a real subject of an adult volitional composition, with his transformation into a subject of social activity [7, p. 78].

In the problems associated with the formation of the legal consciousness of the individual, it should be taken into account that, in fact, the main bearer of legal consciousness here will be an individual, designated by the framework of the subject of legal relations of the group.

However, E. Erickson distinguishes much more stages of personality development. In his opinion, there are eight stages into which the stages of personality development during its identification can be divided, each of which is characterized by the choice of an individual between two alternative phases of solving age-related and situational developmental tasks [20, p. 14]. The fact that this choice will be and will affect the entire subsequent life, in its sense, as the presence of success and failure, all life productivity.

The first stage (incorporative), up to 1.5 years, the infant decides the fundamental question of his subsequent life – this is his trust or distrust in the world around him.

At the second stage, from 1.5 to 4 years, the child acquires autonomous inner independence.

At the third stage, from 4 to 6 years old, an alternative question is allowed to show initiative in connection with a sense of guilt. This age is characterized by the expansion of the space in which the child's life activity takes place, with setting goals for him, inventing activities, fantasizing. More and more people appear in the child's space.

At the fourth stage, from 6 to 11 years old, there is a connection between the child's mastery of various skills. The sphere of activity of the child results in mastering the symbols of culture. This age is optimal for training time. Here there is a formation of a sense of skill, competence, and in the case of a negative course of the process – inferiority.

The fifth stage, from 11 to 20 years old, is key for the individual to acquire a sense of identity. A person is faced with the task of uniting everything that he has become aware of about himself, comprehending it, connecting it with the past and projecting for the future. With a successful course of this process, the individual develops a sense of identity, in the case of an unfavorable course; the identity is mixed, conjugated with regard to him with painful doubts, in determining both in the group and in society the place that corresponds to his skills.

At the sixth stage, from 21 to 25 years old, there is a transition that contributes to the solution of already quite adult tasks on the basis that the psychosocial identity was able to form. The solution of the global issue of the fundamental choice of a wide field when establishing friendly and family ties is

raised, introducing the prospect of educating a new generation in an isolating perspective, characteristic of people with a confused identity.

The seventh stage (from 25 to 50/60 years old) is associated with the contradiction between the personality's ability to develop and the actual stagnation of the personality, i.e. she slowly regresses, living the process of everyday life. As opposed to stagnation, a person is rewarded for having previously mastered the ability to self-develop his individuality and originality.

In the eighth stage, over 60 years, the end of the life path occurs, and here, the individual can find peace and balance as a consequence of his personal integrity, or is doomed to hopeless despair, summing up his confused life [20, p. 14–16].

As we can see from E. Erickson's scheme, the most valuable stage of development in the acquisition of knowledge, morality, values and a sense of identity by an individual is the fifth stage of the process, i.e. period of personality development, which lasts from 11 to 20 years.

The concept of a legal person as such was introduced back in the late 19th – early 20th centuries, with the emergence of a need among philosophers and jurists to explain the idea of the existence and development of a legal state with the idea of the person himself, which has properties of a specific nature. It was such a personality that was called "legal". Basically, the content of the concept of "legal personality" was defined in Russia at the beginning of the 20th century by B. A. Kistyakovsky: a legal personality is that person who is subject to the discipline of law and a stable legal order, with all the rights with free use of them. The system of any state striving to be legal is faced with the rational inclusion of the individual in the spheres of political and socio-legal activity, in the struggle that obliges to respect their inalienable rights, with an understanding of the responsibility that obliges them to comply with the laws of the state [6].

The state of a legal personality can be characterized by the fact that it:

firstly, I am sure that only the freedom of all people in society is one of the reliable guarantees of the freedom of everyone;

secondly, respect for the dignity of other persons is a necessary condition for acting as equal participants in a legal society;

thirdly, she has a sense of personal responsibility for her actions and an inner conviction of the importance of a person fulfilling his duties;

fourthly, respect for the law is the basic principle of being;

fifthly, the belief that compliance with the obligations assumed by a person is an elementary condition for the normal existence of people within society [17, p. 70].

In our opinion, *a legal personality is a citizen actively functioning in the social and legal space, i.e. located in the sphere of social and legal regulation, which gives him the opportunity to actively participate in the social and legal reality with the full realization of his rights and obligations and the manifestation of his legal activity.*

It should be borne in mind that the original birth of personality occurs outside the law. The right "binds" a person already at the passage of a certain stage of life, with the opposition of the manifestation of personality, or the

norm, the most diverse individuals are brought under one general rule. It is with the rule of law that the leveling of the individual occurs and this contributes to the suppression of his personal nature. Personality always exists outside the norms. This is what makes her a personality, because through creative self-realization there is a transcendental perception of oneself, with going beyond the established and characterized by a difference from the generally accepted level [18].

At the same time, the process of formation of a legal personality in the legal space has been and will always be quite difficult. Thus, over the past decades, fundamental changes have taken place in Russian society, indicating a rethinking of the social and legal values of previous generations. In the legal practice of the existing system of past years, the individual was not recognized as an independent and free subject, acting in the field of politics and law. The role of subjects in the sphere of politics and law was assigned only to the masses, classes and parties. A person had the right to be allowed to participate in political and legal life, dressed as a representative of an official structure with a clearly regulated political function. In this regard, the problem of the formation of a legal personality is becoming more and more relevant: now the measure of the political and legal subjectivity of a person, first of all, is his legal activity and participation in the political, legal and social life of the Russian state.

Personality is a subject of law in the legal sphere of society, i.e. it is always human. When he realizes his own existence in legal communications, he acts as a subject of law – an individual. When he does this on behalf of and on behalf of the position, he is called an official, and when on behalf of a collective entity – a collective subject of law. It is the personality that forms the law and reproduces it with their individual ideas and actions [3, p. 84].

In order for a person to be legal, it must have a number of specific properties and qualities.

Firstly, the implementation of a person's awareness of his personal, social group and common (nationwide) interests, which determines the incentive for his useful behavior in society;

secondly, the fact that a person has realized his obligations to other people, social groups and society as a whole;

thirdly, social and legal personal activity, which finds expression in her positive behavior [13, p. 17]. The main feature of a legal personality, which defines it as a socio-legal category, is the manifestation in the external expression of its inner world, such behavior of the personality that contributes to the creation of objective prerequisites that give impetus to the self-realization of the personality itself in relation to the legal space of a given society.

A legal personality is always characterized by legal activity, which is its main structural element. Legal activity should be understood as a certain immanent socio-legal property of the individual, which will be in the process of human interaction with the legal environment, will express its ability, which determines the scope of active activity in legal regulation. Because of this, legal activity is a degree characterized by the intensity and social value of this activity, with an expression of the level of legal socialization of the individual [1,

p. 17]. Legal activity is a fusion of theoretical and practical knowledge, skills, and skills of functioning in the legal space. Without a doubt, a legal personality is characterized by a high level of legal activity. But the question arises: is it possible for a legal person to be the owner of an average or low level of legal activity? The answer to this question will be in what kind of meaning is put into the category of a legal personality: “a person living in a legal state” or “an initiative, socially active person” [16, p. 30].

The problem will be that the stability of systems is determined by the existing law: the system will be stable only if the number of subsystems of each type in it is in sufficient quantity.

In view of the possession of a person of any level of legal activity, in a real-time legal state, a complete set of both active and passive personalities should be available. Moreover, there must be a sufficient number of non-legal personalities in the state. But the optimal ratio of all types of personalities is necessary in order to ensure the normal operation of the system of checks and balances. Otherwise, society will be in a state of anomie and may be destroyed [14, p. 13]. The following fundamental factors influence the degree of legal activity of a person.

Firstly, these are psychological factors, in accordance with which a person realizes his belonging to a given people, nation, state. Speaking different languages, professing different religions, following different traditions, does not interfere with the formation of a political, legal and national mentality among different people living in the same state space, if the idea of \u200b\u200bhis unity with others is firmly rooted in the mind of a person, which can turn out to be much stronger than many other factors.

Secondly, these are legal factors, in accordance with which the state-legal affiliation of a person is carried out. Centuries-old experience has proved that it is the legal, legal belonging of a person to a particular state that determines his identity in a particular political and legal space. A new image of Russia needs to be formed only by defining its national-state identity. A striking, characteristic feature is the fact that not only political scientists and philosophers are already engaged in the search for a national idea, but lawyers (legal theorists) are also actively involved in this process today.

Thirdly, these are economic factors influencing the development of legal activity, reflected in the liberalization of any type of property, in the freedom to carry out entrepreneurial activities, etc., in general, exactly what can effectively stimulate any impact related to the legal activity of a person, with a clear manifestation of the need for economic independence in the interests of the long-term development of their future.

Fourthly, these are political factors that stimulate the legal activity of the individual, based on the manifestation of the democracy of society, democracy, ensuring the growth of human social activity, with the fullest use of all rights and freedoms constitutionally enshrined. All this is intended to contribute to the correct formation of the concept of legal culture among the citizens of the Russian Federation, deep respect for the law, positive socially active behavior in the field of legal regulation, forming a single whole in the evolutionary direction in the field of formation of legal consciousness.

Fifthly, the development of legal activity of an individual is directly influenced by social factors, which is clearly and convincingly expressed in modern reality: recognition of respect for a person by the state itself, in fact recognized priorities of his rights and freedoms, the presence of social justice, which creates a sense of security in a person, the presence of incentives for his socially positive behavior and social activity.

Sixth, important, and quite in a serious form, the system-forming factors of the integral formation of the legal activity of the individual, expressed in his socially useful behavior, should be attributed to spiritual factors. Their influence largely determines the level of education of the individual, the manifestation of his cultural skills, with a constant increase in his moral potential, with a stimulating effect on the integrity of the development of a legal personality. The level of legal education is directly related to the level of legal activity, since an increase in the level of education is characterized by an increase in the very level of expression of the legal activity of an individual's activity.

In general, we can conclude that the category of legal activity is the main element in the structure of a legal personality.

Other structural elements that make up a legal personality include:

- social needs of the individual in society, in particular, its private interests. With the expression of their interests, the legal personality must show their rational awareness, with the commensurability of the needs in society;
- mastering by the personality the spheres of political, legal and cultural values of society, which in general constitute its spiritual and moral world;
- personal knowledge of social norms and principles of functioning of society (moral, legal, political, corporate, economic, etc.). It is they who ultimately form the deep law-abiding convictions of a legal personality;
- legal sovereignty of the individual, which is understood as the adaptation of the individual in society only within the framework of lawful behavior.

The legal personality, as well as the category of legal consciousness in conjunction with other legal categories, form the concept of legal security of the individual, which should be understood as a complex legislative array, procedures for law-making and law enforcement activities, the level of legal culture, legal consciousness and legal socialization of citizens [4, p. 52].

Thus, the process of formation of a legal personality in modern Russia should be aimed at integrating in its behavior all the positive properties of the legitimacy of behavior. This is ensured by the tendencies of humanization of the legal development of society, the core of which has become a reorientation towards the realization of the interests of the individual, the formation of his legal consciousness, the desire to implement the interests of each individual, ensuring his rights and freedoms. In the context of the modern development of the Russian state, humanization means a transition to a new type of relationship that would serve the interests of the individual, create conditions for its free and full development, and also ensure the individual's own self-realization in the legal space of the state.

It seems that the problem of the formation of a legal personality is the essence of determining the degree of its ability to influence the legal life of society on the process of constructing a positive level of legal consciousness of the per-

sonality itself. Such a measure of the legal subjectivity of a person is, first of all, the expression of his legal activity, with the determination of the place of its active participation in various spheres of the life of Russian society: economic, political, social, spiritual. Consequently, the fact how a person shows his activity, participating in the legal life of Russian society, is the main indicator of the realized legal activity of a person. This is the proper and necessary attribute of the formation of the legal consciousness of the individual. The modern legal personality in the process of its formation determines its ability to integrate such positive properties of legal activity, under the influence of which it will be able to exert a significant influence on social processes and legal situations. The degree of the role of the legal influence of the individual is directly related to the degree of his legal positive activity formed by him.

The legal activity of the individual, manifested in versatile social and political activities, helps to bring up responsibility and civic duty, a conscious attitude to one's duties, intolerance both to offenses and to various antisocial phenomena. The very process of awareness and assessment by a person of determining the range of his public interests, expressed in law, can be both long in time and quite fast (depending on the degree of legal activity of the person and his sense of justice, associated with the ability to perceive the new).

The formation of a legal personality occurs not only with the desire to know one's rights and freedoms, the readiness to exercise or defend (defend) them, but also with its active participation in upholding the rights and freedoms of other citizens in compliance with state and public interests. A person must be able to rationally engage in political, social and legal reality, deriving mutual benefit.

In this regard, we come to the conclusion that the new conditions that characterize today the state of the legal life of Russian society pose the problem of improving the legal personality of its legal activity, which is the main element that qualitatively characterizes its legal state. It is clear that if an individual has a positive level of legal activity, then his level of legal consciousness will be positive.

The individual himself must be clearly aware of the concern for his state and society. Our desire to create a personality-oriented civil society makes us take a fresh look at the process of its spiritual development, and, consequently, at the formation of a legal personality with a right-active form of behavior, which, of course, will be necessary and useful in improving legal consciousness both individuals and society.

The level of development of the legal personality is also an indicator of the level of development of the legal consciousness of society. Only through the development of a legal personality can we get closer to the desired ideal – the formation of a positive level of legal consciousness of citizens in society as a whole.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Galustyan N.V. Legal activity of the individual in the mechanism of formation of socially useful behavior: author. diss. ... cand. legal sciences. Rostov-on-Don, 2005. 26 p.

2. Zlobina E. S. The category of personality in the system of concepts of sociological theory // *Sociology: theory, methodology, marketing*. Kyiv, 2002. No. 2. P. 121–134.
3. Kalandarishvili Z.N. Formation of a legal personality as a necessary attribute of the legal culture of modern Russian society // *Law and education*. 2010. No. 8. P. 81–90.
4. Kalandarishvili Z.N., Vorontsova M.A. To the question of the legal security of the individual // *Eurasian legal journal*. 2012. No. 7. P. 49–52.
5. Kalandarishvili Z.N. Genesis and evolution of legal socialization and legal culture of youth in the reformed Russian society (questions of theory and practice). St. Petersburg, 2008. 182 p.
6. Kistyakovskiy B.A. Society and the individual. Sociological research. Moscow, 2002. 54 p.
7. Kozlov A. A. Personality formation. Moscow, 2001. P. 78.
8. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
9. Kon I. S. Sociology of personality. Moscow, 1967. 383 p.
10. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Moscow, 1997. 647 p.
11. Parygin B. D. Social psychology. Problems of methodology, history and theory. St. Petersburg, 1999. 592 p.
12. Platonov, K. K. Structure and development of personality / Platonov K. K.; Rep. Ed.: Glotochkin A.D. Moscow: Nauka, 1986. 256 p.
13. Razumovskaya T.V. Legal personality in the conditions of the modern state (theoretical and legal aspect): author. dis. ... cand. legal sciences. Volgograd, 2004. 28 p.
14. Rybakov V.A. Problems of the formation of civil law activity. Ufa, 1993. 169 p.
15. Safonov A. A. Personal approach in law and its role in the mechanism of formation of legal socialization // *Yurist-Pravoved*. Rostov-on-Don: Publishing House Rost. legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005, No. 2. P. 66–69
16. Smolensky M.B. Legal Personality as an Attribute of Legal Culture in Civil Society and Problems of its Formation and Formation in Russia: Article // *Law and State: Theory and Practice*. 2009. No. 1 (49). Pp. 28–32.
17. Smolensky M. B., Dunaeva N. N. Legal culture and personality in the context of Russian statehood. Rostov n/a: Rost. state economy University "RINH", 2002. 120 p.
18. Tyurina T. B. Legal security of the individual in the modern Russian state: diss. ... cand. legal sciences. Saratov, 2005. 240 p.
19. Stern V. Psychology of early childhood up to the age of six [Text]: using the unpublished diaries of Clara Stern as material / William Stern trans. M. A. Engelgart; [with add. L. G. Orshansky. Issue. 1–4]. Petrograd: Izd-vo gaz. "School of Life", 1915. [Iss. 2]. 1915. P. 81–160.
20. Erickson E. G. Identity: youth and crisis: Per. from English. / Common ed. and foreword. A. V. Tolstykh. Moscow: Progress, B. g. (1996). 340 p.

For citation: Vysotskaya G.A. The Formation of a Legal Personality in the Digital Age: Article // *Legal Thought*. 2023. No. 1. P. 58–66.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.048

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.067

Механизм реализации гарантий и защиты прав человека

В.С. Чмырева*

Аннотация. В статье рассматривается механизм реализации гарантий и защиты прав человека, проанализирован широкий круг вопросов, обусловленный гарантиями защиты прав человека вообще, конституционных прав и свобод – в особенности, удостоверяющий легитимное вмешательство государства в индивидуальное пространство индивидуальной свободы человека – автономии его личности, которой присущ осознанный выбор между различными вариантами поведения. Предлагается понятие, система механизма правового регулирования реализации гарантий и защиты прав человека.

Ключевые слова: права человека, гарантии прав человека, механизм реализации гарантий, защита прав человека.

Начиная исследовать имеющиеся в юридической науке концепции прав человека, обязательно следует рассмотреть проблемы, связанные с механизмами гарантий, охраны, защиты и реализации этих прав непосредственно гражданином и соответственно государством с учётом международного исторического опыта [10]. Определённый интерес в этом аспекте вызывает суждение о том, что «Главная гарантия прав человека – это, в конечном счете, экономическое состояние государства. Решающей гарантией осуществления Конституции и ее статей, кодифицированных законом гражданских прав является сознательность и самодеятельность людей» [8, с. 213].

Переоценить актуальность исследования механизма реализации гарантий и защиты прав человека чрезвычайно сложно. Действительно, анализ предложенного представляет научный интерес, является потребностью и требованием нашего времени.

Правовое регулирование – есть составляющая любой социорегулятивной системы общества. Действительно, данный инструментарий – это ценностное достояние эволюционно-исторического развития человека, которое выполняет роль жизненно-генерирующего фактора для формирования устойчивых, длительных, продуктивных общественных связей. Диапазон

* **Чмырева Виктория Сергеевна**, аспирант кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: businka3107@mail.ru

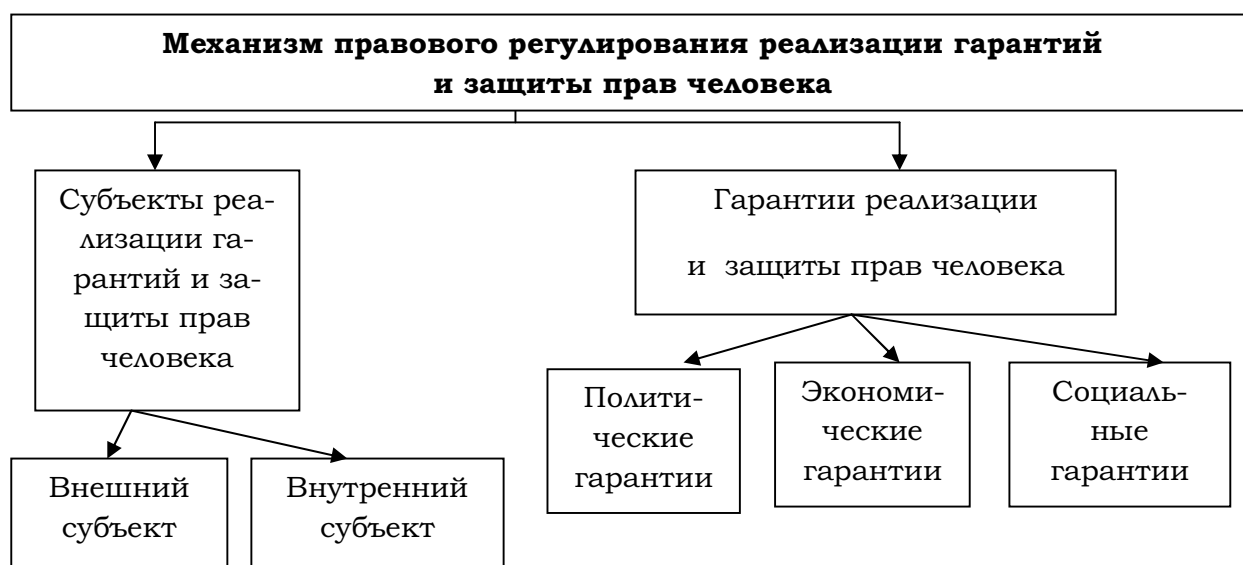
Научный руководитель – **Дроздова Александра Михайловна**, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

действия института правового регулирования чрезвычайно широк: от повседневной деятельности отдельного индивида, требующей постоянной собранности, а также саморегулирования до общественно-государственных объединений, в частности, но не исключительно: общественные объединения, политические партии, органы государственной власти.

Такие обстоятельства обусловлены тем, что каждая социальная единица имеет свои интересы, которые часто попадают в конфронтационную плоскость, при таких условиях последствиями отсутствия регулятора могут быть неконтролируемые, противозаконные действия субъектов права.

Механизм правового регулирования – это система собственно правовых средств (нормы права, правоотношения, акты непосредственной реализации права, акты применения права), позволяющая реализовать профессиональную деятельность уполномоченных индивидуальных и коллегиальных субъектов права, которые, применяя закрепленные в праве, выраженные в нормативно-правовых актах нормы, призваны обеспечивать конституционный порядок общественных отношений, а также гарантировать реализацию государственной функции по охране, защите прав и свобод человека [1]. В этом случае огромная роль принадлежит правосознанию личности, как ее собственной правовой культуре, так и правовой культуре общества в целом [6]. Механизм правового регулирования выражает деятельную сторону процесса перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений. При этом правовое регулирование представляет собой длящийся процесс, который состоит из стадий, в каждой из которых работают особые юридические средства, в совокупности составляющие механизм правового регулирования [9, с. 497].

Механизм правового регулирования реализации гарантий и защиты прав человека представляет собой систему мер по созданию условий для осуществления основных прав и свобод человека, производных от его достоинства. Механизм правового регулирования реализации гарантий и защиты прав человека представим в виде схемы.

Если представить *внешний субъект* как международные организации, направленные, в том числе, на обеспечение охраны и защиты прав человека, в которых Российская Федерация является участником, включая Организацию Объединенных Наций, то *внутренний субъект* – это защита прав человека органами законодательной, исполнительной, судебной власти путем принятия соответствующих нормативно-правовых актов и судебных решений. Для Российской Федерации особо следует отметить роль института омбудсмена: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Исследовав субъектный критерий *механизма обеспечения гарантий* прав человека, переходим ко второй группе средств охранно-защитного комплекса прав человека. Велиева Д.А. выделяет такие его составляющие, как:

1) внесудебный способ разрешения споров, а именно: медиация (переговоры сторон спора при участии нейтрального посредника), международный коммерческий арбитраж, третейский суд, переговоры между сторонами спора, примирение (челночная дипломатия), независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела, судебная система, омбудсмен, нотариат, восстановительное правосудие в уголовном процессе;

2) судебный способ разрешения споров. Судебный способ – это защита законных прав человека и гражданина судами Российской Федерации, наличие института присяжных заседателей [4].

По нашему мнению, тематика альтернативных методов противодействия многовекторным конфликтогенам, находясь в неразрывной связи с судебно-претензионными возможностями каждого человека, является чрезвычайно важной для того, чтобы знать, а главное – уметь эффективно защищать собственные законные права и интересы.

Исходя из общих вопросов классификации системы прав человека [2], рассмотрим *структуру механизма реализации гарантий* и защиты его прав. Можно выделить подгруппы гарантий прав человека, а именно:

I) *политические*: государственный суверенитет; политический режим; государственный строй; национальный интерес; органы государственной власти и органы местного самоуправления; профессиональные союзы; территориальные общины; политические партии; политический плюрализм; независимые средства массовой информации; свобода мысли, слова; национально-гражданский правопорядок политических прав: народовластие, право избирать, быть избранным, реализовывать свое волеизъявление на общегосударственных и местных референдумах, участвовать в управлении государственными делами, обращаться с запросами в органы государственной власти и органы местного самоуправления, гарантирование права на несанкционированные протестные акции [7].

II) *Экономические*: рыночная экономика; защита от посягательств на право собственности; государственные монополии в стратегических секторах экономики; свобода предпринимательства; защита малого, среднего бизнеса; свободное обращение разрешенных законодательством товаров и услуг; сбалансированная налоговая политика государства; добросовестная конкуренция; антимонопольные меры воздействия. Одним из постулатов государства, концепции политико-правового статуса человека является его из-

вечное право собственности. Фактически вся гамма экономических прав, гарантий имеет общую основу – отношения собственности на основные средства производства.

III) *Социальные*: адресная политика по защите уязвимых слоев населения; право на труд, отдых, социальную забастовку; нормированный график работы; достаточный жизненный уровень; сектор здравоохранения; защита личной жизни каждого человека; государственная помощь наиболее незащищенным категориям в период экстраординарных вызовов настоящего [5]. Социальная проблематика является наиболее чувствительной в контексте достойных условий жизнеобеспечения, особенно если речь идет о представителях общества, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах. Исходной основой реализации тех или иных прав, гарантий являются соответствующие возможности человека: информационные, финансовые, юридические, деликтоспособные правомочия, чтобы воспользоваться указанными охранно-защитными инструментами.

Чтобы действующие лица имели весь арсенал возможностей результативной защиты прав человека от различных посягательств, им и членам их семей, в свою очередь, также должны быть гарантированы нормативно-правовые, безопасные условия выполнения своего непосредственного функционала. Вопрос субъектного критерия достаточно непростой, а потому требует некоторого усовершенствования и разграничения на такие структурные компоненты, как:

1) субъекты со специально-законодательным статусом: должностные лица органов государственной, местной власти (выборно-представительный институт: президент, депутаты разных уровней, руководители городов и сел, руководители других территориальных объединений); правозащитники (адвокаты, юристы, нотариусы, институт омбудсмана, общественные деятели); сфера правосудия (работники органов внутренних дел, следователи, прокуроры, судьи);

2) адресно-персонифицированные субъекты без специального статуса: человек, гражданин, иностранец, лицо без гражданства [2].

Вопрос не в выборе приоритетности охраны, защиты названных субъектов одной из очерченных групп, сквозь призму инструментальных механизмов, а речь идет о паритетных, позиционных принципах. Ведь слабое место лиц с властным или другим специализированно-привилегированным статусом, их гарантий главным образом сконцентрирована в компетенционном функционале, при реализации которого возникает риск стать жертвой различных проявлений противозаконного давления с целью утверждения или отмены определенного управленческого решения.

Представители второго составного компонента также уязвимы, но уже по факту отсутствия каких-либо дополнительных рычагов воздействия на потенциальных правонарушителей, и в случае необходимости вынуждены защищать себя лично, обращаться за помощью к властным учреждениям, правозащитникам, а для таких действий потерпевшему нужно иметь определенный объем ресурсов:

информационно-образовательная осведомленность (к какому юрисдикционному органу или должностному лицу необходимо обратиться);

территориальная доступность (физическая возможность соответствующего обращения за защитой своих прав);

финансово-материальные возможности (гонорар адвокату за представительство интересов подзащитного) и т. д.

По нашему мнению, юридические гарантии национального уровня держатся на «трех китах».

Во-первых, это процедурно-процессуальная парадигма охраны и защиты прав человека. Ключевой момент при технико-юридическом проектировании инструментов сдержек и противовесов – минимизация различных рисков. Это коррупционные, оценочные понятия, заложенные нормативные противоречия, коллизионность, конъюнктурность и т.п.

Например, каждый человек имеет право на судебную защиту, однако такое право выполнит свое фундаментальное назначение только при условии непосредственного применения всеми субъектами применения «правосудных гарантий»:

индивидуально-процессуальная независимость, беспристрастность, непредвзятость, объективность судьи и стороны обвинения;

паритетный поиск стороной обвинения доказательств обвинительного и оправдательного характера;

обеспечение стороне защиты равных, конкурентных условий судебного процесса с процессуальными оппонентами;

заинтересованность адвоката во всесторонней защите своего клиента.

Реализовать все эти составляющие можно только при условии, если процедурные механизмы охранно-защитного порядка будут сгенерированы на таких фундаментальных принципах: а) системность внутреннего строения; б) реалистичность. Речь идет о том, что нормативно-правовое обеспечение, правила, процедуры должны выполнять свое назначение и отвечать вызовам, потребностям времени, а не оставаться декларациями.

Во-вторых, институт юридической ответственности как важное средство наказания, а также профилактики преступности. Если за нарушение законодательной процедуры не наступит максимально быстрая, адекватная мера юридической ответственности, то это может привести к девиантному поведению отдельных индивидов. Отсутствие оперативной реакции на такие угрозы деструктивно влияет на весь комплекс юридических гарантий прав человека.

Вся история политико-правового развития человечества доказала, что безнаказанность является реальной угрозой для любого общественного строя. Именно поэтому институт юридической ответственности, при условии его непредвзятого функционирования, выполняет роль надежного гаранта государственно – публичного правопорядка.

В-третьих, презумпция невиновности – один из основополагающих правозащитных принципов. Он должен выполнять чрезвычайно важные функции в области свободной реализации человеком всего объема индивидуально-защитной компетентности и право-образовательного механизма защиты его личной и деловой репутации. Аксиоматичность этого законодательного постулата в действиях субъектов правоприменения является залогом объективного, беспристрастного расследования, судебного разбира-

тельства в отношении лица, в отношении которого возникают обоснованные подозрения, обвинения в совершении противоправных деяний.

Конечно, возможно обвинительное общественное осуждение, часто связанное с фактическими обстоятельствами определенного действия и / или события, однако праворазъясняющая политика уполномоченных представителей органов государственной власти, органов местного самоуправления, гражданского общества должна сосредотачиваться вокруг стремления выяснить истину в каждом конкретном случае преступного поведения отдельных индивидов. Ведь очевидность часто бывает обманчивой и требует умеренности с точки зрения юриспруденции и нравственности [4].

Отношение субъектов права к презумпции невиновности – это красноречивый индикатор доверия во взаимоотношениях общества, человека и представителей законодательной, исполнительной, судебной власти. Если правоохранительная и судебная системы любой страны будут иметь явный или латентный обвинительный уклон, предположение о невиновности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в лучшем случае будет эфемерным, а в худшем – вполне возможна трансформация к «презумпции вины».

Функционирование *механизма реализации гарантий и защиты прав человека* возможно только при решении следующих вопросов:

- 1) повышение качества нормативно – правовых актов;
- 2) проведение политики защиты прав человека, гражданина в условиях повышенной, глобализационной террористической угрозы и действий дестабилизационного влияния;
- 3) защита законных прав граждан РФ, находящихся за ее пределами;
- 4) защита от насилия в любой его форме;
- 5) защиты прав детей и женщин;
- 6) защита прав отдельных групп лиц (людей с отклонениями психики, имеющих наркотическую зависимость, людей с ограниченными возможностями и тому подобное);
- 7) усиление юридической ответственности уполномоченных представителей власти за бездействие [3].

Каждый из перечисленных компонентов является составляющей "*кода юридически-образовательной культуры общества*".

Итак, проблематику понятийно-категориального аппарата, судебных и альтернативных способов разрешения споров, убеждает нас в практическом, структурально-глубинном значении представленного материала для дальнейшей активной деятельности по утверждению уважения к правам человека. Конечно, этот путь непростой, но действия каждого субъекта должны соответствовать национальному законодательству. Довольно часто обманчиво-эгоистичные, индивидуальные потребности человека являются концентрированным источником агрессивного поведения, зарождения многовекторных конфликтогенов, которые потенциально могут проявиться в различных девиациях, криминальных действиях. Именно поэтому, контролируя собственное эмоционально – психологическое состояние, поведенческие реакции, есть возможность предупредить наступление будущих неблагоприятных последствий.

Методы охраны, защиты своих прав каждый человек должен выбирать, исходя из принципов адекватности, соразмерности, достаточности для локализации, предотвращения реальных рисков жизни, здоровью, имуществу, деловой репутации, а также другим законным интересам. Такой подход поможет сэкономить собственные эмоциональные, моральные, материальные ресурсы. Ведь принципиальность также имеет двойную сущность, со знаком плюс и минус, которая должна соответствовать степени разумности.

Весь очерченный комплекс должен быть подчинен ключевому, фундаментальному канону неотвратимости ответственности. Данное обстоятельство, при условии его объективной реализации, является одним из самых эффективных инструментариев превентивных мер профилактической деятельности уполномоченных представителей государства, направленной на минимизацию криминогенных проявлений отдельных представителей общества [11]. Кроме того, указанные результативные показатели – это один из базовых запросов российских граждан в сфере обеспечения и защиты их прав и свобод.

Библиографический список

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации/ Учебник / М.В.Баглай. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2015. – 768 с.
2. Буртовенко, А.И. К вопросу о классификации прав человека / А.И. Буртовенко, И.С. Погорельский, Л.С. Якубович // Молодой ученый. – 2020. – № 21 (311). – С. 267–269.
3. Вахрамеева Л.Н. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты абсолютных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 209 с. // <https://agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2021/Vaхрамеева%20Л.Н.%20диссертация.pdf>
4. Велиева Д.А. Государственные гарантии защиты в общей системе гарантирования прав и свобод человека // Интернаука. – 2020. – № 1–3 (130). – С. 6–7 // URL: <https://internauka.org/journal/science/internauka/130>
5. Газизова З.Р. Права человека в Российской Федерации, проблемы прав человека и пути их решения // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 10 (26). – С. 326–330.
6. Дроздова А.М. Особенности взаимодействия правосознания и правовой культуры в процессе обеспечения правового воздействия // Теория государства и права. – 2019. – № 2. – С. 52–60.
7. Дуанбекова М.А., Карипова А.И. Гарантии осуществления и защиты основных прав и свобод человека и гражданина // Национальная Ассоциация Ученых. – 2020. – № 54-2 (54). – С. 50–53.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. – 8-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 608 с.
9. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
10. Комаров С.А., Титенков Д.И. Реализация идеи «права человека» в российском законодательстве (международно-правовой аспект): Монография. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург). 2003. 148 с.

11. Миренкова, Е.П. Особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел/ Е.П. Миренкова, И.Н. Кременов // Молодой ученый. – 2019. – № 21 (259). – С. 365–367.

Для цитирования: Чмырева В.С. Механизм реализации гарантий и защиты прав человека: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 67–74.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.067

Mechanism for the implementation of guarantees and protection human rights

V.S. Chmyreva *

Annotation. The article discusses the mechanism for the implementation of guarantees and protection of human rights, analyzes a wide range of issues due to guarantees for the protection of human rights in general, constitutional rights and freedoms – in particular, certifying the legitimate intervention of the state in the individual space of individual freedom of a person – the autonomy of his personality, which is inherent in a conscious choice between different behaviors. The concept, the system of the mechanism of legal regulation of the implementation of guarantees and the protection of human rights, its internal and external subjects are proposed, sub-groups of guarantees of human rights are specially studied.

Key words: human rights, human rights guarantees, mechanism for the implementation of guarantees, protection of human rights.

Starting to explore the concepts of human rights available in legal science, it is imperative to consider the problems associated with the mechanisms for guaranteeing, protecting, protecting and exercising these rights directly by a citizen and, accordingly, by the state, taking into account international historical experience [10]. Of particular interest in this aspect is the judgment that “The main guarantee of human rights is, ultimately, the economic condition of the state. The decisive guarantee of the implementation of the Constitution and its articles codified by the law of civil rights is the consciousness and self-activity of people” [8, p. 213].

It is extremely difficult to overestimate the relevance of studying the mechanism for implementing guarantees and protecting human rights. Indeed, the analysis of the proposed is of scientific interest, is the need and requirement of our time.

Legal regulation is a component of any socio-regulatory system of society. Indeed, this toolkit is a valuable asset of the evolutionary-historical development of man, which plays the role of a life-generating factor for the formation of stable, long-term, productive social ties.

* **Chmyreva Victoria Sergeevna** – Post-graduate student of the department of legal culture and protection of human rights of the Law Institute of the North Caucasian Federal University (Stavropol). E-mail: businka3107@mail.ru

Supervisor – **Aleksandra Mikhailovna Drozdova**, Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the North Caucasus Federal University (Stavropol), Doctor of Law, Professor. E-mail: temp17@rambler.ru

The range of action of the institution of legal regulation is extremely wide: from the daily activities of an individual, requiring constant concentration, as well as self-regulation to public and state associations, in particular, but not exclusively: public associations, political parties, state authorities.

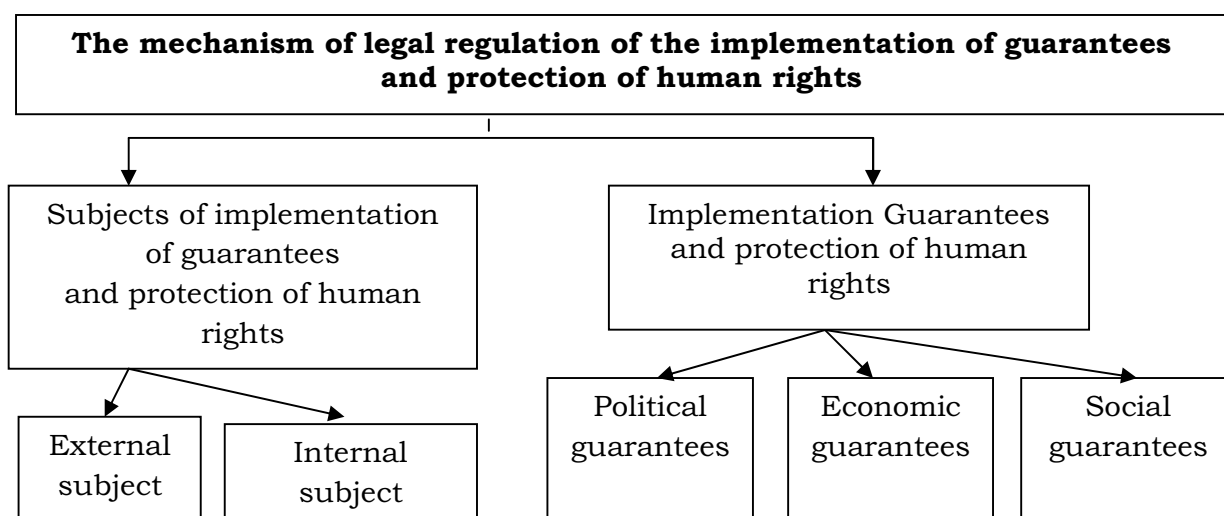
Such circumstances are due to the fact that each social unit has its own interests, which often fall into a confrontational plane, under such conditions, the consequences of the absence of a regulator can be uncontrolled, illegal actions of subjects of law.

The mechanism of legal regulation is a system of proper legal means (rules of law, legal relations, acts of direct realization of law, acts of application of law), which makes it possible to realize the professional activities of authorized individual and collegiate subjects of law, which, by applying those enshrined in law, expressed in normative legal acts, the norms are designed to ensure the constitutional legal order of social relations, as well as to guarantee the implementation of the state function for the protection, protection of human rights and freedoms [1].

In this case, a huge role belongs to the legal consciousness of the individual, both his own legal culture and the legal culture of society as a whole [6].

“At present, the concept of “mechanism” is used in jurisprudence and from a different angle: “the mechanism of lawmaking”, “the mechanism of labor education”, “the legal mechanism of management”, etc. What is common is that the term “mechanism” is understood by everyone as a way of functioning, a system of means of influence. The mechanism of legal regulation expresses the active side of the process of translating the normativity of law into the orderliness of social relations. At the same time, legal regulation is a continuous process, which consists of stages, in each of which special legal means work, which together constitute the mechanism of legal regulation” [9, p. 497].

The mechanism of legal regulation of the implementation of guarantees and protection of human rights is a system of measures to create conditions for the implementation of fundamental rights and freedoms of a person, derived from his dignity. Let us present the mechanism of legal regulation of the implementation of guarantees and protection of human rights in the form of a diagram.

If we understand the external entity as international organizations aimed, among other things, at ensuring the protection and protection of human rights, in which the Russian Federation is a participant, including the United Nations, then the internal entity is the bodies of legislative, executive, judicial power, which through the adoption of relevant legal acts and court decisions protect human rights. For the Russian Federation, the role of the ombudsman institution should be especially noted: the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.

Having examined the subjective criterion of the mechanism for ensuring guarantees of human rights, we turn to the second group of means of the security and protection complex of human rights. Velieva D.A. highlights the following components:

1) an out-of-court method of resolving disputes, namely: mediation (negotiations of the parties to the dispute with the participation of a neutral mediator), international commercial arbitration, arbitration court, negotiations between the parties to the dispute, reconciliation (shuttle diplomacy), independent expertise on establishing the actual circumstances of the case, the judicial system, the ombudsman, notaries, restorative justice in criminal proceedings;

2) judicial way of resolving disputes. The judicial method is the protection of the legal rights of a person and a citizen by the courts of the Russian Federation, the presence of the institution of jurors [4].

In our opinion, the topic of alternative methods of counteracting multi-vector conflictogens, being inextricably linked with the judicial and pretentious possibilities of each person, is extremely important in order to know, and most importantly, to be able to effectively protect one's own legitimate rights and interests.

Based on the general issues of classification of the human rights system [2], let us consider the structure of the mechanism for the implementation of guarantees and protection of human rights. It is possible to distinguish subgroups of human rights guarantees, namely:

I) political: state sovereignty; political regime; political system; national interest; public authorities and local governments; trade unions; territorial communities; political parties; political pluralism; independent media; freedom of thought, speech; national-civil order of political rights: democracy, the right to elect, to be elected, to exercise one's will at national and local referendums, to participate in the management of public affairs, to make requests to state authorities and local governments, guaranteeing the right to unauthorized protest actions [7].

II) Economic: market economy; protection against encroachments on property rights; state monopolies in strategic sectors of the economy; freedom of enterprise; protection of small and medium-sized businesses; free circulation of goods and services permitted by law; balanced tax policy of the state; fair competition; antitrust measures. One of the postulates of the state, the concept of the political and legal status of a person is his eternal right to property. In fact, the entire range of economic rights and guarantees has a common basis – ownership of the main means of production.

III) Social: targeted policy for the protection of vulnerable groups of the population; the right to work, rest, social strike; normalized work schedule; sufficient

standard of living; health sector; protection of the privacy of each person; state assistance to the most vulnerable categories during the period of extraordinary challenges of the present [5]. Social issues are the most sensitive in the context of decent living conditions, especially when it comes to members of society who are in difficult life circumstances. The initial basis for the implementation of certain rights, guarantees are the corresponding human capabilities: informational, financial, legal, tortious powers to use the specified security and protective tools.

In order for the actors to have the full arsenal of opportunities for the effective protection of human rights from various encroachments, they and their family members, in turn, must also be guaranteed legal, safe conditions for performing their direct functions. The question of the subjective criterion is quite difficult, and therefore requires some improvement and differentiation into such structural components as:

1) subjects with a special legislative status: officials of state and local authorities (electoral and representative institution: president, deputies of different levels, heads of cities and villages, heads of other territorial associations); human rights activists (lawyers, jurists, notaries, the ombudsman institution, public figures); the justice sector (employees of internal affairs bodies, investigators, prosecutors, judges);

2) address-personalized subjects without a special status: a person, a citizen, a foreigner, a stateless person [2].

The issue is not the choice of protection priority, the protection of the named subjects of one of the outlined groups, through the prism of instrumental mechanisms, but we are talking about parity, positional principles. After all, the weak point of persons with an authoritative or other specialized privileged status, their guarantees is mainly concentrated in the competence function, the implementation of which there is a risk of becoming a victim of various manifestations of illegal pressure in order to approve or cancel a certain managerial decision and solutions.

Representatives of the second component are also vulnerable, but already due to the fact that there are no additional levers of influence on potential offenders, and, if necessary, they are forced to defend themselves personally, seek help from government agencies, human rights activists, and for such actions, the victim needs to have a certain amount of resources:

informational and educational awareness (which legal authority or official should be contacted);

territorial accessibility (the physical possibility of an appropriate appeal for the protection of one's rights);

financial and material opportunities (fee to a lawyer for representing the interests of the client), etc.

In our opinion, legal guarantees at the national level rest on the "three pillars".

Firstly, it is a procedural-procedural paradigm of protection and protection of human rights. The key point in the technical and legal design of instruments of checks and balances is the minimization of various risks. These are corrupt, evaluative concepts, embedded normative contradictions, conflicts, market conditions, etc.

For example, every person has the right to judicial protection, but such a right will fulfill its fundamental purpose only if all subjects of the application of "legal guarantees" directly apply:

individual procedural independence, impartiality, impartiality, objectivity of the judge and the prosecution;

parity search by the prosecution for evidence of an accusatory and exculpatory nature;

providing the defense side with equal, competitive conditions of the trial with procedural opponents;

interest of a lawyer in the comprehensive protection of his client.

It is possible to implement all these components only if the procedural mechanisms of the security-protective order are generated on the basis of such fundamental principles: a) the systemic nature of the internal structure; b) realism. The point is that legal support, rules, procedures should fulfill their purpose and meet the challenges, needs of the time, and not remain declarations.

Secondly, the institution of legal responsibility as an important means of punishment, as well as the prevention of crime. If the most rapid, adequate measure of legal liability does not come for a violation of the legislative procedure, this can lead to deviant behavior of certain individuals. The lack of prompt response to such threats has a destructive effect on the entire range of legal guarantees of human rights.

The entire history of the political and legal development of mankind has proved that impunity is a real threat to any social order. That is why the institution of legal responsibility, under the condition of its unbiased functioning, performs the role of a reliable guarantor of the state-public law and order.

Thirdly, the presumption of innocence is one of the fundamental human rights principles. He must perform extremely important functions in the field of free realization by a person of the entire scope of individual protective competence and the law-educational mechanism for protecting his personal and business reputation. The axiomatic nature of this legislative postulate in the actions of subjects of law enforcement is the key to an objective, impartial investigation, trial against a person against whom there are reasonable suspicions, accusations of committing unlawful acts.

Of course, accusatory public condemnation is possible, often associated with the actual circumstances of a certain action and / or event; however, the legal explanatory policy of authorized representatives of state authorities, local governments, and civil society should focus on the desire to find out the truth in each specific case criminal behavior of individuals. After all, evidence is often deceptive and requires moderation from the point of view of jurisprudence and morality [4].

The attitude of subjects of law to the presumption of innocence is an eloquent indicator of trust in the relationship between society, a person and representatives of the legislative, executive, and judicial authorities. If the law enforcement and judicial systems of any country have an explicit or latent accusatory bias, the assumption of the innocence of the suspected, the accused, the defendant will at best be ephemeral, and at worst, it is quite possible to transform to a "presumption of guilt".

The functioning of the mechanism for the implementation of guarantees and protection of human rights is possible only when addressing the following issues:

- 1) improving the quality of regulatory legal acts;
- 2) pursuing a policy of protecting human rights, a citizen in the conditions of an increased, globalized terrorist threat and actions of destabilizing influence;
- 3) protection of the legal rights of citizens of the Russian Federation who are outside its borders;
- 4) protection from violence in any form;
- 5) protection of the rights of children and women;
- 6) protection of the rights of certain groups of persons (people with mental disabilities, drug addiction, people with disabilities, etc.);
- 7) strengthening the legal responsibility of authorized representatives of power for inaction [3].

Each of the listed components is a component of the "code of the legal and educational culture of the society."

So, the problematics of the conceptual and categorical apparatus, judicial and alternative methods of resolving disputes, convinces us of the practical, structural and deep significance of the material presented for further active work to establish respect for human rights. Of course, this path is not easy, but the actions of each entity must comply with national legislation. Quite often, deceptively selfish, individual human needs are a concentrated source of aggressive behavior, the emergence of multi-vector conflictogens, which can potentially manifest themselves in various deviations, criminal actions. That is why, by controlling one's own emotional and psychological state, behavioral reactions, it is possible to prevent the onset of future unfavorable consequences.

Each person should choose methods of protection, protection of their rights, based on the principles of adequacy, proportionality, sufficiency for localization, prevention of real risks to life, health, property, business reputation, as well as other legitimate interests. This approach will help save your own emotional, moral, material resources. After all, adherence to principles also has a double essence, with a plus and a minus sign, which must correspond to the degree of reasonableness.

The entire outlined complex should be subject to the key, fundamental canon of the inevitability of responsibility. This circumstance, subject to its objective implementation, is one of the most effective tools for preventive measures for the preventive activities of authorized representatives of the state, aimed at minimizing the criminogenic manifestations of individual representatives of society [11]. In addition, these performance indicators are one of the basic requests of Russian citizens in the field of ensuring and protecting their rights and freedoms.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Baglai, M.V. Constitutional Law of the Russian Federation / Textbook / M.V. Baglai. Moscow: Norma, INFRA-M, 2015. 768 p.
2. Burtovenko, A.I. To the question of the classification of human rights / A.I. Burtovenko, I.S. Pogorely, L.S. Yakubovich // Young scientist. 2020. No. 21 (311). P. 267–269.
3. Vakhrameeva L.N. The constitutional and legal mechanism for the protection and protection of the absolute rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: diss. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2021. 209 p. // <https://agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2021/Vakhrameeva%20L.N.%20dissertation.pdf>
4. Velieva D.A. State guarantees of protection in the general system of guaranteeing human rights and freedoms // Internauka. 2020. No. 1–3 (130). P. 6–7 // URL: <https://internauka.org/journal/science/internauka/130>
5. Gazizova Z.R. Human rights in the Russian Federation, problems of human rights and ways to solve them // Alley of Science. 2018. T. 4. No. 10 (26). P. 326–330.
6. Drozdova A.M. Features of the interaction of legal consciousness and legal culture in the process of ensuring legal influence // Theory of State and Law. 2019. No. 2. P. 52–60.
7. Duanbekova M.A., Karipova A.I. Guarantees for the implementation and protection of fundamental rights and freedoms of man and citizen // National Association of Scientists. 2020. No. 54-2 (54). P. 50–53.
8. Komarov S.A. General Theory of State and Law: Textbook. 8th ed., Rev. and additional. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute, 2012. 608 p.
9. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., Rev. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 528 p.
10. Komarov S.A., Titenkov D.I. Implementation of the idea of "human rights" in Russian legislation (international legal aspect): Monograph. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg). 2003. 148 p.
11. Mirenkova, E.P. Features of the legal status of employees of internal affairs bodies / E.P. Mirenkova, I.N. Kremenov // Young scientist. 2019. No. 21 (259). P. 365–367.

For citation: Chmyreva V.S. The mechanism for the implementation of guarantees and protection of human rights: an article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 74–80.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.067

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.082

Универсальный способ выявления правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации

Б.А. Ревнов*

Аннотация. В статье рассматривается способ выявления правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в его решениях, анализируются отдельные определения того, что понимается под правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, предлагаются рабочие варианты понимания данного термина. Рассматриваются конкретные примеры правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для целей апробации универсального способа.

Ключевые слова: правовое регулирование, правоприменение, правовые позиции Конституционного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ.

Термин «правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации» активно используется в отечественной науке конституционного права. Они используются и федеральным законодателем при разработке нормативного регулирования [14, 15, 16], и различными правоприменителями, в том числе судами, при разрешении вопросов в ходе производства по конкретным делам [11, п. 9; 12, 13]. Ввиду отсутствия до сих пор легального определения того, что представляют собой правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, за прошедшее время весомый контингент правоведов: как теоретиков, так и практиков, давали собственные определения тому, что следует считать правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации [24, с. 8–10].

Несмотря на то, что данная тема не является новой, и подобные подборки дефиниций уже не раз были озвучены в научной литературе, без хотя бы поверхностного их анализа дальнейшие выводы статьи звучали бы

* **Ревнов Борис Александрович**, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: Akziz07@yandex.ru

в достаточной мере голословно, потому небольшую выборку определений того, что же является правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации необходимо озвучить, равно как и фамилии правоведов, давших указанные определения. Итак, правовые позиции это: «важные правовые выводы, идеи, представляющие собой выявленное судом кристаллизованное право, источник права, правовой принцип, пригодный для разрешения группы сходных юридических коллизий» (Г.А. Гаджиев) [23, с. 7–8]; «логико-правовое обоснование конечного вывода Суда, содержащегося в постановляющей части его решения, формулируемое в виде правовых умозаключений, имеющих общеобязательное значение» (В.А. Кряжков) [27, с. 8]; «выводы по определенной проблеме, к которым пришел Суд при разрешении конкретного дела, носящие неоднократный характер, а также обладающие юридической силой, как и решения Конституционного Суда» (М.А. Мокосеева) [31, с. 970–972]; «основанные на избранной системе аргументации правовые выводы общего характера Конституционного Суда, которые служат правовым основанием для его итоговых решений» (Н.В. Витрук) [22, с. 111]; «не-что», имеющее большое значение для конституционно-правовых отношений» (В.А. Сивицкий) [32, с. 50]; «нормативно-интерпретационное установление, являющееся результатом судебного конституционного толкования, правовым основанием итогового вывода (решения) Конституционного Суда» (А.В. Лазарев) [29, с. 75]; «теоретическая конструкция, с помощью которой Конституционный Суд, используя научный потенциал, преодолевает правовую неопределенность содержания той или иной нормы и которая, будучи сформулированной Судом, приобретает качество официальной доктрины» (Н.А. Богданова) [21, с. 63]; «объективированный в решении (прежде всего, в его мотивировочной части) «общеобязательный результат толкования положений Конституции РФ и иных нормативно-правовых актов в их конституционно-правовом смысле, который отражает понимание Судом значимой юридической проблемы и способствует ее разрешению» (П.В. Батулин) [20, с. 7]. Это далеко не исчерпывающий перечень рассмотренных дефиниций.

Однако целью статьи не является дополнение приведённого выше ряда дефиниций ещё одним теоретическим постулатом, с обоснованием того, почему именно он наиболее полно отражает суть исследуемого явления: того, что уже есть более чем достаточно.

Вместе с тем практическое использование любого из определений понятия «правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации» представляет определённые сложности. При всей неумолимой высокой теоретической значимости как названных выше, так и иных дефиниций исследуемого понятия, практическое его использование не представляется лёгким. То есть, при необходимости разрешения задачи вычленив все правовые позиции из выборки в 100 случайным образом подобранных решений Конституционного Суда Российской Федерации, использование для этой цели любой из названных выше дефиниций, представляет собой весьма непростую задачу. Вместе с тем, с учетом того, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации носят обязательный характер [10, п. 2], весьма нелишним представляется выработка конкретного ме-

ханизма, универсального способа, который бы помогал определить, что есть правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации.

Перед тем, как заняться, собственно, вопросами поиска явления, определений которого разной степени абстрактности достаточно, следует все же, некоторым образом, более предметно отграничить искомое. Наиболее простым способом это сделать представляется не анализ уже существующих дефиниций того, чем является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации (или, что ещё сложнее и шире – чем она может являться), и, тем более, не попытка вывести ещё одну, новую дефиницию, а подход «от противного». Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации могут изначально содержаться только в его решениях, хотя бы потому, что это единственные акты, которые может принимать Конституционный Суд Российской Федерации [2, ст. 71].

Соответственно, анализ «первоисточника» в этой связи представляется более простым и практически удобоваримым, чем, нежели анализ многочисленных дефиниций. И наиболее последовательный способ поиска правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в его решениях – раз уж возникли сложности с конкретной дефиницией данного правового явления – последовательно исключить те части решения, которые не подходят под понятие «правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации» и с очевидностью ею не являются.

Уже хотя бы этот первый шаг добавляет конкретику многим теоретическим вопросам. Например, о наличии «скрытых», «подразумеваемых», «фундаментальных» правовых позиций, то есть тех позиций, которые имеют место быть, выводятся из одного или нескольких решений Конституционного Суда Российской Федерации, однако не имеют чёткого текстуального выражения.

Наверное, было бы слишком смелым утверждением говорить о полном отсутствии подобного явления, тем более, что ряд правоведов как минимум допускали возможность существования подобного явления [28, с. 54–56; 29, с. 65–75; 33, 157–158]. К тому же и сам Конституционный Суд Российской Федерации периодически излагает правовые позиции, представляющие собой следствие из обобщения собственных решений, однако не совпадающее с тем, что изложено в резолютивных частях таких правовых актов – что это, если не позиция? Причем не просто новая позиция, а позиция, которая была создана ранее, однако текстуальное выражение получила после [3, абз. 2 п. 3].

Вместе с тем, не стремясь умалить их важность, нельзя не отметить, что до той поры, пока скрытая позиция не получит хоть какое-либо текстуальное воплощение, она имеет скорее теоретическое, программное, общенаучное, чем нежели прикладное значение, потому более предметно исследовать их в формате данной работы не представляется целесообразным.

Однако, вернёмся к озвученному выше методу исключения, позволяющему оставить в решении только правовые позиции. Раскрывая данный вопрос, следует также отметить, что последовательное исключение того, что правовыми позициями не является теоретически будет осуществляться путем анализа «эталонного», максимального по наполненности ре-

шения Конституционного Суда Российской Федерации, насколько об этом позволяет судить сложившаяся правоприменительная практика, так как нет императивных и прямых законодательных ограничений того, что в решении Конституционного Суда Российской Федерации быть не может (естественно, с учётом установленной компетенции) [1; 2; 26].

Также, следует ввиду очевидности вывести «за скобки» анализа те случаи, когда Конституционный Суд Российской Федерации в своем решении самостоятельно обозначает какое-либо из предыдущих умозаключений, содержащихся в его собственных решениях, в качестве правовой позиции [4, 8, 9].

Далеко не все выраженные правовые позиции в дальнейшем отдельно квалифицированы Конституционным Судом Российской Федерации в этом качестве. Не являются панацеей и многочисленные подборки правовых позиций, содержащиеся на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации, ввиду выборочности, неисчерпанности правовых позиций, опубликованных там, о чем самим же Конституционным Судом Российской Федерации прямым текстом и написано [17, 18, 19].

Отдельно хотелось бы акцентировать внимание и на недопустимости такой логической ошибки как подмена понятий. Слово «позиция» многозначно, и может означать среди прочего и точку зрения, принципиальное отношение к чему-нибудь, определяющее характер действий, поведения [34], в нашем случае точку зрения Конституционного Суда Российской Федерации на какой-либо правовой вопрос. Определяя «правовую позицию» таким образом, мы не совершаем ошибки, однако лишаемся возможности вообще как-либо отграничить её от какой-либо иной информации в судебном решении, за исключением разве что фактических данных. Соответственно, данное определение не может быть эффективно использовано для целей практического поиска правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в его решениях.

Первое и самое простое: правовых позиций не содержится во вводной части судебного решения – очевидность, явствующая из названия. Дальше, чуть сложнее: являются ли умозаключения, содержащиеся в резолютивной части решения правовыми позициями? На этот счет есть различные мнения [30, с. 152], однако точка зрения, разделяющая итоговые выводы и правовые позиции представляется всё же более весомой [25, 35].

Во-первых, это подкрепляется некоторыми дефинициями, данными конституционалистами-практиками (например, определения, данное исследуемому термину судьями Конституционного Суда Российской Федерации Н.В. Витруком [22, с. 111] и Г.А. Гаджиевым [23, с. 7–8];

во-вторых, косвенно это подтверждается самим Конституционным Судом Российской Федерации, так как из многочисленных подборок правовых позиций по отдельным вопросам, опубликованных на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации нигде в качестве правовых позиций не дается ссылка на вывод, содержащийся в резолютивной части [36];

в-третьих, при использовании ссылок на ранее выраженные правовые позиции в своих решениях, Конституционный Суд Российской Феде-

рации по общему правилу разделяет выводы резолютивной части и правовые позиции части мотивировочной. Отдельные исключения [6, абз. 6–7 п. 2] лишь подтверждают общее правило в неисключительных случаях (*Excerptio probat regulam in casibus non excerptis*).

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что в резолютивной части решений Конституционного Суда Российской Федерации правовые позиции названного суда по общему правилу, все же не содержатся.

Остается мотивировочная часть (и описательная, которую тоже периодически выделяют в решения названного Суда, хотя мотивировочной её все же называют значительно чаще). Не хочется углубляться в дискуссию о том, как называть данную часть судебного решения, для достижения поставленных целей важнее проанализировать то, что содержится между словом «установил» и «постановил» («определил»).

Во всех решениях Конституционного Суда Российской Федерации, содержащих хотя бы намёк на наличие проблемного правового регулирования содержится фабула дела, которая с очевидностью к правовым позициям имеет весьма опосредованное отношение, равно как рекомендации законодателю, что такое регулирование в принципе допустимо, но, видимо, не лишено модернизационного потенциала. Все же рекомендации есть рекомендации. Также к правовым позициям с очевидностью не относятся и имеющиеся в мотивировочной части (как правило, если речь идет о постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации) суждениях о конституционности, либо неконституционности оспариваемого регулирования. Не позиции это потому, что, как правило, те же суждения содержатся и в резолютивной части, являясь, соответственно выводами.

Не является правовыми позициями и анализ судебной практики, который нередко встречается в судебных решениях, причём как внутренней, так и международной – всё же это вторичная работа с уже имеющимися данными.

Что же осталось в судебных решениях? Осталось толкование законодательства и, собственно, правовые позиции. Здесь возникает ещё один интересный вопрос: являются ли правовые позиции толкованием законодательства? Вопрос о соотношении этих двух понятий определенно не простой, однако, если его переформулировать, составив как: «Можно ли утверждать, что правовые позиции однозначно не являются толкованием законодательства?» – ответ становится едва ли не очевидным: конечно, нет.

Вопрос о соотношении этих двух понятий также требует отдельного исследования, наша же задача принципиально понять, где в решении Конституционного Суда Российской Федерации толкование, а где – правовая позиция. Для этого имеет смысл допустить возможность дефиниции понятия «правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации» в узком смысле, в том, в котором она толкованием, содержащимся в решениях названного суда, однозначно не является. А для анализа категориального соотношения толкования законодательства и правовых позиций – оставить дефиницию названного термина в широком смысле, там, где на теоретическом уровне можно рассуждать о соотношении категорий. Без

данного разделения на дефиницию в узком и широком смысле, не удастся на прикладном уровне выработать универсальный способ, позволяющий отграничить толкование права от выраженных правовых позиций. Заодно это дает дополнительную пищу для размышлений, относительно теперь уже двух конкретных дефиниций этого весьма сложного правового явления: в узком и широком смысле.

Итак, все же о способе выявления правовых позиций. Самый универсальный и верный совет – без углубления в суть вопроса здесь не обойтись. Конечно, есть слова или речевые обороты – «маркеры» (опять-таки квалификация самим Судом высказывания в качестве правовой позиции выводим за скобки – не правоведам спорить с тем, что написано в судебном решении, не подлежащим обжалованию), использования которых в судебных решениях говорит о том, что *может быть* перед нами правовая позиция. А может быть и нет? Что имеется виду: речевые обороты из серии: «Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации». После этого зачастую следует некое высказывание. Или просто, после высказывания, указание в скобках на ряд решений, где ранее была выражена приводимая правовая позиция (или повторяется та же аргументация, не являющаяся правовой позицией).

Итак, что же делает правовую позицию позицией? – в чем её ядро, квинтэссенция? – ответ и прост и сложен одновременно и кроется в самом наименовании термина.

То есть, если по итогам анализа определенной части текста из мотивировочной части решения Конституционного Суда Российской Федерации (относительно которого возникли сомнения: толкование ли это права или всё таки правовая позиция), мы приходим к простым выводам о том, что данное умозаключение (посылка – посылка – вывод) может быть воспроизведено в решении любого правоприменителя в целом и суда, в частности, без какой-либо ссылки на решение Конституционного Суда Российской Федерации, проще говоря, для выведения подобного умозаключения не нужен Конституционный Суд Российской Федерации – перед нами с очевидностью классически образец толкования права. Если же, с использование формальной логики вывод не складывается, так как пропущено какое-либо важное звено, если ту же аргументацию представить в официальном решении кого-либо не представляется возможным – значит перед нами как раз искомое: правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, хотя бы потому, что кроме Конституционного Суда Российской Федерации в судебном решении подобное сформулировать кто-либо другой не может.

В данном ключе первое, на что хочется обратить внимание, это на любые логические операции с уже выраженными ранее правовыми позициями, как либо их дополняющие, расширяющие, сужающие, конкретизирующие и т.п., которые также являются правовыми позициями, так как расширить, сузить, обобщить, конкретизировать правовую позицию уполномочен только Конституционный Суд Российской Федерации.

Полагаю уместным привести и разобрать несколько примеров, представляющих собой наиболее показательные случаи.

Например, правовой позицией с очевидностью является суждение о том, что само по себе установление законодателем административной ответственности за невыполнение водителем требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения [...] не может рассматриваться как нарушение прав граждан [7, п. 2] (между строк читается – конституционных прав, естественно). Данная правовая позиция используется достаточно часто, потому ссылка приводится не на все случаи её использования, коих множество, а на один из них.

Что делает данное суждение правовой позицией? Это общий, нормативный, распространяющийся на все категории граждан вывод о том, что их права не могут быть нарушены самим по себе фактом указанной административной ответственности (без конкретизации: в данном случае вопрос, к примеру, о соразмерности – вопрос второго порядка). В данном случае Конституционный Суд Российской Федерации, принимая решение по конкретной жалобе (к слову – отказывая в принятии такой жалобы к рассмотрению), в мотивировочной части решения сформулировал общий вывод о конституционной допустимости установления ответственности за конкретные действия, так как если само по себе (а не ограниченное указанным в жалобе аспектом, связанным с конкретным делом заявителя, к примеру) не может рассматриваться, как нарушающее права категории лиц (а не только заявителя по жалобе) – это есть общий вывод об очевидной конституционности регулирования. Кто, кроме Конституционного Суда Российской Федерации в официальном документе может сделать такой вывод? В каком ещё официальном правоприменительном документе такой вывод возможен? Соответственно, чем ещё может являться данное суждение Конституционного Суда Российской Федерации, если не его правовой позицией?

Ещё пример, умозаключение следующего характера: прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием события или состава административного правонарушения, а также по каким-либо иным основаниям не может служить препятствием для обжалования незаконного применения административного задержания как принудительной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении; иное нарушало бы гарантированные ст. 22 Конституции Российской Федерации право на свободу и личную неприкосновенность, а также ст. 46 право на судебную защиту [1; 26] и противоречило бы принципам законодательства об административных правонарушениях, в частности принципу законности (статья 1.6 КоАП Российской Федерации) [5].

В данном случае правовой позицией указанное умозаключение делает последнее его предложение: суждение «от противного», что бы было, будь все наоборот. А был бы предельно конкретный вывод о нарушении Конституции Российской Федерации, на что уполномочен указать Конституционный Суд Российской Федерации, потому и данная конструкция, по сути, частично в сослагательном наклонении также с очевидностью является правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации.

Эти два примера – малая толика от возможных вариантов выражения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, однако они наиболее ярко иллюстрируют возможность применения описы-

ваемого способа по выявления правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Данный способ выявления правовых позиций является универсальным, с учетом всей сложности правовой природы и объективного выражения данного юридического института. Для прикладных целей именно его использование с наибольшей точностью позволит грамотно ответить на вопрос является ли то или иное суждение Конституционного Суда Российской Федерации правовой позицией, либо нет.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) / <http://www.pravo.gov.ru>

2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» / Российская газета, 1994, 23 июля.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2022 года № 27-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коровицкой / Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 28. Ст. 5198.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда / Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2276.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П по делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова / Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 27. Ст. 3382.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2018 года № 3147-О / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision380032.pdf> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 года № 1471-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шкрабо Петра Ивановича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision241328.pdf> [Электронный ресурс], дата обращения 20 сентября 2022 года.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2016 года № 220-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан

Матросовой Татьяны Акимовны и Рассказовой Людмилы Анатольевны на нарушение их конституционных прав положением пункта 6 статьи 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации / Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2008 года № 975-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тарады Зинаиды Георгиевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 94 Правил предоставления коммунальных услуг гражданам / официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18017.pdf> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2003 года № 276-О / Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 8. Август.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 года № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» / Российская газета, 2020, 26 июня.

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9, сентябрь.

14. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 1237881-7 «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании» / официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1237881-7> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

15. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» / официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

16. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 1085758-7 «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» / официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1085758-7> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

17. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам. Алиментные правоотношения / официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Алиментные%20правоотношения.pdf> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

18. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам. Борьба с коррупцией / официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Борьба%20с%20коррупцией.pdf> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

19. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам. Вопросы защиты конкуренции / официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Вопросы%20защиты%20конкуренции.pdf> [Электронный ресурс], дата обращения 15 сентября 2022 года.

20. *Батурич П.В.* Правовые позиции в конституционном судопроизводстве и проблемы применения международно-правовых норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006. – 25 с.

21. *Богданова Н.А.* Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 3. – С. 63–68.

22. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России (1999–2001 гг.). Очерки теории и практики. – М., 2001. – 508 с.

23. *Гаджиев Г.А.* Методологические проблемы «прецедентной революции» в России // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 4. – С. 5–8.

24. *Дорогин Д.А.* Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов: монография. – М.: РГУП, 2017. – 230 с.

25. *Ковтун Н.Н., Лапатников М.В.* Особо ценный свидетель стороны обвинения – «не кантовать!» // Мировой судья. – 2020. – № 6. – С. 19–26.

26. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

27. *Кряжков В.А.* Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 3. – С. 3–8.

28. *Кряжкова О.Н.* Правовые позиции Конституционного Суда российской Федерации: теоретические основы и практика реализации судами России. – М.: Формула права, 2006. – 148 с.

29. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. – М.: «Формула права», 2008. – 688 с.

30. *Мазуров А.В.* Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Частное право, 2009. – 576 с.

31. *Мокосеева М.А.* Решения органов конституционной юстиции Российской Федерации: норма права или юридическая формальность // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 9. – С. 967–977.

32. *Сивицкий В.А.* Юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический мир. – 2000. – № 9. – С. 44–51.

33. *Страшун Б.А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционное правосудие на рубеже веков. – М., 2001. – С. 162–172.

34. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935–1940 / [электронный ресурс] <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/952590> дата обращения 15 сентября 2022 года.

35. *Фильченко Д.Г., Фильченко И.Г.* Новый подход при распределении судебных расходов по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 2. – С. 188–204.

36. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/ExtPos.aspx> [Электронный ресурс] дата обращения 15 сентября 2022 года.

Для цитирования: *Ревнов Б.А.* Универсальный способ выявления правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 81–90.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.082

A universal way to identify the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Boris A. Revnov*

Annotation. The article discusses a way to identify the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in its decisions, analyzes individual definitions of what is meant by the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, and offers working options for understanding this term. Specific examples of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are considered for the purpose of testing the universal method.

Keywords: legal regulation, law enforcement, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The term "legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation" is actively used in the domestic science of constitutional law. They are used both by the federal legislator when developing normative regulation [14, 15, 16], and by various law enforcers, including courts, when resolving issues in the course of proceedings on specific cases [11, p. 9; 12, 13]. Due to the lack of a legal definition of what the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are, in the past time a significant contingent of lawyers: both theorists and practitioners, have given their own definitions of what should be considered the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation [24, p. 8–10].

Despite the fact that this topic is not new, and similar selections of definitions have already been voiced more than once in the scientific literature, without at least a superficial analysis of them, the further conclusions of the article would sound quite unfounded, therefore, a small sample of definitions of that, what are the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation must be announced, as well as the names of the lawyers who gave these definitions. So, legal positions are: "important legal conclusions, ideas that are crystallized law identified by the court, a source of law, a legal principle suitable for resolving a group of similar legal conflicts" (G.A. Gadzhiev) [23, p. 7–8]; "the logical and legal substantiation of the final conclusion of the Court, contained in the operative part of its decision, formulated in the form of legal conclusions that have a generally binding value" (V.A. Kryazhkov) [27, p. 8]; "conclusions on a certain problem that the Court came to when resolving a particular case, which are of a repeated nature, and also have legal force, like the decisions of the Constitutional Court" (M.A. Mokoseeva) [31, p. 970–972]; "based on the chosen system of argumentation, legal conclusions of a general nature of the Constitutional Court, which serve as the legal basis for its final decisions" (N.V. Vitruk) [22, p. 111]; "something" of great importance for constitutional and legal relations" (V.A. Sivitsky) [32, p. 50]; "a normative-

* **Revnov Boris Alexandrovich**, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law (Saint Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: Akziz07@yandex.ru

interpretative establishment, which is the result of a judicial constitutional interpretation, the legal basis for the final conclusion (decision) of the Constitutional Court” (L.V. Lazarev) [29, p. 75]; “a theoretical construction with the help of which the Constitutional Court, using scientific potential, overcomes the legal uncertainty of the content of a particular norm and which, being formulated by the Court, acquires the quality of an official doctrine” (N.A. Bogdanova) [21, p. 63]; “objectified in the decision (primarily in its reasoning part) “generally mandatory result of the interpretation of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and other regulatory legal acts in their constitutional legal sense, which reflects the Court’s understanding of a significant legal problem and contributes to its resolution” (P.V. Baturin) [20, p. 7]. This is by no means an exhaustive list of the considered definitions.

However, the purpose of the article is not to supplement the above series of definitions with another theoretical postulate, with a justification of why it most fully reflects the essence of the phenomenon under study: what is already more than enough.

At the same time, the practical use of any of the definitions of the concept “legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation” presents certain difficulties. With all the inexorable high theoretical significance of both the above and other definitions of the concept under study, its practical use is not easy. That is, if it is necessary to solve the problem of isolating all legal positions from a sample of 100 randomly selected decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, using any of the above definitions for this purpose is a very difficult task. At the same time, taking into account the fact that the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are mandatory [10, p. 2], it seems very useful to develop a specific mechanism, a universal method that would help determine what the legal position of the Constitutional Court is. Courts of the Russian Federation.

Before actually dealing with the questions of searching for a phenomenon whose definitions of varying degrees of abstractness are sufficient, one should nevertheless, in some way, more substantively delineate what is being sought. The easiest way to do this does not seem to be an analysis of the already existing definitions of what the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation is (or, what is even more complicated and broader, what it can be), and, moreover, not an attempt to derive another, a new definition, and the approach “from the opposite”. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation can initially be contained only in its decisions, if only because these are the only acts that the Constitutional Court of the Russian Federation can adopt [2, art. 71].

Accordingly, the analysis of the “original source” in this regard seems to be simpler and more practically digestible than the analysis of numerous definitions. And the most consistent way to search for the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in its decisions – since there are difficulties with the specific definition of this legal phenomenon – is to consistently exclude those parts of the decision that do not fit the concept of “legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation” and obviously do not are.

At least this first step adds concreteness to many theoretical questions. For example, about the presence of "hidden", "implied", "fundamental" legal positions, that is, those positions that take place, are derived from one or more decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, but do not have a clear textual expression.

Probably, it would be too bold to speak about the complete absence of such a phenomenon, especially since a number of jurists at least admitted the possibility of the existence of such a phenomenon [28, p. 54–56; 29, p. 65–75; 33, 157–158]. In addition, the Constitutional Court of the Russian Federation itself periodically sets out legal positions that are a consequence of the generalization of its own decisions, but do not coincide with what is stated in the operative parts of such legal acts – what is this, if not a position? And not just a new position, but a position that was created earlier, but received a textual expression after [3, para. 2 p. 3].

At the same time, without trying to belittle their importance, it should be noted that until the latent position receives at least some textual embodiment, it has more theoretical, programmatic, general scientific than applied significance, because it is not appropriate to study them in the format of this work in more detail.

However, let us return to the method of exclusion mentioned above, which allows us to leave only legal positions in the decision. Expanding this issue, it should also be noted that the consistent exclusion of what is not theoretically legal positions will be carried out by analyzing the “reference”, the maximum completeness of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, as far as the current law enforcement practice allows us to judge this, since there is no imperative and direct legislative restrictions on what cannot be in the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation (naturally, taking into account the established competence) [1; 2; 26].

Also, due to the obviousness, it should be taken out of the analysis those cases when the Constitutional Court of the Russian Federation in its decision independently designates any of the previous conclusions contained in its own decisions as a legal position [4, 8, 9].

Far from all expressed legal positions are subsequently separately qualified by the Constitutional Court of the Russian Federation in this capacity. Numerous collections of legal positions contained on the official website of the Constitutional Court of the Russian Federation are not a panacea, due to the selectivity, inexhaustibility of the legal positions published there, which the Constitutional Court of the Russian Federation itself writes about in plain text [17, 18, 19].

Separately, I would like to focus on the inadmissibility of such a logical error as the substitution of concepts. The word “position” has many meanings, and can mean, among other things, a point of view, a fundamental attitude to something that determines the nature of actions, behavior [34], in our case, the point of view of the Constitutional Court of the Russian Federation on any legal issue. By defining a “legal position” in this way, we do not make a mistake, but we lose the opportunity to somehow distinguish it from any other information in a judicial decision, with the exception of factual data. Accordingly, this defi-

dition cannot be effectively used for the purposes of a practical search for the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in its decisions.

The first and simplest: there are no legal positions in the introductory part of the judgment – the obviousness that comes from the title. Further, a little more complicated: are the conclusions contained in the operative part of the decision legal positions? There are different opinions on this [30, p. 152], however, the point of view that shares the final conclusions and legal positions seems to be more weighty [25, 35].

Firstly, this is supported by some definitions given by constitutional practitioners (for example, the definitions given to the term under study by judges of the Constitutional Court of the Russian Federation N.V. Vitruk [22, p. 111] and G.A. Gadzhiev [23, pp. 7–8];

secondly, this is indirectly confirmed by the Constitutional Court of the Russian Federation itself, since from the numerous collections of legal positions on certain issues published on the official website of the Constitutional Court of the Russian Federation, nowhere is a reference to the conclusion contained in the operative parts [36];

thirdly, when using references to previously expressed legal positions in its decisions, the Constitutional Court of the Russian Federation, as a general rule, separates the conclusions of the operative part and the legal positions of the reasoning part. Separate exceptions [6, par. 6–7 p. 2] only confirm the general rule in non-exceptional cases (*Exceptio probat regulam in casibus non exceptis*).

Thus, the foregoing allows us to conclude that the resolutive part of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as a general rule, does not contain the legal positions of the said court.

The motivational part remains (and the descriptive part, which is also periodically singled out in the decisions of the aforementioned Court, although it is still called the motivational part much more often). I do not want to delve into the discussion about how to call this part of the judgment, in order to achieve the set goals, it is more important to analyze what is contained between the word “established” and “determined” (“determined”).

All decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation containing at least a hint of the presence of problematic legal regulation contain the plot of the case, which obviously has a very indirect relation to legal positions, as well as recommendations to the legislator (that this or that regulation is acceptable in principle, but, apparently, not devoid of modernization potential). Nevertheless, recommendations are recommendations. Also, legal positions obviously do not include the judgments in the reasoning part (as a rule, when it comes to decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation) about the constitutionality or unconstitutionality of the contested regulation. This is not a position because, as a rule, the same judgments are contained in the resolutive part, being, respectively, conclusions.

The analysis of judicial practice, which is often found in court decisions, both domestic and international, is not a legal position, but it is still a secondary work with existing data.

What remains in the judgments? What remains is the interpretation of legislation and, in fact, legal positions. Here another interesting question arises: are legal positions an interpretation of legislation? The question of the relationship between these two concepts is definitely not simple, however, if it is reformulated as: "Can it be argued that legal positions are definitely not an interpretation of legislation?" – the answer becomes almost obvious: of course not.

The question of the relationship between these two concepts also requires a separate study, but our task is to fundamentally understand where in the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation is the interpretation, and where is the legal position. To do this, it makes sense to admit the possibility of defining the concept of "legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation" in a narrow sense, in the sense in which it is clearly not an interpretation contained in the decisions of the named court. And for the analysis of the categorical correlation between the interpretation of legislation and legal positions, it is necessary to leave the definition of the named term in a broad sense, where at the theoretical level it is possible to talk about the correlation of categories. Without this division into a definition in the narrow and broad senses, it will not be possible at the applied level to develop a universal method that allows delimiting the interpretation of law from the expressed legal positions. At the same time, this provides additional food for thought regarding the now two specific definitions of this very complex legal phenomenon: in the narrow and broad senses.

So, all the same about the method of identifying legal positions. The most universal and true advice is that one cannot do without delving into the essence of the issue. Of course, there are words or turns of phrase – "markers" (again, the qualification of the statement by the Court itself as a legal position is taken out of brackets – it is not for jurists to argue with what is written in a court decision that is not subject to appeal), the use of which in judicial decisions it says that we may have a legal position before us. Or maybe not? What does it mean: speech turns from the series: "As the Constitutional Court of the Russian Federation has repeatedly pointed out." This is often followed by a statement. Or simply, after the statement, an indication in brackets of a number of decisions where the given legal position was previously expressed (or the same argument is repeated, which is not a legal position).

So what makes a legal position a position? – what is its core, quintessence? – the answer is both simple and complex at the same time and lies in the very name of the term.

That is, if, based on the results of the analysis of a certain part of the text from the motivational part of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation (regarding which there are doubts: whether this is an interpretation of law or still a legal position), we come to simple conclusions that this conclusion (premise – premise – conclusion) can be reproduced in the decision of any law enforcement officer in general and the court, in particular, without any reference to the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, in other words, the Constitutional Court of the Russian Federation is not needed to draw such a conclusion – we have before us, with obviousness, a classical example of the interpretation of law. If, with the use of formal logic, the conclusion does not add up, since some important link is

missing, if it is not possible to present the same argumentation in the official decision of someone, then we have exactly what we are looking for: the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation -walkie-talkies, if only because, apart from the Constitutional Court of the Russian Federation, no one else can formulate such a thing in a court decision.

In this vein, the first thing I want to pay attention to is any logical operations with previously expressed legal positions, either supplementing, expanding, narrowing, concretizing, etc., which are also legal positions, so how to expand, narrow down, generalize, concretize the legal position, only the Constitutional Court of the Russian Federation is competent.

I think it is appropriate to give and analyze a few examples that are the most illustrative cases.

For example, the legal position is clearly the judgment that, in itself, the establishment by the legislator of administrative responsibility for the driver's failure to comply with the requirement to undergo a medical examination for intoxication [...] cannot be considered as a violation of the rights of citizens [7, p. 2] (read between the lines – constitutional rights, of course). This legal position is used quite often; therefore the reference is not given to all cases of its use, of which there are many, but to one of them.

What makes this judgment a legal position? This is a general, normative conclusion that applies to all categories of citizens that their rights cannot be violated by the very fact of the specified administrative responsibility (without specification: in this case, the question, for example, about proportionality is the question second order). In this case, the Constitutional Court of the Russian Federation, when deciding on a specific complaint (by the way, refusing to accept such a complaint for consideration), in the reasoning part of the decision formulated a general conclusion about the constitutional admissibility of establishing responsibility for specific actions, since if in itself (and not limited to the aspect indicated in the complaint, related to the specific case of the applicant, for example) cannot be considered as violating the rights of a category of persons (and not just the complainant) – this is a general conclusion about the obvious constitutionality of the regulation. Who, except the Constitutional Court of the Russian Federation, can make such a conclusion in an official document? In what other official law enforcement document is such a conclusion possible? Accordingly, what else can this judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation be, if not its legal position?

Another example, the conclusion of the following nature: the termination of proceedings in a case of an administrative offense due to the absence of an event or composition of an administrative offense, as well as for any other reasons, cannot serve as an obstacle to challenging the illegal application of administrative detention as a coercive measure to ensure proceedings on the case of an administrative offense; otherwise would violate the guaranteed Art. 22 of the Constitution of the Russian Federation the right to freedom and personal integrity, as well as Art. 46 the right to judicial protection [1; 26] and would be contrary to the principles of legislation on administrative offenses, in particular the principle of legality (Article 1.6 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) [5].

In this case, the legal position of the indicated conclusion is made by his last sentence: the judgment “from the contrary”, what would happen if everything was the other way around. And there would be an extremely specific conclusion about the violation of the Constitution of the Russian Federation, which the Constitutional Court of the Russian Federation is authorized to point out, therefore this construction, in fact, partially in the subjunctive mood, is also obviously the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

These two examples are a small fraction of the possible options for expressing the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, however, they most clearly illustrate the possibility of using the described method to identify the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. This method of identifying legal positions is universal, taking into account the complexity of the legal nature and objective expression of this legal institution. For applied purposes, it is its use with the greatest accuracy that will allow you to competently answer the question of whether this or that judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation is a legal position or not.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the national vote on July 1, 2020) / <http://www.pravo.gov.ru>
2. Federal constitutional law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" / Rossiyskaya Gazeta, 1994, July 23.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 4, 2022 No. 27-P on the case of checking the constitutionality of part 1 of article 17 of the Federal Law “On control over the compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income”, paragraph 5 of article 4 of the Federal Law “On Personal Subsistence Farming” and paragraph 1 of Article 200 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.I. Korovitskaya / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 28. Art. 5198.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2010 No. 8-P on the case of checking the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of part two of Article 30 and part two of Article 325 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints from citizens R.R. Zainagutdinova, R.V. Kudaeva, F.R. Faizulina, A.D. Khasanova, A.I. Shavaev and the request of the Sverdlovsk Regional Court / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 18. Art. 2276.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2009 No. 9-P on the case of checking the constitutionality of a number of provisions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 and 30.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, paragraph 1 of Article 1070 and paragraph three of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens M.Yu. Karelina,

V.K. Rogozhkin and M.V. Filandrova / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 27. Art. 3382.

6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 20, 2018 No. 3147-O / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision380032.pdf> [Electronic resource], accessed September 15, 2022 of the year.

7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2016 No. 1471-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Petr Ivanovich Shkrabo about the violation of his constitutional rights by part 1 of Article 12.26 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision241328.pdf> [Electronic resource], accessed September 20, 2022.

8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 9, 2016 No. 220-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Matrosova Tatyana Akimovna and Rasskazova Lyudmila Anatolyevna about the violation of their constitutional rights by the provision of paragraph 6 of Article 181.4 of the Civil Code of the Russian Federation / Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2016. No. 5.

9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 12, 2008 No. 975-O-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Tarada Zinaida Georgievna about the violation of her constitutional rights by paragraph 94 of the Rules for the provision of public services to citizens / official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18017.pdf> [Electronic resource], accessed September 15, 2022.

10. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 5, 2003 No. 276-O / Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2003. No. 6.

11. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2018) / Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 8. August.

12. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 11, 2020 No. 7 “On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases” / Rossiyskaya Gazeta, 2020, June 26.

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2015 No. 29 “On the practice of application by courts of legislation ensuring the right to defense in criminal proceedings” / Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 9, September.

14. Explanatory note to the Draft Federal Law No. 1237881-7 “On Amending Article 4 of the Law of the Russian Federation “On a Closed Administrative-Territorial Entity” / official website of the State Duma of the Russian Federation <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1237881-7> [Electronic resource], accessed September 15, 2022.

15. Explanatory note to the draft Federal Law No. 1172553-7 “On Amending the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” / official website of the State Duma of the Russian Federation <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> [Electronic resource], accessed September 15, 2022.

16. Explanatory note to the draft Federal Law No. 1085758-7 “On Amending Article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” / official website

of the State Duma of the Russian Federation <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1085758-7> [Electronic resource], accessed September 15, 2022.

17. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on certain issues. Alimony legal relations / official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Alimony%20legal%20relations.pdf> [Electronic resource], accessed September 15, 2022.

18. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on certain issues. Fight against corruption / official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Fight%20%20corruption.pdf> [Electronic resource], accessed September 15, 2022.

19. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on certain issues. Issues of protection of competition / official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Issues%20of%20protection%20competition.pdf> [Electronic resource], accessed September 15, 2022.

20. Baturin P.V. Legal positions in constitutional legal proceedings and problems of application of international legal norms: author. dis. ... cand. legal Sciences. Chelyabinsk, 2006. 25 p.

21. Bogdanova N.A. The Constitutional Court of the Russian Federation in the system of constitutional law // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1997. No. 3. P. 63–68.

22. Vitruk N.V. Constitutional Justice in Russia (1999 – 2001). Essays on theory and practice. Moscow, 2001. 508 p.

23. Gadzhiev G.A. Methodological problems of the “precedent revolution” in Russia // Journal of Constitutional Justice. 2013. No. 4. P. 5–8.

24. Dorogin D.A. Circumstances excluding criminal liability: legal positions of the judiciary: monograph. Moscow: RGUP, 2017. 230 p.

25. Kovtun N.N., Lapatnikov M.V. A particularly valuable witness for the prosecution – “do not turn over!” // World judge. 2020. No. 6. P. 19–26.

26. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 343 p.

27. Kryazhkov V.A. Constitutional culture in the mirror of justice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Constitutional Justice. 2008. No. 3. P. 3–8.

28. Kryazhkova O.N. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical foundations and practice of implementation by the courts of Russia. Moscow: Formula of Law, 2006. 148 p.

29. Lazarev L.V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. Moscow: Formula of Law, 2008. 688 p.

30. Mazurov A.V. Commentary on the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation” (article by article). 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Private law, 2009. 576 p.

31. Mokoseeva M.A. Decisions of the bodies of constitutional justice of the Russian Federation: rule of law or legal formality // Administrative and municipal law. 2015. No. 9. P. 967–977.

32. Sivitsky V.A. Legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Legal world. 2000. No. 9. P. 44–51.

33. Strashun B.A. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law // Constitutional justice at the turn of the century. Moscow, 2001. P. 162–172.

34. Explanatory Dictionary of Ushakov. D.N. Ushakov. 1935–1940 / [electronic resource] <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/952590> accessed September 15, 2022.

35. Filchenko D.G., Filchenko I.G. A new approach to the distribution of court costs in cases of contesting the results of determining the cadastral value // Bulletin of the civil process. 2021. No. 2. P. 188–204.

36. Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/ExtPos.aspx> [Electronic resource] accessed September 15, 2022.

For citation: Revnov B.A. A universal way to identify the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 91–100.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.082

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.102

Мошенничество в сфере информационных технологий и отдельные вопросы их квалификации

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В статье рассматривается проблема увеличения мошеннических действий, связанных с использованием современных информационных технологий. На фоне роста данных преступлений исследуются отдельные аспекты квалификации преступных деяний, связанных с хищением чужого имущества мошенническим способом. Для решения предупредительных задач уголовного законодательства предлагается привлекать к уголовной ответственности несостоявшихся рефоводов и прочих зазывал в финансовые пирамиды. Содержится предложение о конфискации имущества в доход государства денежных средств, внесенных рефоводами в финансовую пирамиду. В целях реализации единообразной правоприменительной практики вышеизложенные предложения предлагается внести в виде дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Ключевые слова: мошенничество, информационные технологии, преступное сообщество, преступная организация, организованные группы, квалификация преступления, предупреждение преступлений, конфискация имущества.

В последнее время в нашей стране наблюдается широкий всплеск преступности в сфере мошенничества [1]. Со ссылкой на данные Генеральной прокуратуры, издание «Известие» приводит следующие цифры: за январь-ноябрь 2021 года в России было зарегистрировано 281,9 тысячи случаев мошенничества (статья 159 УК РФ), что на 6,5 процента больше, чем за аналогичный период 2020 года [2].

Отличительной чертой современных мошенников является использование ими современных цифровых технологий. При этом данная проблема приобретает особую остроту, поскольку наблюдается рост данного вида мошенничества. Только в 2021 г. оно увеличилось на 13,7 % [3].

* **Гареев Марат Фаизович**, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

Ярким примером крупномасштабного мошенничества с использованием новейших цифровых технологий является казанская компания Finiko, признанная Центральным банком РФ финансовой пирамидой [4]. Деятельность данной компании охватила большинство регионов России. Несмотря на то, что уголовное дело по факту совершения лидерами компании Finiko мошеннических действий было возбуждено еще в июле 2021 г., число пострадавших только увеличивается. Отдельные источники указывают, что число пострадавших от преступной деятельности данной компании достигает около миллиона человек. От мошеннических действий финансовой пирамиды Finiko также пострадали иностранные граждане [5]. Совокупный ущерб от деятельности Finiko, по независимым оценкам, превышает \$ 4 млрд. [6].

В своей преступной деятельности лидеры компании Finiko использовали современные достижения в области информационных технологий.

Для того, чтобы стать «партнером» Finiko нужно было пройти регистрацию и верификацию в личном кабинете finiko-ru.org. Верификация заключалась в загрузке в информационную систему паспортных данных и двух фотографий вкладчика. В связи с тем, что все транзакции производились через биткоин, необходимо было создать биткоин-кошелёк. По сути, компания приняла на себя функции государства по созданию собственной валюты, которая именовалась цифронами (CFR). Ее нужно было покупать за биткоин или криптовалютный токен Tether, при этом курс цифрона был один к одному – один токен равен одному доллару. Цифрон не торговался на биржах, а его стоимость контролировалась Finiko [7].

Существовала программа, которая позволяла выбрать наиболее выгодный крипто-кошелек с минимальной комиссией и выгодным обменником для вывода прибыли. У каждого вкладчика в личном кабинете отражался «рост его прибыли» [8].

Вышеперечисленные обстоятельства ярко свидетельствуют о том, что информационные ресурсы Finiko не уступали аналогичным ресурсам, которые используют ведущие банки нашей страны. Примечательно, что в части внедрения отдельных современных информационных платформ компания Finiko вышла на передовые рубежи. Так, «финикийцами» раньше других финансовых учреждений использовался токен, являющийся одним из новейших достижений цифровых технологий, а Сбербанк запустил его в действие только в августе 2021 г. [9]. Использование подобного рода совершеннейших информационных технологий является свидетельством привлечения высококвалифицированных специалистов в области IT технологий для создания информационных ресурсов, действовавших на платформе Finiko.

Использование современных информационных технологий на платформе Finiko позволило осуществить широкомасштабную деятельность по привлечению вкладчиков не только в пределах Российской Федерации, но и за ее пределами. Судя по имеющейся информации в сети Интернет, деятельность по привлечению вкладчиков осуществлялась в рамках преступного сообщества (преступной организации).

Понятие и содержание преступного сообщества (преступной организации) раскрывается в разъяснениях п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения

уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в которой указано, что свою преступную деятельность преступное сообщество (преступная организация) осуществляет либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. При этом закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация».

В данном судебном акте Верховного Суда РФ сказано, что под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействия различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Всеми перечисленными признаками преступного сообщества (преступной организации) обладает деятельность по привлечению вкладчиков, осуществляемая в рамках платформы Finiko. О структурированности организованных групп указывает «Маркетинг – план FINIKO», в котором ярко демонстрируется иерархическое положение участников компании Finiko [10].

Основу компании Finiko составляли рефоводы. Отдельная программа определяла статусное положение рефоводов, которая в первую очередь, зависела от количества привлеченных денежных средств в данную финансовую пирамиду. Самую низшую иерархию в системе рефоводов занимала первая «звезда», а самой высшей считалась десятая «звезда». Для получения статуса десятой «звезды» требовалось привлечь денег в сумме не менее 10 млн. долларов [11]. «Звезды» Finiko получали единовременные выплаты за каждого привлеченного вкладчика, а затем уже и постоянный доход в зависимости от суммы внесенных людьми денег [12].

О более высоком статусном положении рефовода указывало выполнение ими функций президента и вице-президента компании Finiko, а также директоров ее офисов, которые функционировали не только во многих городах России, но и за ее пределами [13].

Все организованные группы, созданные на платформе Finiko были объединены и между ними была устойчивая связь [14]. Планирование и координацию деятельности организованных групп осуществляла высшая иерархия, к которым источники относят Кирилла Доронин, Зыгмута Зыгмунтовича, Марата и Эдварда Сабириных [15].

Одним из основных инструментов планирования и координации организованных групп в компании Finiko являлись конференции, семинары и другие публичные мероприятия, которые проводились лидерами данной финансовой пирамиды [16].

Преобладающим способом совершения мошеннических действий топ-лидерами компании Finiko явился обман, заключающийся в сознательном со-

общении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений [17], поскольку никакой автоматической генерации прибыли, как это обещали адепты Finiko не было, а выплаты прибыли рефоведам осуществлялась за счет следующих привлеченных ими вкладчиков [18].

В качестве основного способа мошеннических действий рефоводы использовали злоупотребление доверием, которое заключалось в использовании доверительных отношений, обусловленное, прежде всего, личными отношениями с потерпевшим и отсутствием намерения выполнить принятые на себя обязательства. На случай отказа вложить деньги в компанию Finiko существовала своеобразная инструкция для рефоводов, в которой был прописан алгоритм формирования доверительных отношений с потенциальной жертвой, который позволил бы сформировать доверительные отношения и вовлечь его в финансовую пирамиду. Такая инструкция содержалась в закрытом чате на Телеграмм канале SINCERE SYSTEMS B... [19]. Данное обстоятельство раскрывает содержание субъективной стороны преступления, совершаемого рефоводами, и указывает, что оно совершается в виде прямого умысла.

На фоне резкого возрастания мошеннических действий и обращения к наиболее извращенным способам их совершения за счет использования современных информационных технологий, возникает необходимость разработки мер, направленных на достижение задач предупреждения преступной деятельности, установленные ст. 2 УК РФ.

Для разработки мер предупредительного характера обратим внимание на действия отдельных вкладчиков Finiko, которым хотя и был причинен материальный ущерб, но характер их действий указывает о попытке вовлечения очередных вкладчиков в данную финансовую пирамиду. По сути, такое лицо выполняло функции рефовода, что может характеризовать как объективную, так и субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

В качестве доказательств совершения подобного рода действий может быть ссылка ID реферала, которая является одной из ключевых. Это будет 4-значный номер, который пригласил в систему. Для тех, у кого нет знакомых и друзей в Finiko, предусмотрен ID «5700», т.е. эти лица самостоятельно вошли и, следовательно, никто не занимался их вовлечением в данную компанию [20]. У последней категории вкладчиков финансовой пирамиды отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 159 УК РФ, поскольку они, вложив свои деньги в финансовую пирамиду, ожидали доходы от «автоматической генерации прибыли», не совершая при этом никаких действий, направленных на привлечение очередных вкладчиков.

Учитывая использование в своей преступной деятельности передовых достижений в области цифровых технологий в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, органы предварительного расследования в соответствии со ст. 195 УПК РФ могут назначить судебную экспертизу, поскольку возникает необходимость использования специальных знаний в науке и технике [21].

Обращаясь к разъяснениям п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мо-

шенничестве, присвоении и растрате» следует обратить внимание на то, что вышеописанные действия свидетельствуют о наличии корыстной цели у лиц, которые пытались выполнить роль рефоводов, поскольку ими принята попытка изъять и (или) обратить чужое имущество в свое обладание или в обладание другого лица для собственной наживы. Информационные ресурсы Finiko наглядно показывают, что такое лицо, в случае привлечения вкладчика, вначале получает строго определенную выплату и, в зависимости от привлеченных денежных средств, впоследствии получает фиксированные платежи в виде ежемесячных выплат, которые могут исчисляться в сумме нескольких миллионов рублей [22].

Даже в том случае, если вкладчику финансовой пирамиды причиняется материальный ущерб в результате хищения у него денежных средств мошенническими способом, а им предпринимаются дальнейшие попытки привлечь очередного вкладчика, которые ему не удалось осуществить по независящим от него обстоятельствам, то такого рода действия следует признавать преступными и квалифицировать как покушение на мошенничество [23].

Как правило, преступная деятельность лиц, организовавших работу финансовых пирамид, направлена на причинение ущерба потерпевшим в особо крупном размере и совершается в составе организованной группы. Рассматривая компанию Finiko, состоящую из глубоко структурированных организованных групп, являющихся составной частью преступного сообщества (преступной организации), действия несостоявшихся, которым по независящим от него обстоятельствам не удалось реализовать преступный умысел, направленный на вовлечение вкладчиков в финансовую пирамиду, следует квалифицировать как покушение на мошенничество в особо крупном размере (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ). В качестве оснований для данной квалификации служат положения п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, в котором разъясняется, что мошенничество, совершенное в составе организованной группы или группы лиц по предварительному сговору по признаку в «особо крупном размере» следует исходить из общей стоимости имущества, похищенного всеми участниками преступной группы. Применительно к финансовой пирамиде Финико, с учетом обстоятельств совершения преступления органы предварительного следствия дополнительно квалифицировали по ст. 210 УК РФ, предусматривающую ответственность за создание преступного сообщества [24].

С учетом положений ч. ч. 1 и 2 ст. 30 УК РФ и вышеупомянутых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ приготовление к совершению мошеннических действий, которые предполагается совершить посредством использования финансовой пирамиды, также влечет уголовную ответственность.

При этом необходимо принять во внимание, что денежные средства, внесенные вышеупомянутыми несостоявшимися рефоводами в финансовую пирамиду, как одно из обязательных условий участия их в ней, подлежит конфискации в доход государства в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, поскольку они использовались для достижения целей, поставленных перед преступным сообществом (преступной организацией) или организованной группы [25].

В связи с высокой вероятностью возникновения новых случаев совершения мошеннических действий посредством создания финансовых пирамид, постоянно сопровождающихся применением новейших информационных технологий в преступной деятельности, совершаемых не только в составе организованных групп, но и преступных сообществ (преступных организаций), предлагается в части квалификации вышеупомянутых преступных действий рефоводов, «пригласителей» (терминология Finiko) и прочих зазывал в финансовые пирамиды, предлагается Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнить пунктом 6.1 и внести в него вышеизложенные положения.

Библиографический список

1. Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии: Общество: РБК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (дата обращения – 30 мая 2022 г.); Почему в кризис возрастает риск стать жертвой финансовых мошенников // Российская газета, 2020, 25 марта; Подсчитаны миллиардные потери россиян из-за телефонных мошенников: Банки: Экономика. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://Lenta.ru/news/2020/12/24/crime/> (дата обращения – 30 мая 2022 г.).
2. Перевощикова Мария. Без крыши дома: в России выросло число афер с жильем и ипотекой / Статья/ Известия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1275644>. (дата обращения – 30 мая 2022 г.).
3. В России выросло число случаев мошенничества: Киберпреступность: Интернет и СМИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://Lenta.ru/news/2022/01/12/moshenniki/> [Электронный ресурс]. (дата обращения – 30 мая 2022 г.).
4. FINIKO/Банк России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cbr.ru/inside/warning-list/detail/?id=7239>. (дата обращения – 1 июня 2022 г.).
5. Как «Финико» стала крупнейшей после МММ финансовой пирамидой, привлекла миллион людей и почему долго не могла рухнуть? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fordes.ru/finansy-i-investicii/437501> (дата обращения – 1 июня 2022 г.).
6. Кирилл Доронин дал показания против 44 подельников по пирамиде «Финико». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://financeport.me/threads/kirill-doronin-dal-pokazaniy-protiv-44-podelnikov-po-piramide-finiko>. 1700. – (дата обращения – 9 июня 2022 г.).
7. Вторая после МММ: как работала финансовая пирамида «Финико». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru>. – (дата обращения – 9 июня 2022 г.).
8. Финико: автоматическая генерация прибыли или развод по-русски? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fullinsest.biz/finiko-avtomaticheskaja-generacziya-pribyli-razvod-po-russki.html>? – (дата обращения 9 июня 2022 г.).
9. Вход в систему Сбербанк Бизнес Онлайн при использовании токена Инфокрипт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bisnes.ru/publ/biznes_i_sberbank_biznes_onlajn_token/2-01-151. (дата обращения – 9 июня 2022 г.).
10. «Маркетинг – план FINIKO». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thefin.tk/marketing-plan-finiko>. (дата обращения – 9 июня 2022 г.).
11. Как работала компания Финико. И почему таких будет еще много. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.klerk.ru/tribune/mihaelzuh/517265>. (дата обращения – 9 июня 2022 г.).

12. «Апостол» Доронина: кто завлекал вкладчиков в Finiko? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/518511>. (дата обращения – 9 июня 2022 г.).

13. Как вложить деньги на finiko правильно? – стоит ли вкладывать в финико? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://znatokfinansov.ru>. (дата обращения – 9 июня 2022 г.).

14. Разъяснения п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // www.consultant.ru.

15. Как работала пирамида Финико. И почему таких будет еще много. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.klerk.ru/tribune/mihaelzuh/517265>. (дата обращения – 31 мая 2022 г.).

16. Фотоотчеты конференции CLUB 20 Челябинск, 12 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [/vk.com/album-173870516_27745](https://vk.com/album-173870516_27745) (дата обращения – 26 ноября 2021 г.); Екатеринбург, 14 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [/vk.com/album-173870516_277517](https://vk.com/album-173870516_277517). (дата обращения – 26 ноября 2021 г.); Club 20. 25 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [/vk.com/album-1738705516_27760](https://vk.com/album-1738705516_27760). (дата обращения – 26 ноября 2021 г.).

17. Разъяснения п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // www.consultant.ru.

18. Вторая после МММ: как работала финансовая пирамида «Финико». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/437501-vtoraya-posle-mmm-kak-rabotala-finansovaya-piramida-finiko>? – (дата обращения – 22 июня 2022 г.).

19. Материалы уголовного дела № 1210130004001937. Производство следственного отделения отдела МВД России по г. Анапа.

20. Стоит ли вкладывать деньги в финико (the finiko)? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://znatokfinansov.ru/lichnyj-i-sberezhenija/stoit-li-vkladyvat-dengi-v-finiko-thefiniko/>? – (дата обращения – 22 июня 2022 г.).

21. Разъяснения п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // www.consultant.ru.

22. «Апостолы» Доронина: кто завлекал вкладчиков в Finiko? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/518511?ysclid=14pg4qltyi678448393>. – (дата доступа – 25 июня 2022 г.).

23. Разъяснения п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // www.consultant.ru.

24. В отношении организаторов Finiko возбудили новое уголовное дело. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://business-gazeta.ru/news/553979>?

25. Разъяснения п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // www.consultant.ru.

Для цитирования: Гареев М.Ф. Мошенничество в сфере информационных технологий и отдельные вопросы их квалификации: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (129). – С. 101–107.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.102

Fraud in the field of information technology and certain issues of their qualification

Marat F. Gareev *

Annotation. The article deals with the problem of increasing fraudulent activities associated with the use of modern information technologies. Against the background of the growth of these crimes, certain aspects of the qualification of criminal acts related to the theft of other people's property in a fraudulent way are investigated. To solve the preventive tasks of the criminal law, it is proposed to prosecute failed referrals and other barkers in financial pyramids. There is a proposal to confiscate property in the state revenue of funds contributed by referrals to the financial pyramid. In order to implement a uniform law enforcement practice, the above proposals are proposed to be made in the form of additions to the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement".

Key words: fraud, information technology, criminal community, criminal organization, organized groups, crime qualification, crime prevention, confiscation of property.

Recently, in our country there has been a wide surge in crime in the field of fraud [1]. With reference to the data of the Prosecutor General's Office, Izvestia cites the following figures: in January-November 2021, 281.9 thousand cases of fraud were registered in Russia (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation), which is 6.5 percent more than in the same period 2020 [2].

A distinctive feature of modern scammers is their use of modern digital technologies. At the same time, this problem becomes especially acute, since there is an increase in this type of fraud. Only in 2021 it increased by 13.7% [3].

A striking example of large-scale fraud using the latest digital technologies is the Kazan Company Finiko, recognized by the Central Bank of the Russian Federation as a financial pyramid [4]. The activities of this company covered most regions of Russia. Despite the fact that a criminal case on the fact that the leaders of the Finiko Company committed fraudulent actions was initiated back in July 2021, the number of victims is only increasing. Some sources indicate that the number of victims of the criminal activities of this company reaches about a million people. Foreign citizens also suffered from the fraudulent actions of the financial pyramid Finiko [5]. The total damage from the activities of Finiko, according to independent estimates, exceeds \$ 4 billion [6].

In their criminal activities, the leaders of the Finiko Company used modern achievements in the field of information technology.

In order to become a "partner" of Finiko, one had to go through registration and verification in the personal account of finiko-ru.org. Verification consisted in uploading passport data and two photographs of the depositor into the information system. Due to the fact that all transactions were made through bitcoin, it was necessary to create a bitcoin wallet. In fact, the compa-

* **Gareev Marat Faizovich**, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

ny assumed the functions of the state to create its own currency, which was called digital (CFR). It had to be bought for bitcoin or the Tether cryptocurrency token, while the digital exchange rate was one to one – one token is equal to one dollar. Tsifron was not traded on exchanges, and its value was controlled by Finiko [7].

There was a program that allowed you to choose the most profitable crypto-wallet with a minimum commission and a profitable exchanger for withdrawing profits. Each depositor's personal account reflected "the growth of his profit" [8].

The above circumstances clearly indicate that Finiko's information resources were not inferior to similar resources used by the leading banks of our country. It is noteworthy that in terms of the implementation of some of the most modern information platforms, Finiko has reached the forefront. Thus, the "Phoenicians" used the token, which is one of the latest achievements of digital technologies, before other financial institutions, and Sberbank launched it only in August 2021 [9]. The use of this kind of the most advanced information technologies is evidence of the involvement of highly qualified specialists in the field of IT technologies to create information resources that operate on the Finiko platform.

The use of the latest information technologies on the Finiko platform made it possible to carry out large-scale activities to attract investors not only within the Russian Federation, but also abroad. Judging by the available information on the Internet, the activities to attract depositors were carried out within the framework of a criminal community (criminal organization).

The concept and content of the criminal community (criminal organization) is disclosed in the explanations of paragraph 3 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 No. 12 "On judicial practice in considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her)", which indicates that the criminal community (criminal organization) carries out its criminal activities either in the form of a structured organized group, or in the form of an association of organized groups operating under a single leadership. At the same time, the law does not establish any legal differences between the concepts of "criminal community" and "criminal organization".

This judicial act of the Supreme Court of the Russian Federation states that a structured organized group should be understood as a group of persons who have previously united to commit one or more grave or especially grave crimes, consisting of divisions (subgroups, links, etc.) characterized by the stability of the composition and the consistency of their actions. A structured organized group, in addition to a single leadership, is characterized by the interaction of its various divisions in order to implement common criminal intentions, the distribution of functions between them, the presence of possible specialization in the performance of specific actions in the commission of a crime and other forms of ensuring the activities of a criminal community (criminal organization).

All of the listed signs of a criminal community (criminal organization) have activities to attract investors, carried out within the framework of the Fi-

niko platform. The structuredness of organized groups is indicated by the "Marketing – Plan FINIKO", which clearly demonstrates the hierarchical position of the participants in the Finiko company [10].

The backbone of Finiko was referrals. A separate program determined the status of referrals, which primarily depended on the amount of funds raised in this financial pyramid. The lowest hierarchy in the system of referrals was occupied by the first "star", and the tenth "star" was considered the highest. To obtain the status of the tenth "star" it was required to attract money in the amount of at least 10 million dollars [11]. The "stars" of Finiko received a one-time payment for each attracted depositor, and then a permanent income, depending on the amount of money deposited by people [12].

The higher status position of the referrer was indicated by their performance of the functions of the president and vice president of the Finiko Company, as well as the directors of its offices, which functioned not only in many cities of Russia, but also abroad [13].

All organized groups created on the Finiko platform were united and there was a stable connection between them [14]. The planning and coordination of the activities of organized groups was carried out by the highest hierarchy, to which the sources include Kirill Doronin, Zygmunt Zygmuntovich, Marat and Edward Sabirovs [15].

One of the main tools for planning and coordinating organized groups in the Finiko Company were conferences, seminars and other public events held by the leaders of this financial pyramid [16].

The prevailing method of committing fraudulent actions by the top leaders of Finiko was deceit, consisting in the deliberate communication (presentation) of knowingly false, untrue information [17], since there was no automatic generation of profit, as Finiko adherents promised, but the payment of profit referrals was carried out at the expense of the following investors attracted by them [18].

As the main method of fraudulent actions, referrals used a breach of trust, which consisted in the use of a trusting relationship, primarily due to personal relationships with the victim and the lack of intention to fulfill the obligations assumed. In case of refusal to invest money in Finiko, there was a kind of instruction for referrals, in which an algorithm was prescribed for the formation of a trust relationship with a potential victim, which would allow forming a trust relationship and involving him in a financial pyramid. Such an instruction was contained in a closed chat on the Telegram channel SINCERE SYSTEMS B... [19]. This circumstance reveals the content of the subjective side of the crime committed by referrals, and indicates that it is committed in the form of direct intent.

Against the backdrop of a sharp increase in fraudulent activities and the appeal to the most perverse ways of committing them through the use of the most modern information technologies, it becomes necessary to develop measures aimed at achieving the objectives of preventing criminal activity, established by Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

To develop preventive measures, let's pay attention to the actions of individual Finiko depositors, who, although they suffered material damage, but the

nature of their actions indicates an attempt to involve new investors in this financial pyramid. In fact, such a person performed the functions of a referral, which can characterize both the objective and subjective side of the crime under Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation.

As proof of this kind of action, there may be a referral ID link, which is one of the key ones. This will be the 4-digit number that was invited to the system. For those who do not have acquaintances and friends in Finiko, the ID "5700" is provided, i.e. these persons independently entered and, consequently, no one was involved in their involvement in this company [20]. The last category of financial pyramid investors does not have the corpus delicti under Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, since they, having invested their money in a financial pyramid, expected income from "automatic generation of profits", while not taking any actions aimed at attracting regular investors.

Considering the use of advanced achievements in the field of digital technologies in their criminal activities for the purpose of a comprehensive and objective study of the circumstances to be proved in a criminal case, the preliminary investigation authorities in accordance with Art. 195 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation may appoint a forensic examination, since it becomes necessary to use special knowledge in science and technology [21].

Referring to the clarifications of paragraph 26 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement", one should pay attention to the fact that the above actions indicate the presence of a mercenary purpose among persons who tried to play the role of referrals, since they attempted to seize and (or) turn someone else's property into their own possession or into the possession of another person for their own gain. Finiko's information resources clearly show that such a person, in the case of attracting a depositor, first receives a strictly defined payment and, depending on the attracted funds, subsequently receives fixed payments in the form of monthly payments, which can be calculated in the amount of several million rubles [22].

Even if the financial pyramid investor suffers material damage as a result of fraudulently stealing money from him, and he makes further attempts to attract another investor, which he failed to carry out due to circumstances beyond his control, then such actions should be recognized criminal and qualify as attempted fraud [23].

As a rule, the criminal activity of persons who organized the work of financial pyramids is aimed at causing damage to victims on an especially large scale and is committed as part of an organized group. Considering the Finiko company, which consists of deeply structured organized groups that are an integral part of the criminal community (criminal organization), the actions of those who failed, who, due to circumstances beyond their control, failed to realize their criminal intent aimed at involving investors in a financial pyramid, should be qualified as an attempt for fraud on an especially large scale (part 3 of article 30, part 4 of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federa-

tion). The grounds for this qualification are the provisions of paragraph 32 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48, which explains that fraud committed as part of an organized group or group of persons by prior agreement on the grounds of "especially large" should be based on the total value of property stolen by all members of the criminal group. With regard to Finiko's financial pyramid, taking into account the circumstances of the commission of the crime, the preliminary investigation bodies were additionally qualified under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for the creation of a criminal community [24].

Subject to the provisions of h. h. 1 and 2 Article. 30 of the Criminal Code of the Russian Federation and the above-mentioned explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, preparation for committing fraudulent actions that are supposed to be committed through the use of a financial pyramid also entails criminal liability.

At the same time, it is necessary to take into account that the funds contributed by the aforementioned failed referrals to the financial pyramid, as one of the mandatory conditions for their participation in it, are subject to confiscation to the state revenue in accordance with paragraph "c" of Part 1 of Art. . 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, since they were used to achieve the goals set for a criminal community (criminal organization) or an organized group [25].

Due to the high probability of new cases of fraudulent acts through the creation of financial pyramids, constantly accompanied by the use of the latest information technologies in criminal activities, committed not only in organized groups, but also in criminal communities (criminal organizations), it is proposed in part qualification of the aforementioned criminal actions of referrals, "inviters" (Finiko terminology) and others who called into financial pyramids, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement" is proposed Supplement paragraph 6.1 and introduce the above provisions into it.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The number of fraud cases has increased a record amid the pandemic: Society: RBC. [Electronic resource]. Access mode: <https://rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (Accessed May 30, 2022); Why does the risk of becoming a victim of financial fraud increase during a crisis // Rossiyskaya Gazeta, 2020, March 25; Billions of losses of Russians due to telephone scammers have been calculated: Banks: Economics. [Electronic resource] // Access mode: <http://Lenta.ru/news/2020/12/24/crime/> (Accessed May 30, 2022).

2. Perevoshchikova Maria. Without a roof at home: the number of scams with housing and mortgages has increased in Russia / Article / Izvestia. [Electronic resource]. Access mode: <https://iz.ru/1275644>. (accessed 30 May 2022).

3. The number of cases of fraud has increased in Russia: Cybercrime: the Internet and the media. [Electronic resource]. Access mode: <https://Lenta.ru/news/2022/01/12/moshenniki/> [Electronic resource]. (accessed 30 May 2022).
4. FINIKO/Bank of Russia. [Electronic resource]. Access mode: <https://cbr.ru/inside/warning-list/detail/?id=7239>. (accessed 1 June 2022).
5. How did Finiko become the largest financial pyramid after MMM, attracted a million people, and why could it not collapse for a long time? [Electronic resource]. Access mode: <https://www.fordes.ru/finansy-i-investicii/437501> (Accessed June 1, 2022).
6. Kirill Doronin testified against 44 accomplices in the Finiko pyramid. [Electronic resource]. Access mode: <https://financeport.me/threads/kirill-doronin-dal-pokazaniy-protiv-44-podelnekov-po-piramide-finiko>. 1700. (date of treatment – June 9, 2022).
7. The second after MMM: how the financial pyramid "Finiko" worked. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.forbes.ru>. (accessed 9 June 2022).
8. Finiko: automatic profit generation or Russian-style divorce? [Electronic resource]. Access mode: <https://fullinsest.biz/finiko-avtomaticheskaja-generacziya-pribyli-razvod-po-russki.html>? – (accessed June 9, 2022).
9. Logging into the Sberbank Business Online system using the Infocrypt token. [Electronic resource]. Access mode: https://bisines.ru/publ/biznes_i_sberbank_biznes_onlajn_token/2-01-151. (accessed 9 June 2022).
10. "Marketing – the FINIKO plan" [Electronic resource]. Access mode: <https://thefin.tk/marketing-plan-finiko> (Accessed 9 June 2022).
11. How Finiko worked. And why will there be many more. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.klerk.ru/tribune/mihaelzuh/517265> (Accessed June 9, 2022).
12. "Apostle" Doronin: who lured investors to Finiko? [Electronic resource]. Access mode: <https://www.business-gazeta.ru/article/518511> (Accessed June 9, 2022).
13. How to invest in finiko correctly? – is it worth investing in finiko? [Electronic resource]. Access mode: <https://znatokfinansov.ru>. (Accessed 9 June 2022).
14. Explanations of paragraph 5 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 10, 2010 No. 12 “On judicial practice in considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (it)” // www.consultant.ru.
15. How the Finiko pyramid worked. And why will there be many more. [Electronic resource] Access mode: <https://www.klerk.ru/tribune/mihaelzuh/517265>. (Accessed 31 May 2022).
16. Photo reports of the CLUB 20 conference Chelyabinsk, November 12. [Electronic resource]. Access mode: [/vk.com/album-173870516_27745](https://vk.com/album-173870516_27745) (Accessed November 26, 2021); Yekaterinburg, 14 November. [Electronic resource]. Access mode: [/vk.com/album-173870516_277517](https://vk.com/album-173870516_277517). (Accessed November 26, 2021); Club 20. 25 November [Electronic resource]. Access mode: [/vk.com/album-1738705516_27760](https://vk.com/album-1738705516_27760) (accessed 26 November 2021).
17. Explanations of paragraph 2 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement” // www.consultant.ru.
18. The second after MMM: how the Finiko financial pyramid worked. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/437501-vtoraya-after-mmm-kak-rabotala-finansovaya-piramida-finiko>? (Accessed June 22, 2022).
19. Materials of criminal case No. 1210130004001937. Proceedings of the investigative department of the department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Anapa.

20. Is it worth investing in the finiko? [Electronic resource]. Access mode: <https://znatokfinansov.ru/lichnyj-i-sberezhenija/stoit-li-vkladyvat-dengi-v-finiko-the-finiko/> ? (Accessed June 22, 2022).

21. Explanations of paragraph 1 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 “On forensic examination in criminal cases” // www.consultant.ru.

22. Doronin's "Apostles": who attracted investors to Finiko? [Electronic resource]. Access mode: <https://www.business-gazeta.ru/article/518511?ysclid=l4pg4qltyi678448393> (accessed June 25, 2022).

23. Explanations of paragraph 6 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement” // www.consultant.ru.

24. A new criminal case was initiated against the organizers of Finiko. [Electronic resource]. Access mode: <https://business-gazeta.ru/news/553979?> – (Accessed June 25, 2022).

25. Explanations of paragraph 2 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 14, 2018 No. 17 “On some issues related to the use of confiscation of property in criminal proceedings” // www.consultant.ru.

For citation: Gareev M.F. Fraud in the field of information technology and certain issues of their qualification: article // *Legal Thought*. 2023. No. 1 (129). P. 108–114.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.102

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.116

Соотношение мер уголовно-правового воздействия и процессуальных пределов судебного разбирательства

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения мер уголовно-правового воздействия и процессуальных аспектов, связанных с установленными пределами судебного разбирательства, обосновывается необходимость законодательного закрепления принципа объективной истины в уголовном судопроизводстве. Возможность реализации мер уголовно-правового воздействия, основанная на принципе справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, а также принципов уголовно-процессуального законодательства представляется возможным достигнуть только в случае правильной квалификации совершенного преступления.

На примере законодательной и судебной практики раскрывается необходимость законодательной регламентации института дополнительного расследования, позволяющий предъявить не только более тяжкое обвинение лицу совершившее преступление, но и иным лицам, которые были привлечены в качестве иных участников уголовного судопроизводства, например, в качестве свидетелей или потерпевших, либо прежде не были привлечены в любом качестве по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное законодательство; уголовно-процессуальное законодательство; меры уголовно-правового воздействия; уголовное судопроизводство; права и законные интересы; потерпевшие; принципы; пределы судебного разбирательства; справедливость; принцип объективной истины; дополнительное расследование; следственные действия.

Возможность применения мер уголовно-правового воздействия на основе принципа справедливости непосредственно зависит от ряда уголовно-процессуальных аспектов. Реализация принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ [2], означает, что наказание и иные меры уголовно-правового воздействия, отнесенные к мерам уголовно-правового воздействия, посредством которых реализуется уголовная ответственность, должны соответствовать характеру и степени совершенного преступного деяния, обстоятельствам совершения и личности виновного.

В ряде случаев, как показывает правоприменительная практика, реализация принципа справедливости осуществляется не в полной мере, что

* **Гареев Марат Фаизович**, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

обусловлено положениями ст. 252 УПК РФ, устанавливающей пределы судебного разбирательства в ходе осуществления уголовного судопроизводства. Согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению. В ч. 2 ст. 252 УПК РФ предусмотрена возможность изменения объема обвинения в судебном разбирательстве только в случае, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту [3].

Законодательное закрепление пределов судебного разбирательства обусловлено реализацией прав подсудимого, как на судебную защиту, так и конституционных положений, закрепляющих независимое и беспристрастное осуществление правосудия [1; 11]. Однако, как показывает судебная практика, положения о пределах судебного разбирательства, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве, затрагивают права и законные интересы потерпевших, не позволяя полноценно добиться достижения принципа справедливости, закрепленного в уголовном законодательстве.

В качестве примера приведем уголовное дело в отношении Галиуллина Е.А., который совершил следующие преступные действия.

24 июня 2004 г. примерно в 22 час. Галиуллин Е.А., находясь в состоянии алкогольного опьянения, около садового общества «Виктория», расположенного по ул. Невского г. Альметьевск Республики Татарстан, в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных взаимоотношений между Писаревым, нанес последнему не менее 20 ударов ногами, в обуви по его грудной клетке, причинив телесные повреждения: переломы правых ребер 2–7 по срединно-ключичной линии, двух по около-грудинной линии, 3–5 между срединно-ключичной и передней по срединно-ключичной линии, 3-го, 4-го по задней подмышечной линии; левых ребер 2-го, 4-го по срединно-ключичной линии, 6-ти по передней подмышечной линии; перелома тела грудины на уровне 3-го межребья, которые, по мнению органов предварительного расследования, причинили потерпевшему средней тяжести вред здоровью и соответственно квалифицировали преступление по ч. 1 ст. 112 УК РФ [2].

После нанесения множественных ударов потерпевшему Галиуллин Е.А. завернул потерпевшего в одеяло и перенес его в поле, расположенное недалеко от места происшествия.

На следующий день 25 июня 2004 г., после совершения преступных насильственных действий Галиуллин Е.А. обнаружил, что потерпевший мертв, испугавшись пытался спрятать труп, но через несколько дней пришел в милицию и написал явку с повинной.

В итоге суд назначил Галиуллину наказание в виде лишения свободы сроком один год шесть месяцев с отбыванием в колонии-поселении, которая явно не отвечает требованиям справедливости, установленная уголовным законодательством, из-за отдельных аспектов, имеющих место в уголовно-процессуальном законодательстве [9].

При разрешении данного уголовного дела перед судом стояла сложная дилемма, вызванная следующими обстоятельствами. Подсудимый ранее не был судим, явился с повинной, способствовал раскрытию преступления. Однако, с другой стороны, усматриваются явные признаки более тяжкого

преступления, например, умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего.

Как следует из материалов вышеупомянутого уголовного дела, органами предварительного расследования было игнорировано положение ст. 196 УПК РФ, предписывающая обязательное назначение экспертизы для установления причин смерти [3]. Первоначальная судебно-медицинская экспертиза не смогла установить причины смерти [9].

При сложившихся обстоятельствах, в соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК РФ возникала необходимость назначения повторной экспертизы, которая должна была быть назначена другому эксперту. Тем более, с учетом рекомендаций первоначальной экспертизы, могла быть назначена комиссия или комплексная экспертиза [3].

Однако данные законодательные требования и рекомендации эксперта были проигнорированы органами предварительного следствия, и дополнительная экспертиза была назначена тому же эксперту. Из заключения дополнительной экспертизы № 404 от 10.08.2004 г. следует, что потерпевшему причинен средний вред тяжести здоровью, а причины смерти не представляется возможным установить [9].

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ в п. 6 ст. 1 ст. 237 УПК РФ внесены изменения и дополнения, позволяющие суду возвратить уголовное дело прокурору, указывающих о наличии основания для квалификации действия, совершившего более тяжкое преступное (общественно опасное) деяние [3].

Отсутствие подробной законодательной регламентации в действующем уголовно-процессуальном законодательстве норм и институтов, предусматривающих полноценное проведение следственных действий после возвращения уголовного дела прокурору, включая возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, которые не были привлечены к ней, несмотря на то, что в их деяниях усматриваются признаки преступления, которые они совершили группой лиц по предварительному сговору или даже организованной группой, приводят к весьма скудной судебной практике, которое, в свою очередь не позволяет полноценно реализовать принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ [2].

Для достижения принципов уголовного и уголовно-процессуального законодательства в п. 3 ст. 232 УПК РСФСР 1960 г. была предусмотрена возможность направления материалов уголовного дела для дополнительного расследования при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанное с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащего в обвинительном заключении. Кроме того, основанием для проведения дополнительного расследования в ч. 4 ст. 232 УПК РСФСР были основания, указывающие о необходимости привлечения к уголовной ответственности по данному уголовному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела. При возникновении вышеперечисленных обстоятельств уголовное дело направлялось прокурору для дополнительного расследования [12, с. 413].

Несмотря на возможность в настоящее время вернуть уголовное дело прокурору для предъявления более тяжкого обвинения, следственные органы не спешат реализовывать практику предъявления обвинения другим лицам после возвращенного судом уголовного дела прокурору.

Данное обстоятельство может быть обусловлено позицией Конституционного Суда РФ, отраженной в Постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 259 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород», которым признаны не соответствующие Конституции РФ положения пунктов 1 и 3 ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР, предусматривающие возможность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невозможности в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении [6].

Основываясь на вышеуказанных положениях постановления Конституционного Суда РФ и ст. 252 УПК РФ, устанавливающих пределы судебного разбирательства, строится правоприменительная практика по рассмотрению и разрешению уголовных дел судами общей юрисдикции.

По сути, речь идет о конкуренции таких конституционных принципах уголовного судопроизводства как состязательность и равноправие сторон с конституционными положениями о защите прав и свобод человека и гражданина [1; 11].

Весьма осторожная позиция следственных органов приводит к необходимости законодательной регламентации действий со стороны обвинения, которые они должны произвести после возвращения уголовного дела прокурору. Фактически, речь идет о возобновлении института дополнительного расследования, позволяющее возвращать уголовное дело суду прокурору для направления руководителю следственного органа и проведения дополнительных следственных действий, а также и возможности предъявления обвинения другим реальным соучастникам преступления. Соответствующие изменения предлагается внести в нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие принятие процессуального решения при возврате уголовного дела по итогам предварительного слушания, судебного разбирательства, апелляционного, кассационного и надзорного производства.

Одновременно, отказ от законодательного закрепления в современном уголовно-процессуальном законодательстве принципа объективной истины закладывает потенциальную возможность нарушения прав и законных интересов граждан, что не в полной мере приводит к решению предупредительных задач уголовного законодательства, установленных ст. 2 УК РФ [2].

Несмотря на законодательные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, позволяющие вернуть уголовное дело для предъявле-

ния более тяжкого обвинения, определенный интерес вызывает следующий пример из судебной практики. Им может служить уголовное дело в отношении Семеньчикова И.А., обвиненного в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ [2], которое он совершил при следующих обстоятельствах.

22 августа 2004 г. примерно в 5 часов утра И.А.Семеньчиков, с целью хищения чужого имущества, находясь в летнее кафе, расположенном на «каскаде прудов» по ул. Шевченко г. Альметьевска, тайно похитил: пиво «Клинское» в количестве 100 бутылок, пиво «Сибирская корона» в количестве 62 бутылок, пиво «Красный восток» в количестве 15 бутылок объемом 1,5 л., пиво «Челнинское» в количестве 20 бутылок, сигареты «Винстон» в количестве 20 пачек, сигареты «LM» в количестве 20 пачек, сигареты «Парламент» в количестве 20 пачек, орехи «Арахис» в количестве 100 упаковок, чипсы «Наш чемпион» в количестве 50 упаковок, шоколад «Сладко» в количестве 20 штук, шоколады-батончики «Марс», «Сникерс», «М/М» в количестве 24 штук, жевательную резину в количестве 210 упаковок, а также денежные средства в сумме 700 рублей, ящик для денег и ящик для тревожной кнопки [10].

Обстоятельства совершенного преступления наглядно демонстрирует, что данная кража была совершена в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группой, поскольку физически один человек не в состоянии совершить хищение столь значительного количества имущества.

Следуя конституционному принципу презумпции невиновности, предположительно вышеназванное преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору в количестве пяти человек, которые были допрошены по данному уголовному делу в качестве свидетелей. В пользу данных доводов имеются показания этих свидетелей, которые в подробностях были осведомлены об обстоятельствах совершения преступления.

Ненадлежащая квалификация преступления на стадии предварительного расследования и законодательное препятствие на предъявление обвинения другим реальным соучастникам преступления, которая выявилась на стадии судебного разбирательства, позволила уйти от уголовной ответственности лицам, которые реально совершили более тяжкое преступное деяние. В свою очередь это порождает чувство безнаказанности и приводит к недостижению предупредительных задач уголовного законодательства.

Не подвергая сомнению вышеизложенные положения постановления Конституционного Суда РФ и иные судебные акты, вынесенные им в связи конкуренцией конституционных положений в части защиты прав и законных интересов граждан и иных лиц, и реализацией таких конституционных принципов, как состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве, приоритетными должны выступить права и законные интересы граждан и иных лиц. Данная позиция основана на ряде международно-правовых актов [8], Конституции России [1; 11], а также задачах уголовного судопроизводства.

Вышеизложенные обстоятельства наглядно демонстрирует, что предоставление приоритета конституционным принципам судопроизводства в непосредственной связи с защитой прав преступника приводит в крайне ущемленное положение права потерпевшего, который и так пострадал от совершенного преступления. Особенно данная проблема приобретает актуальность, когда осуществляется преступное посягательство на жизнь и здоровье человека, представляющие особые, а по сути, бесценные социальные ценности.

В этой связи, приоритетными должны выступить права и законные интересы потерпевшего, который оказался в более уязвимом положении, чем лицо, совершившее преступление. В данном случае потерпевший должен получить полную возможность реализовать защиту своих прав, свобод и законных интересов, в первую очередь право на судебную защиту, о которых также неоднократно высказывался Конституционный Суд РФ [4]. По мнению, Конституционного Суда РФ, Конституция Российской Федерации, признавая права и свободы человека высшей ценностью, определяющей смысл, содержание и применение законов, местного самоуправления и обеспечиваемой правосудием, гарантирует судебную защиту [5].

Предоставляя приоритетность в защите прав лица, совершившего преступление, следует принять во внимание положение ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, в которой указано, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должны нарушать права и свободы других лиц [1; 11].

Продолжением реализаций конституционных положений о защите прав и свобод человека и гражданина являются положения ст. 6 УПК РФ, которая в качестве приоритетной российского уголовно-процессуального законодательства обозначены права и законные интересы потерпевшего, а права лица, совершившего преступление, являются производными от главной задачи [3].

Приоритетность защиты прав и законных интересов потерпевших указывается и в международно-правовых актах. В частности, ч. 2 ст. 25 Конвенции против транснациональной организованной преступности, которая закрепила обязательство каждого государство-участника устанавливать надлежащие процедуры для обеспечения доступа к компенсации и возмещению ущерба потерпевшим от преступлений [7]. В свою очередь, снижение карательного потенциала мер уголовно-правового воздействия, обусловленные процессуальными препятствиями, направленные на установление полноценной объективной истины, в значительной степени способствуют снижению размера компенсации за причиненный вред преступлением.

В ряде других международно-правовых актах, ратифицированных Российской Федерацией, также предусмотрена приоритетность защиты прав и законных интересов потерпевшего [8].

Исходя из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила между-

народного договора» [1; 11], причем этот международный договор должен быть ратифицирован Российской Федерацией.

В связи с более привилегированным положением лица, совершившего преступление, и для реализации конституционных гарантий соблюдения прав, свобод и законных интересов потерпевшего следует возобновить принцип объективной истины в уголовном судопроизводстве, который ранее был закреплен в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. Он предписывал, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства [12].

В определенной степени отказ от принципа объективной истины, предусматривающий всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, обусловлен пониманием его как «процессуального требования инквизиционного характера, вытекающего из принципа объективной истины» [13].

Одним из сторонников отказа от принципа объективной истины является С.А. Пашин, который указывал, что «юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом ... с помощью доказательств не устанавливается истина, а обосновываются определенные выводы ... а поиск истины – это работа тех, кто отвечает за результат лишь в том смысле, что он должен сказать: «Да, виновен», если это доказано, и больше ничего» [13, с. 312].

Такого рода понимание объективной истины явно не соответствует законодательным положениям ныне действующего уголовно-процессуального законодательства, которое в определенной степени требует ее реализации. На это указывают положения ст. 73 УПК РФ, которые по сравнению со ст. 68 УПК РСФСР являются более предпочтительными, поскольку, по сути, предписывают реализовать принцип объективной истины в уголовном судопроизводстве в связи с более детальной регламентацией обстоятельств, подлежащих доказыванию, а именно обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния (п. 5), смягчающие и отягчающие вину обстоятельства (п. 6), обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания [3].

В этой связи являются справедливыми высказывания П.А. Лупинской, которая указала, что «...об истине, понимаемой как соответствие установленных обстоятельств дела, тому, что имело место в действительности, можно говорить применительно к обвинительному приговору ... Выводы, содержащиеся в обвинительном приговоре, должны быть достоверными, т.е. вполне верными, истинными, несомненными» [14, с. 222].

Как уже было отмечено, в ряде случаев из-за законодательных ограничений не представляется возможным установить достоверно все обстоятельства совершенного преступления и соответственно назначить меры уголовно-правового характера, отвечающие принципам справедливости. Принимая во внимание, что ряд норм уголовно-процессуального законодательства содержат требования об установлении всех обстоятельств уголов-

ного дела и невыполнение указанных приводят к нарушению прав и законных интересов потерпевшего автор предлагает возобновить принцип объективной истины в уголовном судопроизводстве.

Принцип объективной истины предлагается закрепить в ст. 7¹ УПК РФ под названием «Объективная истина» следующего содержания: «В ходе уголовного судопроизводства суд, судья, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель обязаны принимать меры для всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств уголовного дела».

При этом о нарушении принципов равноправия и состязательности сторон, а также положений о пределах судебного разбирательства, установленные ст. 252 УПК РФ [3], не может быть речи, поскольку суд при повторном поступлении уголовного дела будет рассматривать его в рамках предъявленного обвинения и только в отношении лиц, привлеченных по уголовному делу в качестве обвиняемых.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // www.consultant.ru

3. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // www.consultant.ru

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта й статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности и гражданина В.В. Макеева //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 6. – Ст. 828.

5. П. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 21 января 2019 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса Административного судопроизводства в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева //<https://legalacts.ru/>

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» //<https://legalacts.ru/>

7. Ст. 32 Конвенции против транснациональной организованной преступности. Принята в г. Нью-Йорк 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ратифицирована Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю, воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее». //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.

8. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. – 1992. № 9–10. – С. 39; Рекомендации Комитета Министров Совета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R (85) 11 «Комитет – министров государствам-членам относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса» // Российская юстиция. – 1997. – № 7; Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства. (Минск, 28 ноября 2006 г.) Ратифицирован Федеральным законом «О ратификации Соглашения о защите участников уголовного судопроизводства от 25 декабря 2008 г. № 275-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 5. Ст. 460; Ст. 13 Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма ETS № 196 (Варшава 16 мая 2005 г.) Ратифицирован Федеральным законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма». // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 17 (часть I). – Ст. 1785; Ст. 8 Всеобщей декларации прав человека. Принята на третьей сессии Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета, 1998, 10 декабря; Пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII с заявлением // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291; Ст. 35 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята в г. Нью-Йорк 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой Генеральной Ассамблеи ООН. Ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции». // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. Ст. 2780; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Заключена в г. Нью-Йорке 09 декабря 1999 г. // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 12. – Ст. 1059.

9. Архив мирового судьи судебного участка № 6 по Альметьевскому судебному району за 2004 г. Приговор от 08 сентября Дело № 1–36/6 за 2004 г.

10. Архив мирового судьи судебного участка № 6 по Альметьевскому судебному району Республики Татарстан за 2004 г. Приговор от 26 октября 2004 г. Дело № 1–50/6.

11. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. / Отв. ред. Радченко В.И.; под ред. Томина В.Т. – М.: Юрайт, 2000. – 760 с.

13. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. – М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. – 384 с.

14. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Ответ. ред. Лупинская П.А. – М.: Юрист, 2003. – 797 с.

Для цитирования: Гареев М.Ф. Соотношение мер уголовно-правового воздействия и процессуальных пределов судебного разбирательства: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 115–123.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.116

Correlation of measures of criminal law impact and procedural limits of judicial proceedings

Marat F. Gareev*

Annotation. The article deals with the problem of the correlation of measures of criminal legal influence and procedural aspects related to the established limits of the trial, substantiates the need for legislative consolidation of the principle of objective truth in criminal proceedings. The possibility of implementing measures of criminal law impact, based on the principle of justice, enshrined in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the principles of criminal procedure legislation, it seems possible to achieve only if the crime is correctly qualified.

On the example of legislative and judicial practice, the need for legislative regulation of the institution of additional investigation is revealed, which allows bringing not only a more serious charge to the person who committed the crime, but also to other persons who were involved as other participants in criminal proceedings, for example, as witnesses or victims, or before were not involved in any capacity in the criminal case.

Keywords: criminal law; criminal procedure legislation; measures of criminal-legal influence; criminal proceedings; rights and legitimate interests; victims; principles; the limits of litigation; justice; the principle of objective truth; additional investigation; investigative actions.

The possibility of applying measures of criminal legal influence on the basis of the principle of justice directly depends on a number of criminal procedural aspects. Implementation of the principle of justice enshrined in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation [2], means that punishment and other measures of criminal law influence, classified as measures of criminal law influence, through which criminal liability is implemented, must correspond to the nature and degree of the committed criminal act, the circumstances of the commission and the identity of the perpetrator.

In a number of cases, as law enforcement practice shows, the implementation of the principle of justice is not carried out in full, which is due to the provisions of Art. 252 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which establishes the limits of judicial proceedings in the course of criminal proceedings. According to Part 1 of Art. 252 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the trial is conducted only in relation to the accused and only on the basis of the charge. In part 2 of Art. 252 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provides for the possibility of changing the scope of the charge in the trial only if this does not worsen the situation of the defendant and does not violate his right to defense [3].

Legislative consolidation of the limits of the trial is due to the implementation of the rights of the defendant, both to judicial protection and constitutional provisions that establish an independent and impartial administration of

* **Gareev Marat Faizovich**, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

justice [1; 11]. However, as judicial practice shows, the provisions on the limits of the trial, enshrined in the criminal procedural legislation, affect the rights and legitimate interests of the victims, not allowing to fully achieving the principle of justice enshrined in criminal legislation.

As an example, let us cite the criminal case against E.A. Galiullin, who committed the following criminal acts.

June 24, 2004 at about 10 p.m. Galiullin E.A., being in a state of intoxication, near the garden society "Victoria", located on the street. Nevsky, Almeyevsk, Republic of Tatarstan, during a quarrel that arose on the basis of personal hostile relationships between Pisarev, inflicted at least 20 kicks on the latter in shoes on his chest, causing bodily injuries: fractures of the right ribs 2–7 along the mid-clavicular line, two along the near-sternal line, 3–5 between the mid-clavicular and anterior along the mid-clavicular line, 3rd, 4th along the posterior axillary line; left ribs of the 2nd, 4th along the mid-clavicular line, 6 along the anterior axillary line; fracture of the body of the sternum at the level of the 3rd intercostal space, which, according to the preliminary investigation authorities, caused harm to the victim of moderate severity and accordingly qualified the crime under Part 1 of Art. 112 of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

After applying multiple blows to the victim Galiullin E.A. wrapped the victim in a blanket and carried him to a field located near the scene.

The next day, June 25, 2004, after the commission of criminal violent acts, Galiullin E.A. discovered that the victim was dead, frightened, he tried to hide the corpse, but a few days later he came to the police and wrote a confession.

As a result, the court sentenced Galiullin to imprisonment for a period of one year and six months in a colony-settlement, which clearly does not meet the requirements of justice established by criminal law, due to certain aspects that take place in the criminal procedure law [9].

When resolving this criminal case, the court faced a difficult dilemma caused by the following circumstances. The defendant had no previous convictions, turned himself in, and contributed to the disclosure of the crime. However, on the other hand, there are clear signs of a more serious crime, for example, the intentional infliction of grievous bodily harm, which negligently caused the death of the victim.

As follows from the materials of the aforementioned criminal case, the bodies of the preliminary investigation ignored the provision of Art. 196 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which prescribes the mandatory appointment of an examination to determine the causes of death [3]. The initial forensic medical examination was unable to determine the cause of death [9].

Under the circumstances, in accordance with Part. 2 Article. 207 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, it became necessary to appoint a re-examination, which was to be assigned to another expert. Moreover, taking into account the recommendations of the initial examination, a commission or complex examination could be appointed [3].

However, these legislative requirements and recommendations of the expert were ignored by the preliminary investigation authorities, and an addi-

tional expert examination was assigned to the same expert. From the conclusion of the additional examination No. 404 dated August 10, 2004, it follows that the victim suffered moderate damage to health, and it is not possible to establish the cause of death [9].

Federal Law of July 21, 2014 No. 269-FZ in paragraph 6 of Art. 1 st. 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, amendments and additions were made that allow the court to return the criminal case to the prosecutor, indicating that there are grounds for qualifying the action that committed a more serious criminal (socially dangerous) act [3].

The absence of detailed legislative regulation in the current criminal procedural legislation of norms and institutions that provide for the full conduct of investigative actions after the return of the criminal case to the prosecutor, including the possibility of bringing to criminal responsibility persons who were not brought to it, despite the fact that their actions contain signs of a crime that they committed by a group of persons by prior agreement or even by an organized group leads to very poor judicial practice, which, in turn, does not allow the full implementation of the principle of justice enshrined in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

To achieve the principles of criminal and criminal procedure legislation in paragraph 3 of Art. 232 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960 provided for the possibility of sending the materials of the criminal case for additional investigation if there were grounds for bringing the accused another charge related to the one previously brought, or for changing the charge to a more serious one or significantly different in actual circumstances from the charge contained in the indictment. In addition, the basis for an additional investigation in Part 4 of Art. 232 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, there were grounds indicating the need to bring other persons to criminal liability in this criminal case if it was impossible to single out case materials about them. In the event of the above circumstances, the criminal case was sent to the prosecutor for additional investigation [12, p. 413].

Despite the possibility at present to return the criminal case to the prosecutor for filing a more serious charge, the investigating authorities are in no hurry to implement the practice of bringing charges against other persons after the criminal case has been returned by the court to the prosecutor.

This circumstance may be due to the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, reflected in the Resolution of April 20, 1999 No. 7-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 3 of the first part of Article 232, part four of Article 248 and part one of Article 259 Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the requests of the Irkutsk District Court of the Irkutsk Region and the Soviet District Court of the city of Nizhny Novgorod, which recognized the provisions of paragraphs 1 and 3 of Part 1 of Art. 232 and part 1 of Art. 258 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, which provide for the possibility, on one's own initiative, to return a criminal case to the prosecutor in the event of an incompleteness of the investigation that is irreparable at the court session, as well as if there are grounds for bringing another accusation against the accused or for changing the accusation to a more serious one or one that differs

substantially from the accusation in factual circumstances, contained in the indictment [6].

Based on the above provisions of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation and Art. 252 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which establish the limits of judicial proceedings, law enforcement practice is being built for the consideration and resolution of criminal cases by courts of general jurisdiction.

In fact, we are talking about the competition of such constitutional principles of criminal proceedings as competitiveness and equality of the parties with constitutional provisions on the protection of the rights and freedoms of man and citizen [1; eleven].

The very cautious position of the investigating authorities leads to the need for legislative regulation of the actions on the part of the prosecution, which they must perform after the return of the criminal case to the prosecutor. In fact, we are talking about the resumption of the institution of additional investigation, which allows the criminal case to be returned to the court to the procurator for referral to the head of the investigative body and additional investigative actions, as well as the possibility of indicting other real accomplices in the crime. Appropriate changes are proposed to be made to the norms of criminal procedural legislation governing the adoption of a procedural decision when a criminal case is returned based on the results of a preliminary hearing, trial, appeal, cassation and supervisory proceedings.

At the same time, the refusal to legislate the principle of objective truth in modern criminal procedure legislation lays the potential for violating the rights and legitimate interests of citizens, which does not fully lead to the solution of the preventive tasks of criminal law established by Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

Despite the legislative changes in the criminal procedural legislation, which allow the return of a criminal case for a more serious charge, the following example from judicial practice is of particular interest. They can serve as a criminal case against Semenchikov I.A., accused of committing a crime under Part 1 of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation [2], which he committed under the following circumstances.

On August 22, 2004, at about 5 o'clock in the morning, I.A. Semenchikov, in order to steal other people's property, while in a summer cafe located on the "cascade of ponds" on the street. Shevchenko, Almetievsk, secretly stole: 100 bottles of Klinskoye beer, 62 bottles of Sibirskaya Korona beer, 15 bottles of 1.5-liter beer Krasny Vostok, Chelninskoye beer 20 bottles, 20 packs of Winston cigarettes, 20 packs of LM cigarettes, 20 packs of Parliament cigarettes, 100 packs of Peanuts, 50 Our Champion chips packs, Sladko chocolate in the amount of 20 pieces, Mars, Snickers, M/M chocolate bars in the amount of 24 pieces, chewing gum in the amount of 210 packs, as well as cash in the amount 700 rubles, a box for money and a box for a panic button [10].

The circumstances of the crime clearly demonstrate that this theft was committed as part of a group of persons by prior agreement or by an organized group, since physically one person is not able to steal such a significant amount of property.

Following the constitutional principle of the presumption of innocence, the above-mentioned alleged crime was committed by a group of persons by prior agreement in the amount of five people who were interrogated in this criminal case as witnesses. In favor of these arguments, there are testimonies of these witnesses, who were aware of the circumstances of the crime in detail.

The improper qualification of the crime at the preliminary investigation stage and the legislative obstacle to bringing charges against other real accomplices of the crime, which was revealed at the trial stage, allowed persons who actually committed a more serious criminal act to evade criminal responsibility. In turn, this gives rise to a sense of impunity and leads to failure to achieve the preventive objectives of criminal legislation.

Without questioning the above provisions of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation and other judicial acts issued by it in connection with the competition of constitutional provisions in terms of protecting the rights and legitimate interests of citizens and other persons, and the implementation of such constitutional principles as competitiveness and equality of parties in criminal proceedings, priority should be given to the rights and legitimate interests of citizens and other persons. This position is based on a number of international legal acts [8], the Constitution of Russia [1; 11], as well as the tasks of criminal proceedings.

The above circumstances clearly demonstrate that giving priority to the constitutional principles of legal proceedings in direct connection with the protection of the rights of the offender leads to an extremely infringed position on the rights of the victim, who has already suffered from the crime committed. Especially this problem becomes relevant when a criminal encroachment on human life and health is carried out, representing special, and in fact, invaluable social values.

In this regard, the priority should be the rights and legitimate interests of the victim, who is in a more vulnerable position than the person who committed the crime. In this case, the victim should get the full opportunity to exercise the protection of his rights, freedoms and legitimate interests, primarily the right to judicial protection, which the Constitutional Court of the Russian Federation has also repeatedly spoken about [4]. According to the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, recognizing human rights and freedoms as the highest value that determines the meaning, content and application of laws, local self-government and provided by justice, guarantees judicial protection [5].

Giving priority in protecting the rights of the person who committed the crime, one should take into account the provision of Part 3 of Art. 17 of the Constitution of the Russian Federation, which states that the exercise of human and civil rights and freedoms should not violate the rights and freedoms of other persons [1; 11].

The continuation of the implementation of the constitutional provisions on the protection of the rights and freedoms of man and citizen are the provisions of Art. 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which defines the rights and legitimate interests of the victim as a priority of

the Russian criminal procedural legislation, and the rights of the person who committed the crime, are derived from the main task [3].

The priority of protecting the rights and legitimate interests of victims is also indicated in international legal acts. In particular, Part 2 of Art. 25 of the Convention against Transnational Organized Crime, which consolidated the obligation of each state party to establish appropriate procedures to ensure access to compensation and reparation for victims of crimes [7]. In turn, a decrease in the punitive potential of criminal law measures due to procedural obstacles aimed at establishing a full-fledged objective truth; to a large extent contribute to a decrease in the amount of compensation for harm caused by a crime.

A number of other international legal acts ratified by the Russian Federation also provide for the priority of protecting the rights and legitimate interests of the victim [8].

Based on the provisions of h. 4 Article. 15 of the Constitution of the Russian Federation “The generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system. If an international treaty of the Russian Federation establishes rules other than those provided for by law, then the rules of the international treaty shall apply” [1; 11], and this international treaty must be ratified by the Russian Federation.

In connection with the more privileged position of the person who committed the crime, and in order to implement constitutional guarantees for the observance of the rights, freedoms and legitimate interests of the victim, the principle of objective truth in criminal proceedings, which was previously enshrined in Art. 20 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960. He prescribed that the court, the prosecutor, the investigator and the person conducting the inquiry were obliged to take all measures provided for by law for a comprehensive, complete and objective study of the circumstances of the case, to identify both incriminating and exculpatory of the accused, as well as circumstances mitigating and aggravating his responsibility [12].

To a certain extent, the rejection of the principle of objective truth, which provides for the comprehensiveness, completeness and objectivity of the study of the circumstances of the case, is due to its understanding as “a procedural requirement of an inquisitorial nature, arising from the principle of objective truth” [13].

One of the supporters of the rejection of the principle of objective truth is S.A. Pashin, who pointed out that “a lawyer is not responsible for discovering the truth, but only for ensuring that the result of a judgment is achieved in a certain way ... with the help of evidence, the truth is not established, but certain conclusions are substantiated ... and the search for truth is the work of those who are responsible for the result only in the sense that he must say: “Yes, guilty,” if this is proven, and nothing else” [13, p. 312].

This kind of understanding of objective truth clearly does not correspond to the legislative provisions of the current criminal procedure legislation, which to a certain extent requires its implementation. This is indicated by the provisions of Art. 73 Code of Criminal Procedure, which compared with Art. 68 of

the Code of Criminal Procedure of the RSFSR are more preferable, since, in fact, they prescribe to implement the principle of objective truth in criminal proceedings in connection with a more detailed regulation of the circumstances to be proved, namely, the circumstances that exclude the criminality and punishability of the act (paragraph 5), mitigating and aggravating circumstances (clause 6), circumstances that may entail exemption from criminal liability and punishment [3].

In this regard, the statements of P.A. Lupinskaya, who pointed out that "... the truth, understood as the correspondence of the established circumstances of the case, to what actually took place, can be spoken of in relation to the guilty verdict ... The conclusions contained in the guilty verdict must be reliable, those. quite true, true, undoubted" [14, p. 222].

As already noted, in a number of cases, due to legislative restrictions, it is not possible to establish reliably all the circumstances of the crime committed and, accordingly, to appoint measures of a criminal law nature that meet the principles of justice. Taking into account that a number of norms of criminal procedural legislation contain requirements to establish all the circumstances of a criminal case and failure to comply with these leads to a violation of the rights and legitimate interests of the victim, the author proposes to renew the principle of objective truth in criminal proceedings.

The principle of objective truth is proposed to be enshrined in Art. 71 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation under the title "Objective Truth" with the following content: "In the course of criminal proceedings, the court, judge, prosecutor, head of the investigative body, investigator, head of the body of inquiry, head of the inquiry unit, the interrogating officer are obliged to take measures for a comprehensive, complete and objective establishment of the circumstances of the criminal case.

At the same time, the violation of the principles of equality and competitiveness of the parties, as well as the provisions on the limits of the trial, established by Art. 252 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [3], there can be no question, since the court, upon repeated receipt of a criminal case, will consider it within the framework of the charge brought and only in relation to persons involved in the criminal case as defendants.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on March 18, 2023) // www.consultant.ru
3. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on March 18, 2023) // www.consultant.ru
4. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007 No. 1-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of para-

graph d of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints from the limited liability company "Corporate Security Agency and Citizen V.V. Makeeva //Collected Legislation of the Russian Federation dated February 5, 2007 No. 6. Art. 828.

5. Clause 2 of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 21, 2019 No. 6-P "On the case of checking the constitutionality of Article 112 of the Code of Administrative Procedure in connection with the complaint of citizens N.A. Balanyuk, N.V. Lavrentiev, I.V. Popova and V.A. Chernyshev //https://legalacts.ru/

6. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-P dated April 20, 1999 "On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 3 of the first part of Article 232, part four of Article 248 and part one of Article 258 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with requests from the Irkutsk District court of the Irkutsk region and the Soviet district court of the city of Nizhny Novgorod" //https://legalacts.ru/

7. Art. 32 of the Convention against transnational organized crime. Adopted in New York on November 15, 2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly. Ratified by the Federal Law of April 26, 2004 No. 26-FZ "On the Ratification of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime and the Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea, Air and the Protocol to Prevent and Suppress Trafficking in Persons, Especially Women and children, and punishment for her. // Collection of Legislation of the Russian Federation dated October 4, 2004 No. 40. Art. 3882.

8. Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power. Approved by the Resolution of the UN General Assembly No. 40/34 of November 29, 1985 //Soviet Justice. – 1992. No. 9–10. – P. 39; Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Ministers of the Council of Europe dated June 28, 1985 No. R (85) 11 "The Committee of Ministers to Member States regarding the position of the victim in criminal law and criminal procedure" // Russian Justice. 1997. No. 7; Agreement on the protection of participants in criminal proceedings. (Minsk, November 28, 2006) Ratified by the Federal Law "On Ratification of the Agreement on the Protection of Participants in Criminal Proceedings dated December 25, 2008 No. 275-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 5. Art. 460; Art. 13 Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism ETS No. 196 (Warsaw, May 16, 2005) Ratified by Federal Law No. 56-FZ of April 20, 2006 "On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism". // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 17 (part I). Art. 1785; Art. 8 of the Universal Declaration of Human Rights. Adopted at the third session by Resolution 217 A (III) by the UN General Assembly on December 10, 1948 // Rossiyskaya gazeta, 1998, December 10; Article 14, paragraph 1, of the International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly. Ratified by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 18, 1973 No. 4812-VIII with a statement. // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. No. 17. Art. 291; Art. 35 of the United Nations Convention against Corruption. Adopted in New York on October 31, 2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th UN General Assembly. Ratified by Federal Law No. 40-FZ of March 8, 2006 "On Ratification of the United Nations Convention against Corruption". // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 26. Art. 2780; International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism. Concluded in New York on December 09, 1999 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 12. Art. 1059.

9. Archive of the justice of the peace of the court district No. 6 in the Almet'yevsk judicial district for 2004. Sentence of September 08 Case No. 1–36 / 6 for 2004

10. Archive of the magistrate of the court district No. 6 for the Almet'yevsk judicial district of the Republic of Tatarstan for 2004. Sentence of October 26, 2004. Case No. 1–50/6.

11. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 343 p.

12. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the RSFSR. /Answer. ed. Radchenko V.I.; ed. Tomina V.T. Moscow: Yurayt, 2000. 760 p.

13. Pashin S.A. Problems of evidence law //Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions. Moscow: International Committee for the Promotion of Legal Reform, 1995. 384 p.

14. Lupinskaya P.A. Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook / Answer. ed. Lupinskaya P.A. Moscow: Jurist, 2003. 797 p.

For citation: Gareev M.F. Correlation of measures of criminal law impact and procedural limits of judicial proceedings: article // Legal Thought. 2023. – No. 1 (129). P. 124–132.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.129.1.116

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2022 ГОД

Наименование публикации	Номер, страницы
5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Агафонов В.А.</i> Правовое регулирование охраны здоровья и медицинского обслуживания лиц, замещающих муниципальные должности	№ 1 с. 15
<i>Ананьева Е.О.</i> Развитие международного публичного и частного права на современном этапе	№ 2 с. 9
<i>Апольский Е.А.</i> Электронное государство и его эффективность в России	№ 1 с. 25
<i>Битус Д.А.</i> Влияние процессов информатизации на эффективность организации прокурорского надзора за соблюдением права на жилище	№ 1 с. 37
<i>Базака В.В.</i> Деформация общественного правосознания в период военных действий	№ 2 с. 19
<i>Васильев Г.В.</i> Проблемы регулирования долговой устойчивости субъекта Российской Федерации в целях обеспечения стабильного развития региона	№ 3 с. 9
<i>Винокуров В.А.</i> Прекращение права на награду государства	№ 3 с. 26
<i>Высоцкая Г.А.</i> Нормосообразность поведения личности и правовое сознание	№ 3 с. 52
<i>Герасименко Ю.А.</i> Деформация общественного правосознания в период военных действий	№ 2 с. 19
<i>Грибов И.Н.</i> Системообразующее значение понятия справедливости в концепции права Густава Радбруха	№ 4 с. 9
<i>Грунин А.Г.</i> Механизм социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина на примере компенсации морального вреда	№ 1 с. 45
<i>Долгих А.И.</i> Структура государственного управления автомобильным транспортом в городе Санкт-Петербург	№ 3 с. 64
<i>Иванов Д.В.</i> «Теория принципов» Рональда Дворкина – «третий путь» в теории права?	№ 3 с. 76
<i>Иванов Д.В.</i> Системообразующее значение понятия справедливости в концепции права Густава Радбруха	№ 4 с. 9
<i>Ивлиев П.В.</i> Развитие международного публичного и частного права на современном этапе	№ 2 с. 9

<i>Илембетов А.К.</i>	
Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине	№ 4 с. 18
<i>Комаров С.А.</i>	
Нормосообразность поведения личности и правовое сознание	№ 3 с. 52
<i>Куксин И.Н.</i>	№ 1
Высшее образование и влияние пандемии на его качество	с. 54
<i>Масленников Д.В.</i>	№ 1
Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование	с. 69
<i>Маслов И.А.</i>	№ 1
Государственное принуждение в социально-правовом контексте	с. 81
<i>Матюхин А.А.</i>	
К вопросу о компенсации при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении	№ 3 с. 85
<i>Матюхин А.А.</i>	
Нормосообразность поведения личности и правовое сознание	№ 3 с. 52
<i>Мухлынина М.М.</i>	
Правовое регулирование отношений с применением цифровых технологий в сфере нотариата.....	№ 1 с. 123
<i>Муцольгов И.А.</i>	
Электронное государство и его эффективность в России	№ 1 с. 25
<i>Пархоменко Д.В.</i>	
В.Д. Сорокин о едином предмете правового регулирования общественных отношений	№ 4 с. 30
<i>Резнов Б.А.</i>	
О правомерности использования иностранного водительского удостоверения лицами, постоянно проживающими на территории Российской Федерации	№ 1 с. 92
<i>Резнов Б.А.</i>	№ 1
Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование	с. 69
<i>Резнов Б.А.</i>	
К вопросу о компенсации при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении	№ 3 с. 85
<i>Романенко Н.С.</i>	№ 1
Понятие и признаки юридической процедуры.....	с. 114
<i>Твердова Т.В.</i>	
Правовое регулирование отношений с применением цифровых технологий в сфере нотариата.....	№ 1 с. 123

**5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ)**

<i>Ганиева Д.Р.</i>	
Оптимизация правовой регламентации института предоставления муниципальных услуг	№ 4 с. 42
<i>Литвинов Н.П.</i>	
Основные экономические права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы соблюдения в условиях чрезвычайной ситуации	№ 3 с. 102

<i>Мангильдина Н.А.</i> Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования: вопросы теории и практики	№ 1 с. 128
---	---------------

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

<i>Кевро М.Н.</i> Публично-правовые компании как объект контроля (надзора) в Российской Федерации	№ 2 с. 41
<i>Ревнов Б.А.</i> Возможные аспекты модернизации законодательного регулирования противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе	№ 4 с. 51
<i>Скачкова Г.С.</i> Стратегия поддержки работников в периоды неопределенности	№ 2 с. 49
<i>Сувидов В.В.</i> Возможные аспекты модернизации законодательного регулирования противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе	№ 4 с. 51

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Ворошилов С.Я.</i> Защита от преступлений, совершаемых с применением оружия, поражающего излучением.....	№ 2 с. 65
<i>Гареев М.Ф.</i> Ещё раз о принудительных мерах медицинского характера.....	№ 3 с. 118
<i>Гареев М.Ф.</i> Отдельные аспекты соотношения мер уголовно-правового воздействия и объекта преступления (уголовно-правовая охрана медицинских работников).....	№ 3 с. 135
<i>Гареев М.Ф.</i> Отдельные уголовно-процессуальные аспекты предупреждения мошенничества	№ 4 с. 87
<i>Гареев М.Ф.</i> Применение принципов уголовного судопроизводства как эффективное средство для достижения целей наказания (на примере послевоенной эпохи Советского Союза)	№ 4 с. 66
<i>Дронова О.Б.</i> Виды транспортных документов, подлежащих изучению по делам о ДТП с участием маршрутных транспортных средств	№ 2 с. 73
<i>Евсеевков С.В.</i> Мошенничество в сфере оборота недвижимости в современном российском обществе	№ 4 с. 101
<i>Логинов А.В.</i> Проблемы соотношения девиантологии и профессионального маргинализма в современном управлении персоналом правоохранительных органов	№ 2 с. 89
<i>Лозовицкая Г.П.</i> Теоретические аспекты формирования и реализации кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации	№ 2 с. 100
<i>Мисловская У.Д.</i> Факторы виктимизации жертв преступлений в сети	№ 3 с. 149

<i>Медяник О.В.</i>	№ 3
Факторы виктимизации жертв преступлений в сети	с. 149
<i>Тарасова В.И.</i>	№ 2
Виды транспортных документов, подлежащих изучению по делам о ДТП с участием маршрутных транспортных средств	с. 73

5.1.5. – МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Лебедева Я.И.</i>	№ 2
«Правило Симменталь» в новейшей практике Суда Европейского Союза.....	с. 119

В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРУ

<i>Бастрыкин А.И.</i>	№ 2
Лекция: Предупреждение и расследование преступлений коррупционной направленности, совершенных специальными субъектами.....	с. 130
<i>Бастрыкин А.И.</i>	№ 3
Лекция: Актуальные проблемы совершенствования судебной системы и деятельности судов Российской Федерации.....	с.164

ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре**. Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. **Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).**

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте (**в отпечатанном виде**) и с **электронной копией**.

8. **Рецензии присылаются вместе со статьями.** В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS

for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House “Law Institute” (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author)**, indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the commendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку,
обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или **магистра**

(в зависимости от срока обучения)

и выдается **диплом о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим (неюридическим) образованием**
– **ускоренный курс обучения – 3 года**

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 1.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 1.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки);
- 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: <http://lawinst-spb.ru/magazine>
<http://matgip.ru>
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 30.12.2022. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 8,5. Усл. п.л. 14,54. Тираж 100 экз. Заказ № 10482.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru